

Научный
журнал

Учредитель
и издатель:
федеральное
государственное
бюджетное
образовательное
учреждение высшего
образования
«Национальный
исследовательский
Мордовский
государственный
университет
им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

Т. 25

3/2017

(№ 100)

СОДЕРЖАНИЕ

Журналу 25 лет!

Политическое пространство региона

- 316 **А. С. Елсаков.** Основные характеристики партийной системы Боснии и Герцеговины
- 354 **Л. М. Лемайкина, Е. Г. Уляшкина.** Многоязычность как фактор социально-политических отношений в регионе

Экономика региона

- 364 **К. А. Кудрявцев.** Исследование и устранение пробелов в государственном регулировании тарифа на теплоноситель в регионе
- 379 **Е. Н. Королева, О. В. Семенчук, А. А. Гранкина.** Муниципальный мегапроект как инструмент эффективного использования потенциала сельского пространства региона

Социология региона

- 393 **М. А. Жулина, В. М. Кицис.** Туристская инфраструктура в регионе (коллективные средства размещения): состояние, тенденции, проблемы
- 407 **И. Н. Пронина, И. Л. Сиротина, М. А. Шорохова.** Брендинговые стратегии г. Саранска в контексте категории «качество жизни»

Главный редактор:
кандидат
экономических
наук, доцент
С. М. ВДОВИН

Журнал
входит в
Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых
должны быть
опубликованы
основные
научные результаты
диссертаций
на соискание
ученой степени
кандидата наук,
на соискание
ученой степени
доктора наук

421 **А. Н. Ершов, И. В. Логинова, А. А. Салатова, С. Е. Шашуров, А. Р. Зиязитдинова.** Внедрение карты жителя Республики Татарстан как способ организации эффективного государственного управления

438 **А. Г. Филипова, А. В. Еськова, А. В. Инзарцев.** Социальный потенциал региона: опыт использования кластерного анализа

456 **Т. М. Дадаева.** Семьи чайлдфри в регионе: миф или реальность?

472 **Рецензии**

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

Scholarly
Journal

Founder and Publisher:
Federal State
Budgetary
Educational
Institution of
Higher Education
«National Research
Ogarev Mordovia
State University»

The journal
has been
published since
October 1992

The journal
is published
quarterly

Vol. 25

3/2017

Continuous
issue 100

CONTENTS

*The Journal celebrates
its 25th anniversary!*

Political Space of a Region

316 **A. S. Elsakov.** The Main Characteristics of the Party System of Bosnia and Herzegovina

354 **L. M. Lemaikina, E. G. Ulyashkina.** Multilingualism as a Factor of Socio-Political Relations in a Region

Economy of a Region

364 **K. A. Kudryavtsev.** Research and Filling Gaps in the State Regulation of the Price on the Heat-Transfer Agent in a Region

379 **E. N. Koroleva, O. V. Semenchuk, A. A. Grankina.** Municipal Mega-Project as a Tool for Effective Use of the Potential of the Rural Areas of a Region

Sociology of a Region

393 **M. A. Zhulina, V. M. Kitsis.** Tourist Infrastructure in a Region (Collective Accommodation Facilities): the State, Tendencies and Problems

407 **I. N. Pronina, I. L. Sirotina, M. A. Shorokhova.** Branding Strategies of the City of Saransk in the Context of the Category of "Quality of Life"

Editor-in-Chief:
Candidate
of Economic
Sciences, Docent
S. M. VDOVIN

The journal
is included
into the
List of the
peer-reviewed
scientific
publications
where the basic
scientific results
of candidate's
and doctoral
theses must be
published

421 **A. N. Ershov, I. V. Loginova, A. A. Salatova, S. E. Shashurov, A. R. Ziyazitdinova.** Introduction of the Card of a Resident of the Republic of Tatarstan as a Way of Organizing Effective Public Administration

438 **A. G. Filipova, A. V. Eskova, A. V. Inzartsev.** Social Potential of a Region: Experience of Using Cluster Analysis

456 **T. M. Dadaeva.** Childfree Families in a Region: Myth or Reality?

472 **Reviews**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. М. Вдовин — главный редактор, канд. экон. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
e-mail: rector@adm.mrsu.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>

И. Н. Барыгин — д-р полит. наук, проф. (г. С.-Петербург, Россия)
e-mail: ibarygin@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>

И. В. Бахлов — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
e-mail: bahlov@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>

В. И. Гришин — д-р экон. наук, проф. (г. Москва, Россия)
e-mail: Rector@rea.ru

А. В. Дахин — д-р филос. наук, проф. (г. Нижний Новгород, Россия)
e-mail: nn9222@rambler.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>

П. В. Дружинин — д-р экон. наук, доц. (г. Петрозаводск, Россия)
e-mail: pdruzhinin@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>

Л. В. Калачина — отв. секретарь, канд. культурологии (г. Саранск, Россия)
e-mail: regionologiya_lk@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2575-5229>

В. В. Козин — зам. главного редактора, канд. социол. наук, доц. (г. Саранск, Россия)
e-mail: vladimir.kozin13@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1646-6636>

В. А. Ковалев — д-р полит. наук, доц. (г. Сыктывкар, Россия)
e-mail: vant_2000@mail.ru

А. Е. Лапин — д-р экон. наук, проф. (г. Ульяновск, Россия)
e-mail: eagov01@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>

М. Н. Макарова — д-р социол. наук, доцент (г. Ижевск, Россия)
e-mail: makmar11@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>

В. И. Патрушев — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия)
e-mail: vipatrushev@yandex.ru

Г. А. Резник — д-р экон. наук, проф. (г. Пенза, Россия)
e-mail: reznikga@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>

Ж. Симанавичене — д-р экон. наук, проф. (г. Каунас, Литва)
e-mail: zaneta.simanaviciene@ktu.lt ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>

В. П. Шалаев — д-р филос. наук, проф. (г. Йошкар-Ола, Россия)
e-mail: shalaevvp@Volgatech.net ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>

EDITORIAL BOARD

Sergei M. Vdovin — Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)

e-mail: rector@adm.mrsu.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7363-1389>

Igor N. Barygin — Doctor of Political Sciences, Full Professor (St. Petersburg, Russian Federation)

e-mail: ibarygin@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8143-3136>

Igor V. Bakhlov — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)

e-mail: bahlov@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6886-5762>

Viktor I. Grishin — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation) *e-mail:* Rector@rea.ru

Andrey V. Dakhin — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

e-mail: nn9222@rambler.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5907-706X>

Pavel V. Druzhinin — Doctor of Economic Sciences, Docent (Petrozavodsk, Russian Federation)

e-mail: pdruzhinin@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5303-0455>

Larisa V. Kalachina — Executive Secretary, Candidate of Culturology (Saransk, Russian Federation)

e-mail: regionologiya_lk@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2575-5229>

Vladimir V. Kozin — Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Sociological Sciences, Docent (Saransk, Russian Federation)

e-mail: vladimir.kozin13@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1646-6636>

Viktor A. Kovalev — Doctor of Political Sciences, Docent (Syktyvkar, Russian Federation) *e-mail:* vant_2000@mail.ru

Anatoly E. Lapin — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Ulyanovsk, Russian Federation)

e-mail: eagov01@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1467-0358>

Marina N. Makarova — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Izhevsk, Russian Federation)

e-mail: makmar11@mail.ru ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3176-6386>

Vladimir I. Patrushev — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russian Federation) *e-mail:* vipatrushev@yandex.ru

Galina A. Reznik — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Penza, Russian Federation)

e-mail: reznikga@gmail.com ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4575-1812>

Žaneta Simanavichene — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Kaunas, Lithuania)

e-mail: zaneta.simanaviciene@ktu.lt ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6008-2405>

Vladimir P. Shalaev — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

e-mail: shalaevvp@Volgatech.net ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9155-695X>

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Перед вами — юбилейный сотый выпуск журнала «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY», которому в октябре 2017 г. исполняется 25 лет! Его первый номер вышел в свет в октябре 1992 г. Основателем и главным редактором журнала до 24 декабря 2010 г. был отечественный общественный и политический деятель, организатор науки и образования доктор философских наук, профессор А. И. Сухарев (1931—2010).

В настоящее время издание успешно развивается, улучшается его формат в соответствии с требованиями международных стандартов оформления научных изданий и публикаций.

Как и прежде, наш журнал постоянно открыт для глубоких, интересных научных идей и концепций. В нем освещаются особенности, проблемы и перспективы регионального развития России и других стран на фоне современных социально-политических событий и экономических преобразований. Кроме того, журнал вносит свой вклад в расширение и углубление знаний в области региональной проблематики, служит исследователям информационной площадкой для обмена теоретическим и практическим опытом, является местом для дискуссий ученых разных научных школ.

Главный редактор
С. М. Вдовин

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА / POLITICAL SPACE OF A REGION

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 329(497.15)

А. С. ЕЛСАКОВ ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

Ключевые слова: регион; Босния и Герцеговина; партийная система; политические партии; структура партийной системы; действительное количество партий; фракционализация партийной системы; электоральная волатильность; поляризация партийной системы; сегментированное общество

Введение: Босния и Герцеговина как часть региона Западных Балкан принадлежит к группе стран Центрально-Восточной Европы. Данные государства после окончания холодной войны претерпели многоступенчатую общественно-политическую трансформацию: процессы «демократического транзита» в политической сфере жизни общества сопровождались рыночными реформами в социально-экономической сфере в условиях сильно изменившегося международного контекста, когда эти страны взяли курс на участие в процессах европейской интеграции. Эти аспекты повлияли на конфигурацию партийных систем государств ЦВЕ, причем случай Боснии и Герцеговины имеет еще и свои особенности: неоднородность этнического состава населения, где существуют политически и социально хорошо организованные три крупнейшие группы, и специфическое государственное устройство, возникшее как результат окончания вооруженного конфликта, которым сопровождалась дезинтеграция бывшей Югославии, вместе задающие определенные рамки протекания политического процесса в государстве. Политические партии, выполняя роль главного связующего звена между структурами управления в государстве и его населением, могут являться важным индикатором преобладающего в государстве общественно-политического дискурса, что отражается на структуре партийной системы и тех основных направлениях, по которым протекает соревнование между главными акторами в системе.

Материалы и методы: анализ партийной системы Боснии и Герцеговины проводился с использованием статистических данных по трем избирательным циклам (с 2006 по 2014 г.) для того, чтобы иметь дело с устойчивыми, по-

ЕЛСАКОВ Антон Сергеевич, аспирант кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9) (e-mail: anton.elsakov@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1153-0360>

© Елсаков А. С., 2017

вторяющимися во времени ее характеристиками. В основу статьи положен системный подход к исследованию партийных систем, где сам феномен партийной системы рассматривается как имеющий собственные атрибуты, влияющие на протекание процессов в системе, и тем самым партийная система как таковая не может сводиться лишь к простому набору составляющих ее элементов (политических партий). Партийная система Боснии и Герцеговины рассматривалась сквозь призму двух магистральных аспектов исследования партийных систем: количества и относительной силы составляющих ее элементов (для чего были привлечены такие показатели, как фракционализация партийной системы, действительное количество партий в системе, степень электоральной неустойчивости системы, размеры концентрации партий в системе) и масштабов идеологической поляризованности партийной системы (для характеристики которой были использованы показатели идеологического центра притяжения системы и размеров ее поляризации). Также была определена степень открытости партийной системы, характеризующая то, как и в каком направлении присущие системе ограничения влияют на поведение действующих в ней акторов.

Результаты исследования: партийная система Боснии и Герцеговины носит крайне многопартийный характер при относительном балансе между акторами системы. При этом партийный состав правительства страны и внутрисекторальность электоральной волатильности политических партий дополнительно свидетельствуют о наличии четких путей, по которым в целом протекает политическое соревнование в системе в условиях крайне стабильной, не подверженной значительным во времени колебаниям структуры избирательного корпуса партий, ориентированных на отдельные этнические группы населения. В пользу этого же говорят и весьма умеренные показатели идеологической поляризованности партийной системы Боснии и Герцеговины по экономическому и постматериалистическому измерениям при несколько смещенном вправо ценностном измерении идеологического центра притяжения системы. Основной стиль соревнования за участие в правительстве между акторами партийной системы также свидетельствует о крайне закрытом характере партийной системы Боснии и Герцеговины в этом контексте.

Обсуждение и заключения: специфический институциональный дизайн органов государственной власти в Боснии и Герцеговине и связанные с ним характерные особенности избирательной системы непосредственно оказывают влияние на многие аспекты конфигурации партийной системы страны. В общем виде партийная система Боснии и Герцеговины может быть классифицирована как расширенная многопартийная система (по количеству релевантных партий) с умеренной поляризацией (по классическому и постматериалистическому измерениям) и с многополярным характером соревнования (где существует несколько идеологических измерений, различающихся по степени важности для партийной системы). Особенностью партийной системы Боснии и Герцеговины является ее структурированность вдоль определенных, в высокой степени изолированных друг от друга политических единиц, составленных из трех ее основных этнических групп,

и которые явно выражены сквозь призму соответствующих электоральных корпусов. Основная ось межпартийного соревнования в Боснии и Герцеговине, таким образом, вращается вокруг вопросов институционального устройства государственных органов и их компетенции, а также вокруг иной актуальной для жизни отдельных этнических сообществ тематики, что свидетельствует о незавершенности политических дискуссий по поводу стержневых основ строительства государства и необходимости создания единой боснийско-герцеговинской нации.

Введение. Босния и Герцеговина принадлежит к группе стран, которые в настоящее время принято называть государствами региона Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Помимо чисто географического аспекта, причина для подобной классификации заключается в том, что государства региона столкнулись с рядом общественных изменений после окончания холодной войны. Они оказались перед лицом участия в процессах «демократического транзита», вследствие чего изменился качественный состав основных политических акторов, а также институциональные основы их деятельности, начались процессы проведения рыночных экономических реформ, меняющих модель хозяйственных взаимоотношений в обществе, и все это происходило в изменившемся международном геополитическом контексте, когда все государства региона провозгласили своей целью «возвращение в Европу», что стало находить выражение в ускоренном участии в европейских интеграционных процессах.

В более узком смысле Босния и Герцеговина относится к государствам региона Западных Балкан, который был введен в оборот чиновниками Европейского Союза (ЕС) более десяти лет назад и сейчас широко используется в академических, так и в политических кругах стран-членов ЕС и самих государств Балканского полуострова (в меньшей степени это касается российской политической и научной общественности). Смысл появления этой флоскулы заключался в отделении государств Западных Балкан (включавших государства бывшей Югославии до ее дезинтеграции в начале 1990-х гг., кроме Словении, но включая Албанию) от других балканских государств, например Болгарии, Румынии, Греции, на основании того, что вторые к моменту начала широкого использования этого термина уже приступали к завершающей стадии институционального оформления своего

членства в ЕС (или уже будучи его членами долгое время, как в случае с Грецией), от той группы стран, которые находились на не столь продвинутой стадии интеграции в европейское сообщество в силу различного рода причин, однако которые в лице своих легитимных политических представителей декларативно заявили о своем намерении участвовать в евроинтеграционных процессах.

Упомянутые явления произвели эффект и на конфигурацию партийных систем государств ЦВЕ, которая начала функционировать на многопартийной основе и в которой новые общественные разделения, вызванные многогранными транзитными изменениями, приобрели ключевое положение. Ситуация в случае с Боснией и Герцеговиной имеет и существенные отличия от общей ситуации как в регионе Западных Балкан, так и в целом в ЦВЕ. Процессы общественных изменений, переживаемых посткоммунистическими государствами в начале 1990-х гг., совпали по времени с вооруженным конфликтом на территории Боснии и Герцеговины, в связи с чем в весьма специфических условиях и особым образом происходил процесс строительства независимого государства, что само по себе оказывает влияние на образование доминирующих общественных разделений. Кроме того, этническая основа общественных разделений для Боснии и Герцеговины является одним из решающих факторов, влияющих на протекание политического процесса в государстве. Степень важности этого обстоятельства демонстрирует уже тот факт, что не существует единства среди политических представителей основных этнических групп населения по вопросу о фундаментальных основах существования самого государства, не говоря уже о конкретных институциональных особенностях его функционирования.

Босния и Герцеговина — уникальное государство с точки зрения своего институционального устройства. Это относится как к формальным институтам государственной власти, так и к отдельным общественным и политическим институтам. Само нынешнее государственное устройство было оформлено как результат так называемых Дейтонских соглашений 1995 г., завершивших вооруженный конфликт начала 1990-х гг. на территории Боснии и Герцеговины. Поскольку основной целью этих соглашений были прекращение военных действий и поиск взаимоприемлемых для сторон институциональных

условий сосуществования в рамках одного государства, сам по себе подобный формат является не особенно надежным фундаментом для создания основополагающих предпосылок юридического характера, которые бы при этом заключали в себе неоспоримую политическую легитимность. В отличие от большинства суверенных государств, где основной закон (конституция) государства является предметом долгих рассуждений и консенсуса между различными заинтересованными политическими акторами и представителями общественности в духе понимания народа как источника суверенитета, в случае Боснии и Герцеговины подобные условия на момент имплементации основных правовых норм отсутствовали, а конституция явилась неотъемлемой частью самих соглашений из Дейтона, т. е. имплантированной со стороны международного фактора. Такое обстоятельство не могло не отягощать процедуру бесконфликтного функционирования основных общественных институтов страны.

Более того, объем полномочий и правосубъектность составных частей государства остаются неоднозначными для участников политического процесса. Характер исполнительной власти априори заключал в себе потенциал отсутствия формального единства (коллективный президиум, состоящий из трех членов, по одному от каждого из народов, а также иные особенности устройства исполнительной власти в стране). Та же особенность присуща и представительным органам власти в государстве, которое имеет общий двухпалатный парламент (что уже несет определенную коннотацию федеративного характера устройства государственной власти), а также парламенты двух своих энтитетов, равно как и порядок замещения депутатского или сенаторского состава этих органов власти, что выражается и в избирательной системе.

В целом государственное устройство Боснии и Герцеговины напоминает попытку осуществления идеалов общественной (консенсусной) демократии А. Лейпхарта, когда отдельные составные части (со)существуют в рамках одного государства, действуя в контексте единых государственных институтов, при этом стремясь находить разрешение имманентно присущих их политическому бытию конфликтов на основе консенсуса. Такая модель может давать различный результат (примерами общественной демократии являются

Бельгия, Канада, Северная Ирландия и др.), зависит от глубины и характера исторически обусловленных общественных разделений, а по поводу ее эффективности не существует единого мнения среди политологов.

В связи с этим актуален анализ партийной системы Боснии и Герцеговины в силу того, что основные особенности партийных систем могут давать информацию относительно целого спектра составляющих общественно-политической жизни государства. Исходя из основополагающих функций политических партий, таких как артикуляция и агрегация общественно значимых интересов, с одной стороны, и репрезентация актуальных проблем и разделений, существующих в обществе, с другой стороны, партийные системы являются элементом (подсистемой) политической системы государства, которая характеризует идеологическую сферу жизни общества. Будучи связующим звеном между гражданским обществом и государственной властью, политические партии могут рассматриваться как квинтэссенция наиболее значимых и влиятельных вопросов, доминирующих в преобладающем дискурсе того или иного общества, а функционируя в качестве партийной системы, они отражают создаваемые и актуализируемые акторами практики проведения в жизнь государственной политики на основе избираемых этими акторами (партиями) стратегий поведения в рамках существующего системного ограничения.

Обзор литературы. Основная теоретическая база для исследования современных партийных систем содержится в работах, ставших уже классическими для партологии как отдельной отрасли политической науки. При этом используются множественные показатели, характеризующие те или иные аспекты функционирования партийных систем.

Измерение количества релевантных партий в системе на основе индекса действительного числа парламентских и электоральных партий разработано М. Лааксо и Р. Таагерой [1]. Несколько иной индекс для подсчета количества действительного числа партий в партийной системе предложен Х. Молинаром [2]. Связанное с предыдущим показателем измерение дробности партийной системы, степени дисперсии акторов в ней оценивается с помощью индекса фракционализации, предложенного Д. Рзем [3]. Индекс избирательной неустойчивости, введенный М. Педерсеном [4],

позволяет оценить стабильность поддержки как отдельных политических партий от выборов к выборам, так и общую волатильность партийной системы от одних выборов к другим. Показатели позиций первой, второй и третьей партии системы, их соотношения друг с другом использовал в своих исследованиях А. Сиарофф для выделения наличия или отсутствия тенденций доминантности акторов в партийной системе [5]. Его подход основан на более ранней методологии Ж. Блонделя [6], применявшего аналогичные параметры при классификации разновидностей многопартийных систем и выделившего, в частности, систему 2,5 партий (или трехпартийную систему) также на основе доминантных тенденций в партийных системах.

Показатели основных стилей участия партий в коалициях, наличия реальной возможности или ее отсутствия для всех акторов системы принимать участие в создании правительства, а также изменчивости качественного состава правительств по прошествии времени использовал П. Мэр [7], на основании чего он выделял открытые и закрытые партийные системы.

Для определения поляризации партийной системы как меры идеологической дисперсии акторов в партийной системе, принимающей во внимание также относительную силу политических партий, а потому способной определить совокупную мировоззренческую поляризованность системы в целом, используются индексы поляризации партийной системы, среди которых наибольшую известность получили индексы Ли Сигельмана и Син Нам Ю [8], Р. Далтона [9], Л. Кьюрини и А. Хино [10].

Существует множество классификаций и типологизаций партийных систем. Ряд из них, по мнению современников, является достаточно устаревшим, поскольку начал создаваться еще с 50-х гг. XX в. Поэтому в числе современных и наиболее комплексных классификаций, принимающих во внимание большое количество параметров, необходимо отметить предложенные А. Сиароффом [5] и С. Уолинецом [11].

Если говорить о партийных системах государств ЦВЕ в целом, то после распада «социалистического лагеря» возник интерес со стороны политологов к общему состоянию партий бывших посткоммунистических государств. В числе причин подобного интереса можно отметить то, что данные

страны вступили на путь радикального реформирования экономических и общественно-политических моделей своего существования. Исследователей интересовало, насколько успешными будут стратегии проведения реформ, как они могут повлиять на отдельные аспекты функционирования политической системы, наконец, насколько большой является разница между институциональными условиями, в которых действуют акторы системы в государствах ЦВЕ, от тех, которые присущи государствам Западной Европы, а также ряду неевропейских государств так называемой «третьей волны демократизации». Неудивительно, что основная масса исследований партийных систем государств бывших посткоммунистических стран приходится на работы сравнительно-сопоставительного характера, охватывающие сразу несколько государств ЦВЕ или сопоставляющих эти системы с западноевропейскими партийными системами. Исследования проводились как с использованием количественных параметров, разработанных политической наукой для изучения партийных систем или их комбинаций, так и в общеполитическом контексте исторически обусловленной политической культуры стран ЦВЕ, влияющей на конфигурацию партийных систем региона.

Особенности идеологического соревнования в партийных системах стран ЦВЕ отражены в работах Дж. Ишиямы [12], Дж. Друкмена и Э. Робертса [13]. Ряд работ посвящен факторам институционального характера, влияющим на функционирование партийных систем региона. Так, Г. Райх [14] показал влияние так называемых «вводных» выборов (т. е. выборов, состоявшихся непосредственно после отхода от однопартийной системы в период начала процесса «демократического транзита») на фракционализацию партийных систем и общий уровень электоральной волатильности в них. Анализ партийных систем государств ЦВЕ с привлечением таких параметров, как действительное число партий в системе и размер электоральной волатильности, проведен Дж. Биеласяком [15], который также отмечает влияние законодательных рамок регулирования партийных систем (конкретных избирательных систем, в пользу которых был сделан выбор в процессе перехода к демократии, а также электорального законодательства) на их конфигурацию в качестве институционального фактора.

Широкому спектру условий, в соответствии с которыми возникали партийные системы государств ЦВЕ и которые влияли на их основные параметры, посвящено исследование Х. Китчельта [16]. Также на важность исторически существовавших в конкретных государствах ЦВЕ особенностей политической культуры обращает внимание Г. Поп-Элехес [17]. Высокое значение ценностных ориентаций избирателей, даже превосходящих размышления экономического характера при принятии решения о том, какую партию поддерживать на выборах, отмечается в работе Г. Токи [18].

Принципам формирования правительственных коалиций в посткоммунистических государствах посвящены исследования А. Гжымалы-Буссе [19], Ф. Мюллер-Роммеля [20], Дж. Тооле [21] и др.

Авторы из самого региона ЦВЕ не считают, что динамика развития партийных систем в государствах ЦВЕ сильно отличается от той, которая присутствует в государствах Западной Европы. Так, М. Кубат [22] не находит подтверждений наличия различной динамики партийных систем ЦВЕ в целом в том, что касается основных количественных показателей функционирования партийных систем. Условия, в которых функционировали партийные системы стран региона, действительно отличались от западноевропейских в том, что страны претерпевали процессы общественно-политических и экономических трансформаций в начале 1990-х гг. и еще длительное время, однако сейчас это, по его мнению, уже неактуально. В то же время он также отмечает наличие в каждой стране региона своих специфических условий, способных в различной мере влиять на конфигурацию партийно-политического пространства. К схожему выводу приходит Я. Ровны [23], который выделяет такие актуальные для стран ЦВЕ измерения, как экономическое общественное разделение, этнический и религиозный факторы, а также опыт, полученный в процессе государственного строительства после начала процесса «демократического транзита», каждое из которых имеет в отдельных случаях разное значение для формирования партийных систем конкретных государств.

Наличие специфических особенностей, присущих партийной системе Боснии и Герцеговины, отмечают исследователи из самого государства. Так, Д. Капиджич [24], исследуя партийную систему государства на основе коли-

чества релевантных партий в системе и ее электоральной волатильности, отмечает полную доминацию этнополитических социальных расколов в формировании боснийско-герцеговинской партийной системы, где расстояние между отдельными этническими общностями настолько велико, что сама Босния и Герцеговина являет собой образец сегментированного политически и социально общества со своими собственными идеологическими (суб)культурами; при этом, естественно, идеологическая дистанция среди партий «гражданской ориентации» крайне невелика. Это, по его мнению, еще долгое время будет ключевым для партийной системы Боснии и Герцеговины. К такому же заключению приходит, например, А. Осмич [25], анализирующий выбор партиями основных стратегий ведения и идеологического содержания избирательных кампаний.

Материалы и методы. При проведении исследования мы опирались на классическое определение партийной системы, данное Дж. Сартори, как «структуры политического пространства, имеющей определенные, четко сложившиеся пути взаимодействия ее составных частей, где подобные взаимодействия представляют собой границы или, по крайней мере, возможность ограничения системы, а партии составляют систему только тогда, когда они являются частями единой системы, и лишь при таких условиях партийная система является системой взаимодействий, вытекающих из межпартийного соревнования» [26, с. 43—44]. Таким образом, вопреки представлению о партийной системе как о наборе действующих в ней политических партий, которые могут составлять, а могут и не образовывать партийной системы как таковой, это определение обращает внимание на структуру системы и механизмы взаимодействия партий в системе.

Обычно при проведении анализа партийных систем в политической науке принято обращать внимание на два основных аспекта.

Первым аспектом является количество акторов в системе, которые могут быть значимыми для функционирования партийной системы и определять основные способы взаимодействия между собой (например, конфронтация или сотрудничество). Здесь речь идет об относительной силе акторов, что может иметь последствия для самой систе-

мы, выражающиеся в определенных схемах выстраивания акторами стратегий поведения в системе. Этот аспект сосредоточивает свое внимание на формальных (механических) условиях, влияющих на системные ограничения, в которых действуют акторы в рамках партийной системы. Кроме того, распределение относительной силы элементов системы (политических партий) также определяет фракционность (дробность) партийной системы, т. е. насколько равномерно расположены акторы в системе согласно своей относительной силе.

Для определения количества значимых элементов в партийной системе Боснии и Герцеговины, их относительной силы, а также стабильности поддержки населением акторов системы нами использовались *индексы действительного числа партий в системе, фракционализации партийной системы и избирательной (электоральной) неустойчивости партийной системы*. Индекс действительного (эффективного) числа партий в системе был предложен М. Лааксо и Р. Таагеперой и принимает во внимание взвешенные (средние) показатели силы акторов в системе, а высчитывается так, что единица делится на возведенную в квадрат сумму полученных партиями голосов или депутатских мест по итогам проведенных парламентских выборов [1]. Индекс фракционализации партийной системы, предложенный Д. Рэем, тесно связан с индексом действительного числа партий в системе, поскольку оперирует теми же показателями, а высчитывается посредством определения разницы между единицей и возведенной в квадрат суммой полученных партиями голосов или депутатских мест по итогам проведенных парламентских выборов [3]. Наконец, индекс электоральной неустойчивости, предложенный М. Педерсеном, характеризует изменчивость избирательных предпочтений населения и представляет собой сумму модульной разницы между голосами, полученными партиями на одних выборах, и голосами, полученными ими на последующих выборах [4]. Также мы использовали агрегированные показатели концентрации партий в системе, использовавшиеся А. Сиароффом [5] для установления наличия тенденций доминантности элементов в партийных системах.

Второй аспект — степень идеологической поляризованности партийной системы. Здесь речь идет о том, насколько

далеко друг от друга расположены акторы системы с точки зрения своих политических позиций. Этот фактор оказывает влияние на то, насколько трудно акторам системы находить различные точки соприкосновения между собой, носит ли система тем самым конфронтационный характер или же в ней преобладают тенденции взаимодействия акторов. Кроме того, этот аспект анализа партийных систем характеризует идеологический спектр, представленный в партийной системе ее акторами, и выделяет доминирующий, вокруг которого происходит соревнование партий в системе.

Для выявления указанных аспектов в партийной системе Боснии и Герцеговины мы также использовали индекс идеологического центра притяжения партийной системы и индекс поляризации партийной системы.

Первый индекс (авторы — Д. Гросс и Л. Сигельман) высчитывается путем определения суммы результата умножения долей мест, полученных партиями по результатам выборов, на их позицию на идеологическом континууме [27]. Он показывает средоточие протекания идеологического соревнования в партийной системе, так как оперирует идеологической позицией акторов и их электоральным результатом.

Второй индекс (разработан Л. Сигельманом) высчитывается с помощью определения суммы доли голосов, полученных каждой из партий на определенных выборах, умноженной на возведенную в квадрат разницу между положением конкретной партии на лево-правой шкале и средним лево-правым значением партийной системы [8]. Индекс определяет степень идеологической поляризованности партийной системы путем включения данных как по относительной силе конкретных акторов системы, так и по их идеологической позиции, в то же время интегрируя предыдущий индекс как значение средней идеологической позиции системы.

В дополнение к двум основным для партологии подходам к анализу партийных систем мы также привлекли подход, использовавшийся П. Мэром [7], чтобы определить степень открытости партийной системы Боснии и Герцеговины как характеристики реальной возможности для акторов системы участвовать в правительстве, наличия или отсутствия устойчивых тенденций в образовании предвыборных коалиций и коалиций в управлении страной после состоявшихся выборов. Такой подход характеризует существующие

системные ограничения, в понимании Дж. Сартори [26], в условиях которых акторы действуют в системе, на основании которых они выбирают стратегии своего поведения в системе, которые могут определяться относительной силой партий, их программными установками и т. п. Этот критерий позволяет делать вывод об открытости или закрытости структуры партийной системы в контексте доступа акторов партийной системы к распределению правительственных должностей и, соответственно, о преобладающей схеме, по которой развивается партийное соревнование в борьбе за участие в правительстве.

Мы оперировали статистическими данными по трем избирательным циклам в Боснии и Герцеговине (с 2006 по 2014 г.) для того, чтобы выделить устойчивый, длительный по времени динамический аспект партийной системы, поскольку ситуация, складывающаяся по итогам лишь одних выборов, может представлять только определенную тенденцию в системе, а не присущее ей регулярно повторяющееся свойство. Поэтому, например, А. Сиарофф рекомендует при проведении анализа партийных систем принимать во внимание как минимум три избирательных цикла подряд [5].

Результаты исследования. Несомненный интерес представляет характеристика партийной системы страны с привлечением показателей количества и относительной силы акторов, ее составляющих. Данные по действительным числам партий в партийной системе приведены в табл. 1.

Таблица 1

Действительное число партий в партийной системе Боснии и Герцеговины в 2006, 2010, 2014 гг.*

Год всеобщих выборов	ENPP; действительное число парламентских партий	ЕНЕР; действительное число электоральных партий
2006	7,17	9,00
2010	7,67	10,05
2014	7,61	9,49

* Собственные вычисления автора на основе методологии М. Лааксо и Р. Таагеперы [1] и данных по выборам в парламент Боснии и Герцеговины. Показатель действительных чисел вычислен по следующим формулам (для электорального и парламентского числа соответственно):

$$\frac{1}{\sum_{i=1}^n V_i^2}, \quad (1)$$

где V — доля голосов партии i ;

$$\frac{1}{\sum_{i=1}^n S_i^2}, \quad (2)$$

где S — доля мест партии i .

Высокие показатели действительного числа партий в случае с Боснией и Герцеговиной свидетельствуют о высокой степени плотности партийной системы с точки зрения относительной силы ее акторов в сравнении с действительными числами партийных систем таких государств региона Западных Балкан, как Сербия (где с 2003 по 2016 г. число парламентских партий находилось в диапазоне от 2,26 до 4,87) или Хорватия (где в тот же период это число варьировалось от 2,62 до 3,56). Это находит свое выражение в том, что, как правило, процесс управления государством происходит в формате широких коалиций как следствия отсутствия количественного преобладания какого-либо из акторов в партийной системе. За последнее время не зафиксировано ни одного случая доминирования какой-либо из партий в системе, не было и случаев однопартийного правления. На высокое действительное число партий оказала влияние специфика избирательной системы (где государство разделено на восемь избирательных округов, и результат прохождения, например, в Парламентскую ассамблею Боснии и Герцеговины (ПА БиГ) — федеральный парламент, определяется результатом, показанным партиями в отдельных избирательных округах). Однако такая ситуация является также и логическим продолжением сложной институциональной структуры органов государственной власти, задуманной для недопущения доминирования представителей одного из этносов, а также чрезвычайной актуальностью этнического фактора общественного разделения, когда партии, чьим электоратом являются конкретные этнические общности, демонстрируют значительный электоральный результат именно в регионах с преобладанием данной этнической группы в совокупном составе населения.

Как видим, представленные показатели во временном отношении варьируются крайне незначительно. В первом

случае вариация составляет 0,60, во втором случае — чуть более единицы. Это означает, что партийная система Боснии и Герцеговины при всей своей фрагментированности (оба числа исключительно высоки даже в сравнении с партийными системами соседних государств) стабильна, число важных для системы политических партий долго не меняется. Несколько более высокий показатель числа электоральных партий в сравнении с парламентскими — обычное явление, поскольку на разницу между этими двумя числами влияет избирательная система, точнее, способ распределения мандатов при пропорциональной избирательной системе.

Поскольку индексы действительного числа партий в системе и фракционализации партийной системы тесно взаимосвязаны, крайне высокая фракционизованность партийной системы страны неудивительна (табл. 2).

Таблица 2

**Фракционализация партийной системы
Боснии и Герцеговины в 2006, 2010, 2014 гг.***

Год всеобщих выборов	F _s ; парламентская фракционализация	F _v ; электоральная фракционализация
2006	0,86	0,89
2010	0,87	0,90
2014	0,87	0,89

* Собственные вычисления автора на основе методологии Д. Рэя [3] и данных по выборам в парламент Боснии и Герцеговины. Данный показатель вычисляется по формулам (для электоральной и парламентской фракционализации соответственно):

$$1 - \sum_{i=1}^n V_i^2, \quad (3)$$

где V_i — доля полученных партией i голосов на выборах;

$$1 - \sum_{i=1}^n S_i^2, \quad (4)$$

где S_i — доля полученных партией i голосов на выборах.

Как видно из табл. 2, показатели фракционализации партийной системы Боснии и Герцеговины, как и в случае с действительным числом партий в системе, почти не отличаются друг от друга с 2006 по 2014 г. Разница в значениях парламентской и электоральной фракционализации обусловлена воздействием избирательной системы при процессе распределения мандатов политическим партиям. Следует отметить гораздо большие показатели фракцио-

нализации партийной системы в сравнении с партийными системами других стран региона (например, парламентская фракционализация партийной системы Хорватии не достигает значений выше 0,72, а в Сербии не была в тот же период выше 0,79). Столь высокие числа фракционализации для Боснии и Герцеговины объясняются тем, что ПА БиГ насчитывает намного меньшее число депутатов (42), чем хорватский сабор или сербская скупщина. Поэтому при переводе полученных партиями голосов в парламентские места в условиях пропорциональной избирательной системы она просто «не успевает» исказить результат в пользу крупных партий и в ущерб более мелким в той мере, в которой это происходит в системах, где главный законодательный орган страны имеет большее число депутатов.

Высокая фракционализация означает, что плотность расположения партий внутри парламента в количественном отношении очень велика, что затрудняет появление доминантных тенденций в партийной системе. С одной стороны, это не способствует стабильному функционированию законодательного органа, особенно в условиях Боснии и Герцеговины, определяет необходимость заключения поствыборных коалиций, так как почти ни одна политическая сила в парламенте не может иметь полный однопартийный контроль над самим парламентом и правительством. С другой стороны, это отражает представленность энтитетов страны и в большей степени соответствует политическому выбору, сделанному населением. На основе данных по действительным числам партий в партийной системе государства и масштабу ее фракционизованности можно классифицировать ее как *крайне многопартийную систему с относительным балансом между партиями в системе*. Партийная система Боснии и Герцеговины с точки зрения агрегированных показателей концентрации партий в системе представлена в табл. 3.

Таблица 3

**Показатели партийной концентрации для партийной системы
Боснии и Герцеговины в 2006, 2010, 2014 гг.***

Год всеобщих выборов	PP	P3%S	1PSC	2PSC	SR1:2	SR2:3
2006	12	7	21,43	40,48	1,13	1,14
2010	12	8	19,05	38,10	1,00	1,14
2014	12	8	23,81	38,10	1,67	1,20

* Собственные вычисления автора на основе методологии А. Сиарофа [5] и данных по выборам в парламент Боснии и Герцеговины (PP —

число парламентских партий; $P3\%S$ — число партий, имеющих более 3 % мест в парламенте; $IPSC$ — доля мест в парламенте крупнейшей партии; $2PSC$ — доля мест в парламенте двух крупнейших партий; $SR1:2$ — соотношение долей мест первой и второй партий системы; $SR2:3$ — соотношение долей мест второй и третьей партий системы).

Пятый созыв ПА БиГ, начавший свою деятельность по итогам выборов 2006 г., насчитывал 12 политических субъектов в своем составе. Количество партий, имеющих долю мест свыше 3 %, было 7. Доля двухпартийной концентрации находилась на уровне 40,5 % при силе первой партии (Партия демократического действия, ПДД) в 21,4 %. Плотность концентрации в партийной системе Боснии и Герцеговины характеризует тот факт, что соотношение долей мест первой (ПДД) и второй (Партия за Боснию и Герцеговину, ПБиГ) партий системы составляло всего 1,13, в то время как соотношение аналогичного показателя для второй и третьей (Союз независимых социал-демократов, СНСД) партий системы было почти таким же (1,14). В шестом созыве ПА БиГ (после выборов 2010 г.) также насчитывала 12 политических партий при 8 из них, чья доля мест превышала 3 %. Здесь и вовсе соотношение долей мест первой и второй партий системы составляет 1, поскольку и Социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины (СДП), и СНСД имели равное количество мандатов в парламенте. Соотношение долей мест второй и третьей партий системы так же, как и в предыдущем созыве боснийского парламента, низко — 1,14 (ПДД имела всего на один мандат меньше первых двух партий). Поэтому неудивительно, что двухпартийная концентрация здесь составляет лишь 38,1 %.

Таковую же ситуацию мы видим и в седьмом созыве парламента Боснии и Герцеговины, конституированного по итогам выборов 2014 г. Двухпартийная концентрация здесь идентична предыдущему созыву парламента (38,1 %), но на этот раз лидирующая ПДД имеет 23,8 % мест, а вторая партия системы (СНСД) — 14,3 % (это повлияло на незначительное увеличение показателя соотношения долей мест первой и второй партий, достигшего 1,7). Однако уже соотношение долей мест второй и третьей партий снова мало — 1,2. Третье место делят в этом созыве Сербская демократическая партия (СрДП) и Демократический фронт (ДФ).

Показатели концентрации партий в системе также свидетельствуют о крайне высокой плотности партийной

системы Боснии и Герцеговины и подтверждают наличие баланса между партиями в рамках крайней многопартийности согласно количеству релевантных партий.

Для иллюстрации тенденций, выделенных нами при анализе действительных чисел партий в системе и агрегированных показателей их концентрации в системе, рассмотрим состав правительств Боснии и Герцеговины на федеральном уровне (Совет министров Боснии и Герцеговины).

После выборов в октябре 2006 г. чуть более трех месяцев было потрачено на формирование Совета министров (СМ БиГ), что является типичной ситуацией, учитывая непростые взаимоотношения политических акторов в Боснии и Герцеговине, особенно на федеральном уровне. Правительство в итоге составили представители СНСД (председатель и 2 министра), Хорватского демократического содружества Боснии и Герцеговины (ХДС БиГ) (3 министра, включая заместителя председателя), ПДД (2 министра, включая заместителя председателя) и ПБиГ (также 2 министра). Следует отметить, что представитель СНСД был избран руководителем Совета министров, несмотря на то что по количеству полученных мандатов эта партия находилась на третьем месте после ПДД и ПБиГ (правда, еще раз укажем на значительную концентрацию партий в партийной системе). Точно так же ХДС БиГ контролировал три министерства, хотя по количеству мандатов находился на пятом месте.

После выборов, состоявшихся в октябре 2010 г., правительство Боснии и Герцеговины составили 6 политических партий: ХДС БиГ (председатель и 1 министр), СДП (2 министра, включая заместителя председателя), СНСД (2 министра, включая заместителя председателя), СрДП (1 министр), ХДС 1990 (1 министр) и ПДД (2 министра). Здесь ситуация уже более равномерно отражает результаты, продемонстрированные партиями на выборах: две наиболее сильные партии, СНСД и СДП, получили по месту заместителя председателя Совета министров. Однако, так как взгляды на государственное строительство в Боснии и Герцеговине сильно различаются у этих в тот период сильнейших партий страны (СДП и СНСД), функционирование правительства не было легким. Поскольку структура Боснии и Герцеговины предполагает сотрудничество всех образующих ее народов, часто подобное сотрудничество становится «вынужденным» и

период действия правительства отмечается перестановками в его составе. Например, в тот период деятельности Совета министров в его состав был включен представитель партии «Союз за лучшее будущее» (СЛБ) (вместо представителя ПДД), но затем смещен с этого поста представителями все той же ПДД. Сам процесс формирования правительства длился полтора года, сопровождаемый многочисленными переговорами и распределением потенциальных должностей.

По итогам выборов 2014 г. Совет министров был сформирован в составе ПДД (председатель и 2 министра), ХДС БиГ (3 министра, включая заместителя председателя), СрДП (2 министра, включая заместителя председателя), Партии демократического процветания (ПДП) и СЛБ (по 1 министру). Формирование этого правительства длилось пять месяцев. Здесь также становится очевидным, что ХДС БиГ получает более весомое положение в составе правительства, чем ее результат, достигнутый по итогам выборов, что еще раз подтверждает негласный принцип, по которому в составе правительства присутствуют политические партии, имеющие сильное электоральное влияние в среде народов Боснии и Герцеговины. Еще одна важная деталь заключается в том, что в правительстве федерального уровня (Совет министров Боснии и Герцеговины) и правительстве Республики Сербской (РС) представлены разные партии, занимающие ведущие позиции среди сербского избирательного корпуса: СрДП со своим союзником ПДП вошли в состав федерального правительства, в то время как занявшая первое место в РС как избирательной единице СНСД сформировала правительство РС.

Для оценки стабильности или изменчивости поддержки избирателями той или иной политической силы, выступающей на выборах, обычно используют индекс *электоральной волатильности (неустойчивости)*. Его смысл заключается в подсчете разницы между голосами, набранными конкретной политической силой, участвовавшей на определенных выборах и голосов, полученных этой же политической силой, на предыдущих выборах. Показатель совокупной избирательной неустойчивости для партийной системы Боснии и Герцеговины представлен в табл. 4.

Таблица 4

Электоральная неустойчивость в партийной системе Боснии и Герцеговины с 2006 по 2010 г.*

Годы начальных и конечных выборов при измерении показателя	TNC; совокупная электоральная неустойчивость, %
2006—2010 гг., Федерация Боснии и Герцеговины (ФБиГ)	54,58
2010—2014 гг., ФБиГ	53,37
2006—2010 гг., РС	11,93
2010—2014 гг., РС	19,38

* Собственные вычисления автора на основе методологии М. Педерсена [4] и данных по выборам в парламент Боснии и Герцеговины. Показатель электоральной волатильности высчитывается по следующей формуле:

$$TNC = \sum I \Delta P_{i,t} I, \quad (5)$$

где TNC — совокупная электоральная волатильность системы, P — процент голосов, полученных партией i на выборах t .

Поскольку выборы в ПА БиГ (нижнюю палату — Дом депутатов) происходят по двум большим избирательным единицам — 501-й (ФБиГ) и 502-й (РС), то целесообразно оперировать показателями электоральной неустойчивости внутри этих единиц. Если партии на одних из этих двух выборов выступали в коалиции, а на других выходили самостоятельно, то в итоговом индексе мы учитываем суммарный показатель тех партий, которые составляли коалицию на тех вторых выборах, как если бы они составили ее на первых выборах.

Совокупная электоральная неустойчивость в 502-й избирательной единице для выборов в ПА БиГ с 2006 по 2010 г. составляет 54,6 %. Столь высокий результат можно объяснить следующими обстоятельствами. Во-первых, в 2010 г. в выборах принимала участие новая политическая сила — Союз для лучшего будущего, набравший 12,2 % голосов и внесший существенный вклад в итоговый показатель волатильности. Во-вторых, другие два больших значения волатильности зафиксированы у партий, имеющих близкий электорат — Партии для Боснии и Герцеговины и СДП (15,7 и 10,7 % соответственно). В этом случае имелась не столько межсекторальная волатильность, сколько волатильность внутри определенного партийного сегмента (поскольку ПБГ и по большей части СДП являются одними из немногих в Боснии и Герцеговине, которые формально не определяют себя как партии определенного национального корпуса).

Электоральная волатильность в ФБиГ при выборах в ПА БиГ с 2010 по 2014 г. составила 53,4 %. Однако и здесь мы можем увидеть такую тенденцию, как и в предыдущий временной период: львиную долю волатильности обеспечивают СДП (16,6 %) и ДФ (15,3 %). Однако ДФ впервые участвовал в выборах лишь в 2014 г. и потому его результат в общем значении волатильности по электоральному циклу не показателен. Если учесть, что ДФ был образован группой бывших членов именно СДП, то и здесь очевидна внутрисекторальность волатильности. Поэтому если мы посчитаем результаты СДП и ДФ как одно значение, то общая волатильность системы сразу упадет до 22,7 %, т. е. в 2,5 раза.

Совокупная волатильность в 501-й избирательной единице при выборах в ПА БиГ гораздо ниже, чем в ФБиГ. Так, с 2006 по 2010 г. показатель волатильности составил 11,9 %, с 2010 по 2014 г. — 19,4 %. Эти значения существенно ниже значений волатильности по ФБиГ и близки или даже ниже значений волатильности партийных систем региона, например Хорватии и Сербии. С 2006 по 2010 г. средние значения волатильности по этой избирательной единице колеблются в диапазоне 1,0—3,0 %, что является нормой или даже ниже средних значений волатильности так называемых «устойчивых» партийных систем государств Западной Европы и свидетельствуют об отсутствии резких перемещений избирателей от одних партий к другим на двух следующих друг за другом выборах. Однако и здесь заметна деталь, характерная для волатильности в ФБиГ: почти вся неустойчивость электоральных предпочтений избирателей заключена внутри одного избирательного корпуса, а не рассредоточивается между ними.

На территории РС, помимо сербского населения, проживает немалое число боснийских мусульман и в меньшей степени хорватов. Как правило, эти люди голосуют за партии, представляющие их так называемый национальный корпус. Например, ПДД, одна из ведущих политических сил на федеральном уровне, получает свои голоса в основном в ФБиГ как избирательной единице, однако в 2006 и 2014 гг. она также получила один мандат и в РС как избирательной единице (как следует предположить, голосами мусульманского населения). Ее показатель демонстрирует отрицательную волатильность в 1,0 %, в то время как показатель СДП, за

которую также с большой долей вероятности отдаст свои голоса мусульманское население РС (правда, не набравшей немного голосов для получения мандата в РС в 2010 г.), демонстрирует положительную волатильность в 0,8 %. Можно утверждать, что здесь наблюдается внутрисекторальная волатильность среди одного избирательного корпуса. В остальной структуре электорального соревнования в РС демонстрирует стабильность на протяжении всех трех выборов, где основная конкуренция развивается между СНСД, с одной стороны, и СрДП и ПДП, с другой стороны. Соответственно, в основном потеря голосов одной из указанных политических сил повторяет совокупную прибыль голосов другой. Исключением стала некоторая непропорциональность результатов на последних выборах 2014 г., когда СНСД вместе со своим союзником на уровне парламента РС Демократическим народным союзом (ДНС), выступавшим в коалиции с еще двумя партиями, потеряли около 5,5 % голосов по сравнению с предыдущими выборами, тогда как СрДП, а также ПДП вместе со своим партнером по коалиции Народным демократическим движением (НДД) набрали на 12,0 % голосов больше, чем на предыдущих выборах.

Отметим, что в РС актуален вопрос о голосах тех, кто имеет регистрацию на территории РС, но проживает на территории ФБиГ. В течение последних нескольких лет со стороны СНСД часто звучат обвинения своего соперника по партийному соревнованию среди сербского избирательного корпуса в том, что неуклонное увеличение голосов СрДП и ее партнеров достигается в том числе благодаря голосам боснийских мусульман, которые на автобусах приезжают голосовать на территорию РС. Эти обвинения невозможно проверить, принимая во внимание международные стандарты выборов в аспекте их тайности, и, естественно, они будут оставаться на уровне спекуляций, однако резкое увеличение совокупного числа избирателей, вышедших к урнам для голосования, с 558 706 до 621 276 чел. с 2006 по 2010 г. и чуть меньшее увеличение до 647 615 чел. в 2014 г., трудно объяснить лишь в рамках традиционной теории повышения явки избирателей в связи с особым повышением значения выборов в отдельно взятый период.

Теперь обратимся к характеристике поляризации партийной системы Боснии и Герцеговины. Соответствующие для

такого измерения показатели приведены в табл. 5. Заметим, что мы оперировали двумя идеологическими измерениями: классическим экономическим лево-правым измерением, где положение партий оценивается согласно их позиции относительно распределения материальных ценностей в обществе и степени желательности участия государства в экономике, а также постматериалистическим лево-правым измерением, где принимаются во внимание позиции партий относительно их позиции в отношении нематериальных ценностей (дихотомия «либертарианство — традиционализм»).

Таблица 5

Показатели идеологического центра притяжения и поляризации партийной системы Боснии и Герцеговины на современном этапе (по итогам выборов 2014 г.)*

Показатель	Переменная	Значение	Переменная	Значение
ICG (идеологический центр притяжения партийной системы)	Классическое лево-правое измерение	4,76	Постматериалистическое лево-правое измерение	5,48
PSPol (поляризация партийной системы)	Классическое лево-правое измерение	0,35	Сумма классического и постматериалистического лево-правого измерений	0,53

* Собственные вычисления автора на основе методологии Д. Гросса и Л. Сигельмана [27] и данных по выборам в парламент Боснии и Герцеговины. Значение идеологического притяжения рассчитывается по следующей формуле:

$$ICG = \sum_{i=1}^n T_i C_i, \quad (6)$$

где T_i — доля мест партии i на выборах, выраженная в десятичных числах, C_i — позиция партии i на идеологическом континууме, выраженная числом. Значение может варьироваться от 1 (крайне левая позиция) до 10 (крайне правая позиция).

Показатель поляризации партийной системы рассчитывается по следующей формуле:

$$PSPol = \sum_{i=1}^n F_i (X_i - x_{mean})^2, \quad (7)$$

где F_i — процент голосов, завоеванных каждой партией, X_i — положение конкретной партии на лево-правой шкале, а x_{mean} — среднее значение партийной системы по лево-правой шкале. Значение может варьироваться от 0 (отсутствие поляризации) до 1 (максимальная поляризованность системы).

Аналогичная методика в настоящий момент используется большим числом исследователей, поскольку уже довольно долгое время абсолютно недостаточно лишь одного экономического измерения, учитывая влияние эпохи постмодерна и важность для большинства индивидов ценностных аспектов общественной жизни наряду с материальным благосостоянием [28]. Для определения идеологического центра притяжения партийной системы после выборов 2014 г. нами выставлены оценки для каждой из парламентских политических партий, от 1 (крайне левая партия) до 10 (крайне правая партия) по двум разновидностям лево-правого измерения (классического, «экономического» и постматериалистического, «ценностного») на основе анализа их основных программных документов.

Идеологический центр притяжения системы, согласно классическому лево-правому измерению, находится на отметке в 4,76. Если сопоставить показатели по данному параметру партийной системы Боснии и Герцеговины с аналогичным значением для партийных систем государств — соседей по региону, Хорватии и Сербии (которые имеют показатель 4,32 и 4,33 соответственно), становится очевидным его более близкое к центру расположение. Значения партий в нынешнем созыве ПА БиГ варьируются от 4 до 6, отсутствуют партии, получившие значение 3. Возможно это не столь логично на первый взгляд, поскольку уровень жизни населения в Боснии и Герцеговине ниже, чем в соседней Сербии и особенно в сравнении с Хорватией, политические силы могли бы смещать фокус своих позиций по экономическому измерению левее от центра. Однако большинство партий в Боснии и Герцеговине, обращая внимание на необходимость разумного участия государства в распределении общественных благ, все же главным своим лозунгом провозглашают достижение более высокого стандарта жизни для своих граждан посредством поощрения предпринимательской деятельности.

Также большинство партий поддерживает снижение налоговой нагрузки на бизнес, и лишь немногие упоминают о необходимости введения прогрессивной шкалы налогообложения. Почти не существует релевантных политических партий, которые бы призывали замедлить процесс приватизации. При этом необходимо отметить, что оценивание партий в Боснии и Герцеговине по классической лево-правой

шкале представляет некоторые трудности. Более половины акторов партийной системы ухитрились совместить в своих программных документах и экономическое равенство (для всех групп населения), и приоритет индивидуальной экономической свободы, необходимость выполнения государством регулирующей роли «там, где это нужно» и в то же время меньшие государственные расходы (на социальные нужды), негативный эффект от которых должен бы быть компенсирован эффективными стратегиями ведения предпринимательской деятельности.

Это косвенно указывает на то, что основной параметр соревнования партий в политической системе вращается вокруг другого аспекта государственной политики. Согласно постматериалистическому измерению, идеологический центр притяжения имеет значение 5,5. Этот показатель также смещен вправо по сравнению с показателем партийных систем Хорватии (5,0) и Сербии (4,9). Здесь очевидно более правое расположение партий Боснии и Герцеговины на шкале постматериалистического измерения: две партии имеют показатель 7 (крупнейшая партия системы — ПДД, а также основная партия хорватского национального корпуса — ХДС БиГ) и лишь одна партия получает значение 3 (Боснийско-герцеговинская патриотическая партия, БПП), в то время как большинство партий получили оценки от 4 до 6. Общий показатель смещен вправо почти на половину единичного отрезка, вследствие того, что помимо ПДД, еще и такие крупные партии, как СНСД и СрДП, получили значения 5 и 6 соответственно. Однако и постматериалистическое измерение не является доминирующим для большинства партий Боснии и Герцеговины. Показатели поляризации партийной системы, которые на первый взгляд кажутся немалыми (0,4 по классическому измерению и 0,53 по сумме двух измерений), в сущности, скорее, характеризуют большую концентрацию партий в системе вследствие специфики формирования ПА БиГ (из двух избирательных единиц), когда партии не имеют большого процентного числа мандатов. Между тем эти показатели больше, чем аналогичные значения для партийных систем Хорватии, где второе измерение также преобладает над первым (0,3 и 0,5 соответственно), и Сербии, где первое измерение более сильно (0,3 и 0,2 соответственно). Таким образом, партийная

система Боснии и Герцеговины, помимо некоторого преобладания постматериалистического (ценностного) измерения над классическим (экономическим), обнаруживает значения, несколько превышающие аналогичные для двух ее соседей по региону. Однако если хорватская партийная система имеет наиболее характерное для постматериалистического континуума большинства государств современной Европы разделение по билатеральной оппозиции либертарианства и традиционализма, то партийную систему Боснии и Герцеговины отличает иное доминирующее разделение — оппозиция партий так называемой «гражданской» ориентации и партий, чьим электоратом являются главным образом четко определенные крупнейшие этнические группы населения.

В этом заключается *характерная особенность партийной системы Боснии и Герцеговины*, которая влияет на динамику всех уровней партийного соревнования в государстве. О том же свидетельствует и специфический характер электоральной оппозиции в Боснии и Герцеговине, в которой четко прослеживается «секторальность». Так, в РС как избирательной единице показатель волатильности партий, за которые голосует в большинстве своем несербское население и которые регулярно проходят в парламент, изменяется почти полностью пропорционально потере одной из партий и увеличению голосов другой. Например, показатель ПДД, партии, чей электоральный корпус — в основном мусульманское население, по РС с 2006 по 2010 г. негативный и составляет $-1,0\%$, а показатель СДП (партии так называемой «гражданской» ориентации, но фактически за которую также голосует несербское население РС) позитивный и составляет $0,8\%$. Наоборот, с 2010 по 2014 г. показатель СДП негативен ($-0,6\%$), а показатель ПДД позитивен ($2,2\%$). Поскольку ФБиГ как отдельная избирательная единица состоит из пространства, населенного боснийцами (мусульманами) и хорватами, аналогичные явления наблюдаются и в этой избирательной единице. Показатель волатильности для всех хорватских партий с 2006 по 2010 г. составляет $0,2\%$, а для партий, ориентированных на сербский электорат, — $0,1\%$. С 2010 по 2014 г. указанные показатели составили 1,1 и $0,4\%$ соответственно. Значение этих показателей находится в пределах статистической погрешности и при прочих равных условиях могло бы не приниматься во внимание,

поскольку свидетельствует практически об отсутствии потерь или приобретений этими партиями голосов от одних выборов к другим. Соответственно, можно констатировать *крайне стабильную, не подверженную значительным колебаниям во времени структуру избирательного корпуса партий, ориентированных на отдельные этнические группы населения, где политическое соревнование между акторами системы протекает главным образом внутри этих обособленных электоральных групп*. Причем партии определенных «национальных корпусов» обладают наибольшим относительным весом в системе по сравнению с партиями «гражданской» ориентации, на что указывает высокое значение поляризации системы по ценностному измерению.

Необходим также анализ партийной системы Боснии и Герцеговины в отношении параметра открытости или закрытости соревнования за контроль над правительственными должностями. Вначале отметим характерную черту образования предвыборных коалиций в Боснии и Герцеговине, которые малочисленны, но являются стабильными. В течение последних восьми лет крупнейшие партии РС и ФБиГ предпочитают выходить на выборы самостоятельно и уже потом, при необходимости, продолжать сотрудничество на уровне парламентов двух составных частей государства или на федеральном уровне. Так, в парламенте РС регулярно сотрудничающими партнерами являются СНСД, ДНС и Социалистическая партия (СП). Из них лишь ДНС на последних выборах выходил в коалиции с миноритарными партнерами. Также в поствыборный период сотрудничают между собой СрДП и ПДП, из которых лишь ПДП выходил на последних выборах в коалиции с миноритарным НДД. Кроме указанных форм сотрудничества, другие ее разновидности не отмечены.

Для партийной жизни ФБиГ предвыборные коалиции, как правило, не характерны. Исключением являются партии хорватского национального корпуса — ХДС БиГ и Хорватское демократическое содружество — 1990 (ХДС-1990), вышедшие на выборы 2006, 2010 гг. (ХДС-1990) и 2014 г. (ХДС БиГ) в достаточно широких коалициях с миноритарными партнерами также из числа партий хорватского корпуса (причем миноритарные партнеры поменяли своего мажоритарного партнера в 2014 г. по сравнению с 2006 г. —

с ХДС-1990 на ХДС БиГ). Не было зафиксировано ни одного случая коалиционного сотрудничества партий, которые бы основную поддержку находили в составе разных народов БиГ. Все это говорит о том, что политические партии воспринимают свой электорат как весьма стабильный, не подверженный актуальным изменениям политической повестки дня. В программных декларациях ряда партий прямо указано, с какими партиями они могут, а с какими не могут иметь сотрудничество.

Очевидно, что и основные принципы формирования правительства федерального уровня (а также правительства ФБиГ) будут отличаться от тех, которыми обычно руководствуются партии в системе. В условиях, когда партии осознают, что не имеет особого смысла апеллировать к представителям другого избирательного корпуса, так как вероятность нахождения поддержки у тех ничтожно мала, у них отсутствует стимул для поиска взаимовыгодных путей сотрудничества, его развития на более долгосрочную перспективу. Процесс формирования правительства федерального уровня, таким образом, происходит по принципу нахождения максимального из возможных компромиссов (полный компромисс невозможен в принципе) с целью обеспечить функционирование правительственного мандата на определенный период путем необходимого числа поддерживающих это правительство голосов. Поэтому в составе трех правительств БиГ с 2006 г. успели побывать почти все релевантные партии страны в разных сочетаниях. С точки зрения формальных признаков это является наиболее открытым из вариантов межпартийного соревнования (поскольку все партии не только имеют реальную возможность войти в состав правительства в составе коалиции со своими партнерами, но и регулярно ротируются с другими партиями в правительстве).

Однако при более подробном рассмотрении структура соревнования не является открытой, так как формирование правительства имеет «вынужденный» характер со своими целями, которые принимаются партиями в рассмотрение при принятии решения о входе в состав правительства или предложении туда войти другой партии. Скорее, структура соревнования крайне закрыта, так как, например, формирование правительств двух составных частей Боснии и Герцеговины носит привычный характер, где его формирует

наиболее успешная по итогам выборов политическая сила и где явно просматривается «блоковый» принцип его составления (например, несколько правительств РС в течение последних десяти лет были составлены из представителей СНСД и его коалиционных партнеров). Если к этому добавить, что, согласно Конституции Боснии и Герцеговины¹, состав правительства предлагает коллективный Президиум Боснии и Герцеговины, а утверждает ПА БиГ, становится понятным то время, которое очень часто требуется для согласования состава федерального совета министров, и те трудности, с которыми протекает этот процесс.

В частности, поскольку Президиум БиГ избирается напрямую гражданами (точнее, тремя народами избирается представитель в президиуме от каждого; в ФБиГ — от боснийского и хорватского, в РС — от сербского), то могут существовать несовпадения в партийной принадлежности избранного от одного из народов члена президиума и большинства мест, полученных лидирующей партией в ПА БиГ, и процесс предложения (и отклонения депутатами от оппозирующего большинства в парламенте) кандидатуры может длиться довольно долго, что и показывает практика. Например, в 2006 г. членом президиума от боснийского народа был избран представитель ПБиГ, в то время как наиболее крупной партией от боснийского национального корпуса стала тогда ПДД. В 2010 г. в президиум избран представитель ПДД, тогда как крупнейшей партией являлся СДП. Наконец, после выборов 2014 г. СНСД удалось удержать лидирующие позиции на парламентском уровне, тогда как незначительным большинством голосов членом президиума от сербского народа был избран представитель ПДП.

Обсуждение и заключения. Партийная система Боснии и Герцеговины характеризуется более высокими показателями фракционализации партийной системы и действительных чисел партий системы, чем те, которые присутствуют в партийных системах государств региона. Конечно, на это повлияло небольшое число депутатов в нижней палате ПА БиГ по сравнению с парламентами других государств

¹ См.: Конституция Боснии и Герцеговины // Международные организации и кризис на Балканах. Документы: в 3 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения. Центр по изучению соврем. балканского кризиса; сост. и отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М.: Индрик, 2000. Т. 3. С. 238—249.

региона и даже самих энтитетов (например, парламенты ФБиГ и РС имеют 98 и 83 депутата соответственно). Вследствие этого по-иному искажаются голоса, полученные партиями на выборах при процессе перевода их в депутатские мандаты, что во многом искусственно приводит к высокой концентрации партий на парламентском уровне партийной системы.

Однако высокие показатели действительного числа электоральных партий говорят о том, что партийная система Боснии и Герцеговины отличается крайней плотностью расположения акторов. Кроме того, голоса и места, полученные партиями, считались нами для ПА БиГ путем суммирования их результатов в двух избирательных единицах (РС и ФБиГ). Если это не вносит корректив в итоговый парламентский показатель (поскольку здесь важна относительная сила партии именно в том органе, в который она избрана, так как взаимодействовать с другими акторами системы на основе имеющихся у нее ресурсов она будет именно в этих условиях), то итоговый показатель электорального числа партий искажается значительно. Хотя и он имеет смысл для понимания процентной доли электората у отдельных партий в масштабе всей страны (как показатель силы определенных настроений населения), все же голоса партии получали в отдельных избирательных единицах, и относительную силу на электоральном уровне они также демонстрировали именно в отдельных избирательных единицах. Если принять во внимание данное обстоятельство, то соответствующие значения не будут отличаться от значений, характерных, например, для партийных систем Хорватии или Сербии. На выборах 2014 г. в избирательной единице в РС СНСД и СрДП набрали более 30 % голосов каждая, на уровне Боснии и Герцеговины это число «превратилось» в показатели около 15 и 12 % соответственно. Таким образом, они отстают от следующей за ними ПДП на 30 и 25 % соответственно.

Агрегированные показатели партийной концентрации также говорят о значительной плотности акторов в партийной системе Боснии и Герцеговины, что свидетельствует о равномерной дисперсии политических сил на парламентском уровне системы, что, с одной стороны, отражает противостоящие друг другу интересы отдельных сообществ (что важно

для всей политической системы Боснии и Герцеговины в силу институционального устройства этого государства), с другой — затрудняет нахождение компромисса по отдельным вопросам повестки дня. Показатели электральной волатильности говорят о преимущественно внутрисекторальном характере этого процесса, за редкими исключениями партий так называемой «гражданской» ориентации. На это же указывают и показатели стилей соревнования за контроль над правительством и по сути относительно невысокая поляризация партийной системы по двум измерениям при значительной степени эклектичности предвыборных программ партий, что говорит о том, что основной вектор соревнования вращается вокруг вопросов, связанных с актуальными проблемами институционального устройства Боснии и Герцеговины и, соответственно, вокруг проблематики, характерной для общественно-политической жизни отдельных сегментов боснийско-герцеговинского общества.

Таким образом, в соответствии с классификацией А. Сиароффа [5], партийная система Боснии и Герцеговины может быть охарактеризована как крайне многопартийная с относительным балансом партий в системе, а по широко распространенной комплексной классификации С. Уолинеца [11], внутренняя динамика партийной системы страны делает ее наиболее близкой к такому типу, как расширенная многопартийная система (по числу релевантных партий) с умеренной поляризацией (по классическому и постматериалистическому измерению) и с многополярным характером соревнования (где существует несколько важных для партийной системы идеологических измерений).

В целом партийная система Боснии и Герцеговины по основным параметрам не отличается от таковых в других европейских государствах в том, что касается масштабов и общей направленности ее идеологической поляризации. То же самое верно и в отношении относительной силы составляющих ее акторов, если мы примем во внимание сложную институциональную структуру самого государства, которая посредством избирательной системы влияет и на структуру элементов партийной системы и, соответственно, на баланс ее основных акторов. Если говорить о внешнеполитическом измерении соревнования в партийной системе Боснии и Герцеговины, то оно, в отличие от некоторых стран реги-

она, не является доминирующим идеологическим вектором соперничества акторов в системе, поскольку не существует релевантных политических партий, принципиально оспаривающих необходимость участия государства в евроинтеграционных процессах. Особенностью партийной системы Боснии и Герцеговины является ее *структурированность вдоль определенных, в большой степени изолированных друг от друга, политических единиц, которые составлены из трех ее основных этнических групп и которые явно выражены сквозь призму соответствующих электральных корпусов*. Основная ось межпартийного соревнования в Боснии и Герцеговине, таким образом, вращается вокруг вопросов институционального дизайна государства и иной актуальной для жизни отдельных этнических сообществ тематики, что свидетельствует о незавершенности политических дискуссий, касающихся стержневых основ строительства государства и необходимости создания единой боснийско-герцеговинской нации, где основные позиции партий боснийского национального корпуса в общем виде могут быть сведены к желательности продвижения государства по пути большей унитаризации на всех уровнях принятия решений, сербского национального корпуса — к максимальной децентрализации и четкому следованию букве и духу соглашений из Дейтона, а партий хорватского национального корпуса — к необходимости предоставления хорватскому сообществу в Боснии и Герцеговине равного с боснийским и сербским народами положения посредством образования третьего энтитета в Боснии и Герцеговине. При этом в определенные периоды в зависимости от конкретных обстоятельств интересы представителей трех народов могут пересекаться, что во многом определяет протекание политического процесса в государстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12, no. 1. Pp. 3—27.
2. Molinar J. Counting the Number of Parties: An Alternative Index // The American Political Science Review. 1991. Vol. 85, no. 4. Pp. 1383—1391. DOI: <https://doi.org/10.2307/1963951>
3. Rae D. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven: Yale University Press, 1967. 173 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/446528>

4. Pedersen M.N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // *European Journal of Political Research*. 1979. Vol. 7, no. 2. Pp. 1—26. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1979.tb01267.x>
5. Siaroff A. A Typology of Contemporary Party Systems: Paper presented at the 20th World Congress of the International Political Science Association, 9—13 July 2006. URL: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5213.pdf (дата обращения: 18.09.2016).
6. Blondel J. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies // *Canadian Journal of Political Science*. 1968. Vol. 1, no. 2. Pp. 180—203. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0008423900036507>
7. Mair P. Parameters of Change // *The West European Party System* / ed. by P. Mair. Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1990. Pp. 208—217.
8. Sigelman L., Yough S.N. Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis // *Comparative Political Studies*. 1978. Vol. 11, no. 3. Pp. 355—379. DOI: <https://doi.org/10.1177/001041407801100304>
9. Dalton R.J. The Quantity and the Quality of Party Systems: Party System Polarization, its Measurement and its Consequences // *Comparative Political Studies*. 2008. Vol. 41, no. 7. Pp. 899—920. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414008315860>
10. Curini L., Hino A. Missing Links in Party System Polarization: How Institutions and Voters Matter // *Journal of Politics*. 2012. Vol. 74, no. 2. Pp. 460—473. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381611001721>
11. Wolinetz S. Party Systems and Party System Types // *Handbook on Political Parties* (eds. R. Katz and W. Crotty). L.: Sage Publications, 2006. Pp. 51—62. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781848608047.n7>
12. Ishiyama J.T. The Sickie or the Rose? Previous Regime Types and the Evolution of the Ex-Communist Parties in Post-Communist Politics // *Comparative Political Studies*. 1997. Vol. 3, no. 3. Pp. 299—330. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414097030003002>
13. Druckman J.N., Roberts A. Communist Successor Parties and Coalition Formation in Eastern Europe // *Legislative Studies Quarterly*. 2007. Vol. 32, no. 1. Pp. 5—31. DOI: <https://doi.org/10.3162/036298007x201967>
14. Reich G. The evolution of new party systems: are early elections exceptional? // *Electoral Studies*. 2004. Vol. 23, no. 2. Pp. 235—250. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0261-3794\(03\)00038-6](https://doi.org/10.1016/s0261-3794(03)00038-6)
15. Bielasiak J. The Institutionalization of Electoral and Party Systems in Postcommunist States // *Comparative Politics*. 2002. Vol. 31, no. 2. Pp. 189—210. DOI: <https://doi.org/10.2307/4146937>
16. Kitschelt H. The Formation of Party Systems in East Central Europe // *Politics and Society*. 1992. Vol. 20, no. 1. Pp. 7—50. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032329292020001003>
17. Pop-Eleches G. Historical Legacies and Post-Communist Regime Change // *Journal of Politics*. 2007. Vol. 69, no. 4. Pp. 908—926. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00598.x>

18. Toka G. Party Appeals and Voter Loyalty in New Democracies // *Political Studies*. 1998. Vol. 46, no. 3. Pp. 589—610. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00156>
19. Grzymala-Busse A. Coalition Formation and the Regime Divide in New Democracies: East Central Europe // *Comparative Politics*. 2001. Vol. 31, no. 1. Pp. 85—104. DOI: <https://doi.org/10.2307/422416>
20. Mueller-Rommel F. Types of Cabinet Durability in Central Eastern Europe // *CSD Working Papers*. URL: <https://escholarship.org/uc/item/8cv4134w.14p>. (дата обращения: 18.09.2016).
21. Toole J. Government Formation and Party System Stabilization in East Central Europe // *Party Politics*. 2000. Vol. 6, no. 4. Pp. 441—461. DOI: <https://doi.org/10.1177/135406880006004003>
22. Kubat M. The Party System in Central Europe after 20 years (Standard or Exceptional?) // *The Journal of the Central European Political Science Association*. 2010. Vol. 6, no. 1. Pp. 124—132. URL: https://www.researchgate.net/publication/46389225_The_Party_System_in_Central_Europe_after_20_Years_Standard_or_Exceptional (дата обращения: 19.09.2016).
23. Rovny J. Party Competition Structure in Eastern Europe: Aggregate Uniformity versus Idiosyncratic Diversity? // *East European Politics and Societies*, SAGE Publications. 2015. Vol. 29, no. 1. Pp. 1—21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325414567535>
24. Kapidzic D. Stranacki sustav // *Politicki pluralizam i unutarstranacka demokratija*. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu. Podgorica: CeMi, 2015. Pp. 33—51.
25. Osmic A. Izborne kampanje i opci izbori od 1996. do 2014. godine // *Politicki pluralizam i unutarstranacka demokratija*. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu. Podgorica: CeMi, 2015. Pp. 87—106.
26. Sartori G. *Parties and Party Systems: a Framework for Analysis*. Cambridge, 1976. 370 p.
27. Gross D., Sigelman L. Comparing Party Systems: A Multidimensional Approach // *Comparative Politics*. 1984. Vol. 16, no. 4. Pp. 463—479. DOI: <https://doi.org/10.2307/421950>
28. Marks G., et al. Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality // *Comparative Political Studies*. 2006. Vol. 39, no. 2. Pp. 155—175. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414005281932>

Для цитирования: Елсаков А.С. Основные характеристики партийной системы Боснии и Герцеговины // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 316—353.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

**A. S. ELSAKOV. THE MAIN CHARACTERISTICS
OF THE PARTY SYSTEM OF BOSNIA AND HERZEGOVINA**

Keywords: region; Bosnia and Herzegovina; party system; political parties; structure of the party system; actual number of parties; fractionalization of the party system; electoral volatility; polarization of the party system; segmented society

Introduction: Bosnia and Herzegovina as part of the Western Balkans region belongs to the group of countries of Central and Eastern Europe. After the end of the cold war, these states have undergone a multistage socio-political transformation: the processes of “democratic transition” in the political sphere of life of the society were accompanied by market reforms in the socio-economic sphere in the conditions of extensively changed international context where these countries have committed to participate in the processes of European integration. These aspects influenced the configuration of the party systems of CEE states, and the case of Bosnia and Herzegovina also has its own characteristics: the heterogeneity of the ethnic composition of the population where there are three major groups well-organized politically and socially, and a specific state structure that arose as a result of the end of an armed conflict that accompanied the disintegration of former Yugoslavia, together setting certain framework of the political process in the state. Political parties, acting as the main link between the administrative structures in the country and its population, may be an important indicator of the public-political discourse prevailing in the state, which one way or another affects the structure of the party system and the main directions of the competition between the main actors in the system.

Materials and Methods: the analysis of the party system of Bosnia and Herzegovina was carried out with the use of the statistical data for three election cycles (from 2006 to 2014) in order to deal with its persistent and recurring characteristics. The article is based on the systemic approach to the study of party systems: the phenomenon of the party system is seen as that having its own attributes that affect the flow of processes in the system and, thus, the party system as such cannot be reduced to a simple set of constituent elements (political parties). The party system of Bosnia and Herzegovina was considered through the prism of the two main aspects of studying party systems: the number and relative strength of its constituent elements (for this purpose certain indicators were used, such as fractionalization of a party system, the effective number of parties in the system, the degree of electoral volatility of the system, the extent of concentration of parties in the system) and the scope of ideological polarization of the party system (to characterize which, indicators of ideological center of gravity of the system and the extent of its polarization were used). The degree of openness of the party system describing how and in what direction inherent system constraints influence the behavior of the operating actors was also identified.

Results: the party system of Bosnia and Herzegovina is an extremely multi-party one with a relative balance between the system’s actors. At the same time, the party composition of the country’s governments and the inner sector nature of electoral volatility of political parties further indicate that there are clear ways in which the political competition generally takes place in the system in the extremely stable, not subject to large time variations structure of the electoral body of parties focused on separate ethnic groups. This is also proved by the very reasonable indicators of ideological polarization of the party system of Bosnia and Herzegovina in the economic and post-materialist dimensions, while the value dimension of the ideological center of gravity of the system is shifted somewhat to the right. The main style of competition for participation in the government between the actors of the party system also demonstrates the extremely closed nature of the party system of Bosnia and Herzegovina in this context.

Discussion and Conclusions: the specific institutional design of the state authorities in Bosnia and Herzegovina and the related characteristic features of the electoral system directly affect many aspects of the configuration of the party system of the country. In general, the party system of Bosnia and Herzegovina can be classified as an extended multi-party system (according to the number of relevant parties) with moderate polarization (according to the classical and post-materialist dimensions) and with the multipolar nature of the competition (with several ideological dimensions, distinguished by the degree of importance for the party system). A feature of the party system of Bosnia and Herzegovina is its structuring along certain political units highly isolated from each other and made up of its three major ethnic groups, and which are explicitly expressed through the prism of the relevant electoral bodies. Thus, the main axis of the inter-party competition in Bosnia and Herzegovina concerns the issues of the institutional setup of state bodies and their competencies, as well as other issues relevant to the lives of individual ethnic communities, which provides as an evidence that political questions of the core foundations of the state-building process and of the very necessity to create the united Bosnian-Herzegovinian nation are far from being closed.

REFERENCES

1. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: Measure with Application to West Europe. *Comparative Political Studies*. 1979; 1(12):3—27.
2. Molinar J. Counting the Number of Parties: An Alternative Index. *The American Political Science Review*. 1991; 4(85):1383—1391. DOI: <https://doi.org/10.2307/1963951>
3. Rae D. *The Political Consequences of Electoral Laws*. New Haven: Yale University Press; 1967. 173 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/446528>
4. Pedersen M.N. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. *European Journal of Political Research*. 1979; 2(7):1—26. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.1979.tb01267.x>

5. Siaroff A. A Typology of Contemporary Party Systems: Paper presented at the 20th World Congress of the International Political Science Association, 9—13 July 2006. Available at: http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5213.pdf (accessed 18.09.2016).
6. Blondel J. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies. *Canadian Journal of Political Science*. 1968; 2(1):180—203. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0008423900036507>
7. Mair P. Parameters of Change. The West European Party System. Oxford: Oxford University Press; 1990. Pp. 208—217.
8. Sigelman L., Yough S.N. Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis. *Comparative Political Studies*. 1978; 3(11):355—379. DOI: <https://doi.org/10.1177/001041407801100304>
9. Dalton R.J. The Quantity and the Quality of Party Systems: Party System Polarization, its Measurement and its Consequences. *Comparative Political Studies*. 2008; 7(41):899—920. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414008315860>
10. Curini L., Hino A. Missing Links in Party System Polarization: How Institutions and Voters Matter. *Journal of Politics*. 2012; 2(74):460—473. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0022381611001721>
11. Wolinetz S. Party Systems and Party System Types. In: Handbook on Political Parties (eds. R. Katz and W. Crotty). London: Sage Publications; 2006. Pp. 51—62. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781848608047.n7>
12. Ishiyama J.T. The Sickle or the Rose? Previous Regime Types and the Evolution of the Ex-Communist Parties in Post-Communist Politics. *Comparative Political Studies*. 1997; 3(3):299—330. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414097030003002>
13. Druckman J.N., Roberts A. Communist Successor Parties and Coalition Formation in Eastern Europe. *Legislative Studies Quarterly*. 2007; 1(32):5—31. DOI: <https://doi.org/10.3162/036298007x201967>
14. Reich G. The evolution of new party systems: are early elections exceptional? *Electoral Studies*. 2004; 2(23):235—250. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0261-3794\(03\)00038-6](https://doi.org/10.1016/s0261-3794(03)00038-6)
15. Bielasiak J. The Institutionalization of Electoral and Party Systems in Postcommunist States. *Comparative Politics*. 2002; 2(31):189—210. DOI: <https://doi.org/10.2307/4146937>
16. Kitschelt H. The Formation of Party Systems in East Central Europe. *Politics and Society*. 1992; 1(20):7—50. DOI: <https://doi.org/10.1177/0032329292020001003>
17. Pop-Eleches G. Historical Legacies and Post-Communist Regime Change. *Journal of Politics*. 2007; 4(69):908—926. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2508.2007.00598.x>
18. Toka G. Party Appeals and Voter Loyalty in New Democracies. *Political Studies*. 1998; 3(46):589—610. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00156>
19. Grzymala-Busse A. Coalition Formation and the Regime Divide in New Democracies: East Central Europe. *Comparative Politics*. 2001; 1(31):85—104. DOI: <https://doi.org/10.2307/422416>

20. Mueller-Rommel F. Types of Cabinet Durability in Central Eastern Europe. In: CSD Working Papers. Available at: <https://escholarship.org/uc/item/8cv4134w.14p> (accessed 18.09.2016).
21. Toole J. Government Formation and Party System Stabilization in East Central Europe. *Party Politics*. 2000; 4(6):441—461. DOI: <https://doi.org/10.1177/135406880006004003>
22. Kubat M. The Party System in Central Europe after 20 years (Standard or Exceptional?). *The Journal of the Central European Political Science Association*. 2010; 1(6):124—132. Available at: https://www.researchgate.net/publication/46389225_The_Party_System_in_Central_Europe_after_20_Years_Standard_or_Exceptional (accessed 19.09.2016).
23. Rovny J. Party Competition Structure in Eastern Europe: Aggregate Uniformity versus Idiosyncratic Diversity? *East European Politics and Societies, SAGE Publications*. 2015; 1(29):1—21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0888325414567535>
24. Kapidzic D. Stranacki sustav. In: Politicki pluralizam i unutarstranacka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu. Podgorica: CeMi; 2015. Pp. 33—51.
25. Osmic A. Izborne kampanje i opci izbori od 1996. do 2014. godine. In: Politicki pluralizam i unutarstranacka demokratija. Nacionalna studija za Bosnu i Hercegovinu. Podgorica: CeMi; 2015. Pp. 87—106.
26. Sartori G. Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. Cambridge; 1976. 370 p.
27. Gross D., Sigelman L. Comparing Party Systems: A Multidimensional Approach. *Comparative Politics*. 1984; 4(16):463—479. DOI: <https://doi.org/10.2307/421950>
28. Marks G., et al. Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality. *Comparative Political Studies*. 2006; 2(39):155—175. DOI: <https://doi.org/10.1177/0010414005281932>

About the author:

Anton S. Elsakov, Postgraduate at the Department of European Studies, Saint Petersburg State University (7—9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia) (e-mail: anton.elsakov@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1153-0360>

For citation: Elsakov A.S. The Main Characteristics of the Party System of Bosnia and Herzegovina. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2017; 3(25):316—353.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 12.04.2017.

Политическое пространство региона / Political space of a region

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 323.174

Л. М. ЛЕМАЙКИНА, Е. Г. УЛЯШКИНА
**МНОГОЯЗЫЧНОСТЬ КАК ФАКТОР
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ОТНОШЕНИЙ В РЕГИОНЕ**

Ключевые слова: регион; многоязычность; государственный язык; региональный язык; лингвосоциальные проблемы

Введение: российская государственная система — довольно сложное и многогранное политическое явление, обусловленное различными факторами, в частности принципом многонациональности. На территории России бесконфликтно живут 193 нации, что создает условия для сохранения и развития национальной идентичности. Анализ международных нормативно-правовых актов, законодательства Российской Федерации и ее субъектов показывает, что право народов на самоопределение, выраженное в том числе и в сохранении языка, является одной из основных задач государства.

Материалы и методы: в статье использованы общенаучные (научный анализ, дедукция и индукция) и специальные (анализ нормативно-правовых документов, сравнительный метод) методы научного познания. Кроме того, в качестве исходных материалов использовались результаты социологических исследований других ученых.

Результаты исследования: анализ российского федерализма с точки зрения национальной идентичности выражен в сохранении и укреплении культурных особенностей, традиций, языка и т. д. В данном исследовании отображается официальная позиция Российской Федерации к возможности признания национальных языков титульных наций некоторых субъектов Российской Федерации наряду с ее государственным языком. При этом делается вывод о важности своевременного решения языковых проблем в социально-политической жизни регионов.

Обсуждение и заключения: юридический фундамент многоязычности — Конституция Российской Федерации, в которой закреплен принцип народов

ЛЕМАЙКИНА Людмила Михайловна, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат культурологии (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: lm55@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5061-9616>

УЛЯШКИНА Екатерина Григорьевна, аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: katrin-ruz@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4670-003X>

© Лемайкина Л. М., Уляшкина Е. Г., 2017

на самоопределение. Субъекты Федерации, образованные по национальному признаку, имеют определенные полномочия по реализации языковой политики, которая не должна ущемлять права других народов.

Введение. Специфика коммуникационной составляющей на разных этапах становления государственности во многом обусловлена государственным строем, режимом, национальным составом и т. д. Официально признанный фактор многоязычности выступает отличительной особенностью государств. Российская Федерация в этом контексте является одним из самых ярких примеров.

Объединив в своем составе большое количество народов, имеющих собственное историческое прошлое, культурные особенности, традиции, язык и т. д., Россия, с одной стороны, стала государством с колоссальным культурным наследием, стремящимся подчеркнуть уникальность каждого народа, с другой — столкнулась с потенциальной опасностью для сохранения самой государственности в результате возникновения межнациональных конфликтов. В целях устранения возможных негативных явлений политика российского федерализма построена таким образом, что национальная идентичность является одной из важных составляющих функционирования государства.

Обзор литературы. Если обратиться к международным нормативно-правовым актам¹, законодательству Российской Федерации² и ее такого региона, как Республика Мордовия³, то можно отметить, что право народов на самоопределение, выраженное в том числе в сохранении и развитии языка, является одной из основных задач государства.

Анализ сущности российского федерализма нашел отражение в работах Н. С. Грудина [1], показавшего особенности государственного устройства России, главной из которых является асимметричность (т. е. сложность), выражающаяся в наличии национально-территориальных образований, основу

¹ См.: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств ETS № 148 (Страсбург, 5 ноября 1992 г.) // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 03.02.2017).

² См.: Конституция Российской Федерации // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 03.02.2017).

³ См.: Закон Республики Мордовия «О государственных языках в Республике Мордовия» от 6 мая 1998 г. № 19-З // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.02.2017).

которых составляют фактически язык, культура, а не былая государственность, и разных принципов их вхождения в субъекты Российской Федерации как административно, так и территориально.

Под руководством сотрудников Института этнологии и антропологии Российской академии наук В. А. Тишкова, С. В. Соколовского [2—3], В. В. Степанова [4] проведен научный анализ возможной имплементации Европейской языковой хартии в России, выявлены трудности этого процесса, показаны его сложность и неоднозначность.

Сотрудниками Научного центра социально-экономического мониторинга (г. Саранск) (НЦСЭМ) проведены социологические исследования на территории Республики Мордовия, которые показали текущую общественно-политическую ситуацию в малочисленных национальных группах⁴. Частично результаты этих исследований касались и языковых вопросов.

Материалы и методы. В статье использованы общенаучные и специальные методы научного познания. Общенаучными методами выступили научный анализ, дедукция и индукция, специальными — анализ нормативно-правовых документов, сравнительный метод. В качестве исходных материалов использовались результаты социологических исследований других ученых.

Результаты исследования. В Конституции Российской Федерации зафиксировано положение о статусе многонациональности российского народа. Положение о федеративном устройстве России закреплено в первой главе «Основы конституционного строя» (ст. 1), что гарантирует России избежания возможного демонтажа федеративных основ в организации государственного устройства⁵. Сегодня сущность российского федерализма представляет собой систему взаимодействия федеративного центра и его субъектов, разграничение полномочий между органами власти Российской Федерации и ее регионами.

⁴ См.: Состояние межнациональных отношений в Республике Мордовия в 2016 г.: украинская диаспора: аналит. докл. / науч. рук. В.В. Конаков; Науч. центр соц.-экон. мониторинга. Саранск, 2016. 51 с.; Социальный портрет татар Республики Мордовия: бюлл. / под ред. В.В. Конакова; Науч. центр соц.-экон. мониторинга. Саранск, 2016. 80 с.

⁵ Конституция Российской Федерации.

Несмотря на то что территориально Российская Федерация состоит из ограниченно правоспособных территориальных образований (85 субъектов), наделенных определенными полномочиями, закрепленными Конституцией Российской Федерации, субъекты, образованные по национальному признаку, имеют некоторую специфику официального использования языков в государственном управлении. Суть «этнического федерализма» заключается в наличии территориальных автономий с титульными нациями и официальными языками [4, с. 105].

С учетом указанного устройства языки в Российской Федерации имеют несколько градаций своего официального статуса: русский является государственным на всей ее территории; 36 языков в дополнение к русскому относятся к государственным языкам республик Российской Федерации; 15 языков (без учета необозначенных языков в 6 регионах: республиках Башкортостан, Марий Эл, Татарстан, Удмуртия, Хакасия и Чукотском автономном округе) имеют статус официальных (в официальных сферах общения) в местах компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами. За всеми языками государство признает равные права на их сохранение и развитие.

В России существует более 270 языков и диалектов, из них в образовательном процессе используются 74 (в качестве языка изучения), 23 — в качестве языка обучения⁶.

Республика Мордовия имеет законодательную основу в использовании государственных языков в виде Закона Республики Мордовия № 19-З «О государственных языках в Республике Мордовия» от 5 мая 1998 г. На основе этого закона официальными языками на территории республики признаются русский и мордовский (эрзянский и мокшанский). Он регламентирует порядок использования языков по общирному списку вопросов относительно: прав граждан Республики Мордовия; использования языков в органах государственной власти Республики Мордовия; использования языков в деятельности государственных органов,

⁶ См.: СМИ и информационные ресурсы на языках народов России. URL: <http://fadn.gov.ru/news/2016/06/16/2811-smi-i-informatsionnye-resursy-na-azykah-narodov-rossii> (дата обращения: 15.02.2017).

организаций, предприятий и учреждений; географических названий, надписей, топографических обозначений и дорожных указателей; содействия национально-культурному развитию мордвы, проживающей за пределами республики. Закон также предусматривает ответственность за нарушение законодательства Республики Мордовия о государственных языках Республики Мордовия⁷.

В соответствии с этим законом в случае необходимости существует возможность дублирования информации на мордовском языке при осуществлении делопроизводства в органах государственной власти Республики Мордовия, органах местного самоуправления, в правоохранительных органах, судопроизводстве и нотариальном делопроизводстве (ст. 11). Предусмотрена возможность для депутатов Государственного Собрания Республики Мордовия, желающих выступить на мордовском (мокшанском или эрзянском) на сессиях Государственного Собрания Республики Мордовия, заседаниях совета, комиссий и комитетов Государственного Собрания. Для этого необходимо заблаговременно известить секретаря совета Государственного Собрания Республики Мордовия (ст. 12). Определенные юридические тонкости в использовании государственных языков имеются в проведении выборов. При подготовке и проведении выборов используются русский, мордовский (мокшанский, эрзянский) языки (ст. 14). Бюллетени оформляются на русском языке, однако по решению Центральной избирательной комиссии региона определенное количество может готовиться и на мордовском (мокшанском, эрзянском) языке (ст. 15)⁸.

Также законом предусмотрено наличие государственных программ по сохранению и развитию государственных языков в Республике Мордовия, которые разрабатываются соответствующими органами исполнительной власти региона. Например, в республике действует государственная программа «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия на 2014—2020 годы»⁹.

⁷ См.: Закон Республики Мордовия «О государственных языках в Республике Мордовия».

⁸ Там же.

⁹ См.: Постановление Правительства Республики Мордовия «Об утверждении государственной программы «Гармонизация межнациональных и межконфессиональных отношений в Республике Мордовия» на 2014—2020 годы» от 18 нояб. 2013 г. № 507 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2017).

В контексте изучаемой проблемы стоит отметить, что установление республиканскими властями официального статуса мордовского языка наряду с русским как государственного языка Республики Мордовия не ущемляет конституционные права других народов. Скорее, данный процесс является одним из механизмов для того, чтобы подчеркнуть культурную идентичность, неотъемлемой частью которой является язык, и способствовать ее сохранению.

Однако необходимо отслеживать положение дел, знать общественное мнение. В 2015—2016 гг. НЦСЭМ по заданию Правительства Республики Мордовия провел исследования для составления социального портрета татар и украинцев¹⁰, в которых затронуты вопросы использования родного языка. Социальный портрет татар Республики Мордовия показывает высокую степень владения родным языком и использования его в частной жизни и СМИ¹¹. Однако за пределами этого исследования оставлены вопросы социальной роли языка и изменение языковых потребностей регионов.

В связи с этим интересен вопрос о возможной ратификации и реализации принятой Советом Европы в 1992 г. Европейской хартии (ЕХ) региональных и миноритарных языков¹². Россия подписала этот документ¹³, но из-за ряда существенных различий в подходе к защите языков национальных меньшинств не ратифицировала его.

Под термином «региональные и миноритарные языки (языки меньшинств)» в ЕХ понимаются языки, традиционно используемые на территории соответствующей страны меньшей частью населения государства; языки, отличающиеся от официального языка (языков) этого государства. При этом они не включают ни диалектов, ни языков мигрантов. Эта международная конвенция, направленная на защиту и продвижение языков, используемых представителями традиционных меньшинств, имеет юридическую силу. Она обязывает государства развивать у себя использование региональных и

¹⁰ См. подстрочную ссылку 4 настоящей статьи.

¹¹ См.: Социальный портрет татар Республики Мордовия.

¹² См.: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств ETS № 148.

¹³ См.: Распоряжение Президента Российской Федерации «О подписании Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств» от 22 февр. 2001 г. № 90-рп // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 21.02.2017).

миноритарных языков во всех сферах социально-политической жизни, которое в ЕХ условно разделено на 7 статей: образование, судебную практику, административно-государственное управление, СМИ, культуру, экономическую и общественную жизнь, межгосударственный обмен. Эта хартия направлена на сохранение языкового, этнического, национального и культурного разнообразия Европы. Но она не предъявляет одинаковых требований ко всем странам, а предлагает набор из 68 обязательств, из которых можно выбрать по своему усмотрению только 35 (обязательно 3 по образованию, 3 по культуре, 1 по судебной системе, 1 по административно-государственному управлению, 1 по СМИ, 1 по экономической и общественной жизни, остальные не регламентируются)¹⁴.

В рамках российско-европейской программы Министерства регионального развития Российской Федерации (было упразднено 8 сентября 2014 г.) и ряда европейских институтов власти (Европейская комиссия и Совет Европы) «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» в 2009—2011 гг. Мордовия в качестве пробного региона совместно с Республикой Дагестан и Алтайским краем участвовала в ее мероприятиях [3, с. 8]. По результатам отчетов оказалось, что в Мордовии использование мордовского языка (т. е. мокшанского и эрзянского) соответствует 61 параметру ЕХ, а татарского — 39 параметрам¹⁵. Таким образом, республика могла бы стать одним из первых регионов Российской Федерации, которая имплементировала бы положения этого документа и определила начало процесса его ратификации в нашей стране.

Риски и проблемы, с которыми может столкнуться Россия при ратификации (масштаб многоязычия России беспрецедентен для Европы), определенно будут иметь неоднозначную структуру, состоящую из различных моделей защиты в зависимости от уровня языковых потребностей

¹⁴ См.: Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств ETS № 148.

¹⁵ См.: Программа «Национальные меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества»: три года дискуссий — в итоге неопределенность. URL: <http://www.kykhkykh.org/17-obshchestvo/156> (дата обращения: 03.02.2017).

населения и особенностей расселения (детализированную до районов и отдельных поселений); большое значение возникающих экономических проблем; возможность появления новых этноконфессиональных конфликтов; внешнеполитический аспект (любые ошибки негативно скажутся на образе России и создадут возможность дополнительного давления на нее) [2, с. 101].

Обсуждение и заключения. Юридическим фундаментом решения языковых проблем является Конституция Российской Федерации, в которой закреплён принцип народов на самоопределение, выраженное в том числе в сохранении языка. Регионы страны, образованные по национальному признаку, имеют полномочия по реализации языковой политики, которая не должна ущемлять права других народов.

Важность исследования лингвосоциальных проблем заключается в том, что они могут развиваться в этноконфессиональную напряженность, перейти в политическую плоскость и достичь стадии конфликтной ситуации. Проведение системных лингвосоциологических исследований, контроль за этим процессом, наличие открытой актуальной статистики, создание соответствующих выделенных структур в федеральном и региональных министерствах по делам национальной политики имеет большое практическое значение, так как будет способствовать укреплению Российской Федерации изнутри и повышению ее авторитета на международной арене.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Грудинин Н.С. К вопросу о сущности современного российского федерализма // *Nauka-rastudent.ru*. 2015. № 09(21). URL: <http://nauka-rastudent.ru/21/2877/> (дата обращения: 16.02.2017).
2. Соколовский С.В. Международный опыт имплементации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 4. С. 94—102. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2010/Sokolovski_2010_4.pdf (дата обращения: 17.02.2017).
3. Европейская языковая хартия и Россия / под ред. С.В. Соколовского и В.А. Тишкова / *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. М.: ИЭА РАН, 2010. Вып. 218. 95 с. URL: http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/218-Europ_khartia.pdf (дата обращения: 17.02.2017).
4. Степанов В.В. Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 4. С. 102—115. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2010/Stepanov_2010_4.pdf (дата обращения: 19.02.2017).

Заявленный вклад авторов:

ЛЕМАЙКИНА Людмила Михайловна — инициация исследования, поиск аналитических материалов в отечественных и зарубежных источниках.

УЛЯШКИНА Екатерина Григорьевна — написание и доработка текста статьи.

Для цитирования: Лемайкина Л.М., Уляшкина Е.Г. Многоязычность как фактор социально-политических отношений в регионе // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 354—363.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

L. M. LEMAİKINA, E. G. ULYASHKINA. MULTILINGUALISM AS A FACTOR OF SOCIO-POLITICAL RELATIONS IN A REGION

Keywords: region; multilingualism; state language; regional language; linguo-social problems

Introduction: the Russian state system is a rather complex and multifaceted political phenomenon due to various factors, due to the principle of multi-ethnicity, in particular. On the territory of Russia, 193 ethnic groups live without a conflict, which creates conditions for preservation and development of national identity. The analysis of the international legal acts and the legislation of the Russian Federation and its constituent entities indicates that the right of peoples to self-determination (which is also implemented through preservation of language) is one of the main tasks of the state.

Materials and Methods: the paper used the general scientific methods (scientific analysis, deduction and induction) and special methods of scientific knowledge (analysis of legal documents, the comparative method). Besides, the results of sociological research done by other scientists were used as source materials.

Results: the analysis of Russian federalism in terms of national identity is expressed in the preservation and strengthening of cultural characteristics, traditions, language, etc. This study exposes the official stand of the Russian Federation concerning the possibility of recognition of ethnic languages of the titular ethnic groups in a number of constituent entities of the Russian Federation along with its state language. The conclusion is drawn that it is important to timely solve the language problems in the socio-political life of the regions.

Discussion and Conclusions: the legal foundation of the above mentioned phenomena is the Constitution of the Russian Federation which enshrines the principle of self-determination. The constituent entities of the Russian Federation formed on the ethnic basis have certain powers to implement the language policy, which should not infringe upon the rights of other peoples.

REFERENCES

1. Grudin N.S. [To a question about the essence of modern Russian federalism]. *Nauka-rastudent.ru*. 2015; № 09(21). Available at: <http://nauka-rastudent.ru/21/2877/> (accessed 16.02.2017). (In Russ.)
2. Sokolovsky S.V. [On the International Experience of Implementation of the European Charter for Regional or Minority Languages]. *Etnograficheskoe Obozrenie = Ethnographic Review*. 2010; 4:94—102. Available at: http://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2010/Sokolovski_2010_4.pdf (accessed 17.02.2017). (In Russ.)
3. Sokolovsky S.V., Tishkov V.A., editor. [European language charter and Russia]. Moscow: IEA RAN; 2010. Issue 218. 95 p. Available at: http://static.iea.ras.ru/neotlozhka/218-Europ_khartia.pdf (accessed 17.02.2017). (In Russ.)
4. Stepanov V.V. [Support for Language Diversity in the Russian Federation]. *Etnograficheskoe Obozrenie = Ethnographic Review*. 2010; 4:102—115. Available at: http://journal.iea.ras.ru/archive/2010s/2010/Stepanov_2010_4.pdf (accessed 19.02.2017). (In Russ.)

Contribution of the authors:

Lyudmila M. Lemaikina — initiation of the research, search for analytical materials in Russian and foreign sources.

Ekaterina G. Ulyashkina — writing and finalization of the text of the article.

About the authors:

Lyudmila M. Lemaikina, Candidate of Culturology, Professor at the Department of the English Language for Professional Communication, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* lm55@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5061-9616>

Ekaterina G. Ulyashkina, Postgraduate at the Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* katrin-ruz@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4670-003X>

For citation: Lemaikina L.M., Ulyashkina E.G. Multilingualism as a Factor of Socio-Political Relations in a Region. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2017; 3(25):354—363.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 29.05.2017.

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА / ECONOMY OF A REGION

http://regionsar.ru

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 332.1:346.61:620.9

К. А. КУДРЯВЦЕВ

ИССЛЕДОВАНИЕ И УСТРАНЕНИЕ ПРОБЕЛОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ТАРИФА НА ТЕПЛОСИТЕЛЬ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: регион; промышленное предприятие; справедливый тариф; необходимая валовая выручка; экспертиза; выпадающие доходы

Введение: установление государством справедливого тарифа для ресурсоснабжающих компаний российских регионов имеет большое значение как для потребителей (физических и юридических лиц), так и для самих регулируемых организаций. Следствием слишком высокого тарифа может стать потеря благосостояния потребителей. Если установленный тариф низок, то естественный монополист не сможет эффективно выполнять текущую работу и осуществить модернизацию имеющихся мощностей.

Материалы и методы: в ходе исследования использованы материалы тарифного и административного дел, которые находились в производстве Верховного суда Российской Федерации. Применялись общенаучные методы (анализ, синтез, индукция и дедукция), а также методы, изложенные в Методических указаниях по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения.

Результаты исследования: обозначаются пути решения пробелов в государственном регулировании тарифа на теплоноситель (горячее водоснабжение) на примере экспертного расчета размера необходимой валовой выручки для ресурсоснабжающей компании — ООО «Марийская Теплосетевая Компания» (г. Волжск).

Обсуждение и заключения: дана авторская трактовка понятия «справедливый тариф», определены методологические основы его установления, решен нормативно неурегулированный вопрос правильности определения

КУДРЯВЦЕВ Константин Александрович, доцент кафедры экономики и организации производства Поволжского государственного технологического университета, кандидат экономических наук (424000, Россия, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 3) (e-mail: kudryvtsev_konst@mail.ru). ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2286-5155. Researcher ID: L-4981-2016.

© Кудрявцев К. А., 2017

выпадающих доходов, выявлен пробел в регулировании, связанный с порядком производимых расчетов с потребителями в межтарифном промежутке, и определен путь дальнейших действий для естественного монополиста и антимонопольных органов.

Введение. Один из ключевых факторов успешного экономического развития России сегодня — качество государственного управления. С этой целью в стране непрерывно совершенствуется законодательство, проводятся институциональные реформы. Например, А. Е. Городецкий говорил об имеющихся объективных основаниях для объединения Федеральной службы по тарифам РФ (ФСТ России) и Федеральной антимонопольной службы (ФАС России) в единый орган федеральной исполнительной власти антимонопольного регулирования и контроля [1]. С 21 июля 2015 г. ФСТ России упразднена, а ее функции переданы ФАС России в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2015 г. № 373¹.

На региональном уровне контроль над деятельностью субъектов естественных монополий, разработка и утверждение тарифа на услуги осуществляют органы исполнительной власти субъектов Федерации.

Несмотря на то что передача функций ФАС России по тарифному регулированию позволила сократить расходы бюджета на управленческий аппарат ФСТ России, решить проблему дублирования полномочий двух ведомств для хозяйствующих субъектов, действующих в регулируемых сферах деятельности, эта инновация в настоящее время, скорее, является отрицательным фактором.

Примером могут служить два рассмотренных и выигранных дела в Верховном суде Российской Федерации № 12-АПГ16-2 и 12АПГ16-3 по вопросам установления размера уровня тарифа ООО «Марийская Теплосетевая Компания» (МТСК) на тепловую энергию (мощность) и теплоноситель в открытой системе теплоснабжения (горячее водоснабжение) с 1 июля 2016 г. по 30 июня 2017 г.

ФАС России является регулирующим органом, который рассматривает в досудебном порядке споры, возникающие

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации «О некоторых вопросах государственного управления и контроля в сфере антимонопольного и тарифного регулирования» от 21 июля 2015 г. № 373 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2017).

при установлении и применении тарифов в сфере теплоснабжения². Однако как более жесткая структура по сравнению с упраздненной службой по тарифам ФАС России не изменила бы принятую Департаментом по тарифному регулированию Республики Марий Эл позицию. Этот факт также был подтвержден письмами ФАС России, собранными в материалах дел в Верховном суде Республики Марий Эл (первой инстанции). Следовательно, сегодня фактически исключен механизм добросовестного досудебного урегулирования споров в делах о тарифах, что является большим пробелом в деятельности ФАС России.

Отмечаются очевидные минусы слияния ФАС России и ФСТ России в единый мегарегулятор. Это излишний бюрократизм, присущий всему российскому административно-хозяйственному аппарату; отсутствие подготовленной законодательной базы (непонятно, какой статус при этом будет иметь единый мегарегулятор). Необъятная широта степеней регулирования ФАС уже сейчас вызывает немало споров, поэтому идея создания единого регулирующего органа потребует кропотливой работы над формированием единой системы. Как следствие, возникает вопрос о возможности эффективного управления новой конгломератной структурой.

ФАС России, каким бы профессиональным не было ее кадровое и статусное наполнение, не может решить проблемы не своего иерархического уровня компетенции³.

Обзор литературы. Изучению проблем естественных монополий посвящено немало исследований. Наиболее полное определение естественной монополии, на наш взгляд, дал М. И. Кутерин. Под этим термином он понимает и структурно-институциональную организацию отрасли производства, когда спрос удовлетворяется наименьшими издержками в рамках одного предприятия, и субъект монопольного рынка, т. е. само предприятие [2].

² См.: Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе» от 30 июня 2004 г. № 331 // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 03.04.2017).

³ См.: Курнышева И.Р., Матора Н.Г. Барьеры конкуренции: пути и возможности их преодоления // Институциональная среда российской конкуренции: преодоление структурно-дисфункциональных стереотипов в государственном управлении: сб. науч. тр. / науч. ред. А.Е. Городецкий, отв. ред. И.Р. Курнышева. М.: ИЭ РАН, 2014. С. 30—32.

Следовательно, для естественной монополии присуща высокая экономическая эффективность за счет масштаба производства и снижения издержек. Однако это не означает, что государство может воздерживаться от регулирования таких монополий. Тем не менее Х. Аверч и Л. Джонсон говорили о неэффективности производства регулируемой фирмы вследствие увеличения объема капитала относительно используемого труда [3].

Описанное поведение можно, с одной стороны, рассматривать как максимизацию прибыли производителями, т. е. увеличение капитализации предприятия, с другой — как увеличение производственных мощностей для максимизации выручки, т. е. снижения капитализации. К таким же выводам приводит возникающее «удобное» поведение государства в виде необоснованного снижения тарифов, что не позволяет производителям эффективно функционировать и развиваться. Исследователи сходятся в одном: производство в условиях регулирования рентабельности капитала с большей вероятностью будет неэффективным [4].

Материалы и методы. Статья раскрывает результаты судебной экспертизы, проведенной нами с 5 октября по 17 ноября 2016 г., и подтверждает ряд отмеченных минусов слияния ФСТ России и ФАС России. Вопрос, поставленный перед экспертами Верховным судом Российской Федерации, был следующим: является ли экономически обоснованной необходимая валовая выручка (НВВ) в размере 35 756 170 руб. для осуществления МТсК в период регулирования с 1 июля 2016 г. по 31 декабря 2018 г. деятельности по снабжению потребителей г. Волжска Республики Марий Эл теплоносителем в объеме полезного отпуска 676 506,2 куб. м в разрезе статей затрат «выпадающие доходы», «расходы по налогу на прибыль»?⁴

Нашей целью было исследование и устранение пробелов в государственном регулировании тарифа на теплоноситель (горячее водоснабжение) на примере экспертного расчета тарифа и обоснование размера НВВ для МТсК. Результаты экспертного расчета позволяют решить проблему справедливого тарифа, выявить и устранить ряд нормативных пробелов в государственном регулировании тарифов.

⁴ См.: Определение Верховного суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 г. по делу № 12-АПГ16-3. URL: <http://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rt-ot-09022017-n-12-apg16-3/> (дата обращения: 02.04.2017).

По нашему мнению, *справедливый тариф* — это тариф, основанный на балансе интересов государства, хозяйствующих субъектов (ресурсоснабжающих компаний) и потребителей. Он экономически обоснован и обеспечивает повышение энергетической эффективности. Следовательно, в основе методологии установления справедливого тарифа на услуги естественных монополий лежит достижение целей государства, естественных монополий и потребителей их услуг.

Цель государства — обеспечение долгосрочного социально-экономического развития страны. Поэтому справедливый тариф должен обеспечивать повышение энергетической эффективности при условии сохранения возможности эффективного развития ресурсоснабжающих компаний.

Главная цель хозяйствующих субъектов — максимизация прибыли через удовлетворение запросов потребителей в качественных товарах и услугах. Следовательно, справедливый тариф для ресурсоснабжающих компаний должен обеспечивать их текущую деятельность и создавать возможность их эффективного функционирования в долгосрочной перспективе. Основные цели потребителей — сохранение и повышение благосостояния, приобретение качественных товаров и услуг. Поэтому справедливый тариф для потребителей должен обеспечивать недискриминационный доступ к услугам естественных монополий.

Таким образом, на основе разработанного подхода мы попытались определить НВВ на теплоноситель.

Нормативное регулирование сферы деятельности, связанной с производством и передачей теплоносителя, осуществляется в Федеральном законе «О теплоснабжении» от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ, Постановлении Правительства Российской Федерации «О ценообразовании в сфере теплоснабжения» от 22 октября 2012 г. № 1075, Приказе ФСТ России «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения» от 13 июня 2013 г. № 760-э⁵. Продуктовые границы рынка

⁵ См.: Федеральный закон «О теплоснабжении» от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2017); Постановление Правительства Российской Федерации «О ценообразовании в сфере теплоснабжения» от 22 окт. 2012 г. № 1075 // Там же.; Приказ ФСТ России «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения» от 13 июня 2013 г. № 760-э // Там же.

определены в п. 4.1 ст. 2 Федерального закона «О теплоснабжении», согласно которому теплоноситель — это пар, вода, которые используются для передачи тепловой энергии⁶.

Результаты исследования. Между регулятором и МТсК возник спор при расчете НВВ, формируемой от поставки теплоносителя в разрезе статей затрат «выпадающие доходы» и «расходы по налогу на прибыль». Расчет на 2016 г. в разрезе спорных статей затрат представлен в табл. 1.

Таблица 1

Расчет НВВ от поставки теплоносителя с 1 июля 2016 г. по 30 июня 2017 г. для МТсК*

Показатель	Ед. измер.	Тариф (вариант регулятора)	Тариф (вариант МТсК)
Объем теплоносителя, отпущенного потребителям	тыс. куб. м	676,5062	676,5062
Расходы на производство воды	тыс. руб.	35 756,17	35 756,17
Выпадающие доходы	тыс. руб.	0	6 494,70
Налог на прибыль	тыс. руб.	0	1 623,68
НВВ	тыс. руб.	35 756,17	43 874,54
Тариф на теплоноситель за 1 куб. м	руб.	52,85	64,85

* Рассчитано автором по материалам судебной экспертизы.

Из данных табл. 1 следует, что расхождение в НВВ между регулятором и регулируемой организацией составило 8 118,37 тыс. руб. Следовательно, учитывая тот факт, что регулятор свел прибыль организации к нулю и не учел убытки прошлых лет, МТсК заявила о необходимости проведения экспертизы, что было удовлетворено Верховным судом Российской Федерации.

Учет выпадающих доходов осуществляется в соответствии с п. 12 Приказа ФСТ России «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения» от 13 июня 2013 г. № 760-э⁷. При документальном подтверждении факта снижения полезного отпуска относительно объема, утвержденного в тарифном решении, предприятию должен быть компенсирован недополученный доход (НД).

⁶ См.: Федеральный закон «О теплоснабжении» от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ.

⁷ См.: Приказ ФСТ России «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения» от 13 июня 2013 г. № 760-э.

В связи с указанным были проанализированы документы, направленные МТсК для подтверждения объема полезного отпуска горячей воды за 2014 г.: статистическая отчетность за 2014 г., бухгалтерская отчетность (бухгалтерский баланс за 2014 г.; анализы бухгалтерских счетов 90.01.1, 90.03 по видам деятельности; реестры реализации услуг за 2014 г. в разрезе типов потребителей).

При установлении тарифа на теплоноситель на 2016 г. регулятор, ссылаясь на наличие прибыли по этому виду деятельности за 2014 г. в размере 48 329,0 тыс. руб. и дебиторской задолженности в размере 89 648,0 тыс. руб., не принял к учету в тариф 2016 г. объем НДС за 2014 г. Регулятором указывалось на производимую корректировку выпадающих доходов МТсК. Кроме того, регулятор указал, что в качестве обоснования заявленной суммы по статье «расходы на мероприятия, необходимые для доведения воды до установленных российским законодательством параметров качества теплоносителя» МТсК необходимо было представить копии оборотно-сальдовых ведомостей по счетам 62, 76, т. е. объемы могут быть подтверждены этими счетами.

МТсК объем полезного отпуска горячей воды подтвердила, в том числе оборотно-сальдовой ведомостью по счетам 90.01.1, 90.03, также был представлен полезный отпуск с помесечными реестрами. Позиция регулятора была признана ошибочной на основании анализа указанных счетов согласно Приказу Министерства финансов Российской Федерации от 31 октября 2000 г. № 94н⁸.

Следовательно, представленные МТсК документы, в том числе оборотно-сальдовые ведомости по аналитическим счетам 90.01.1, 90.03, позволяют определить объем полезного отпуска горячей воды. Расчет НДС, представленный МТсК в материалах тарифа на 2016 г., произведен с учетом экономии затрат на покупку воды, расходов на ее подогрев и расходов на материалы, связанных со снижением объема производства, и составляет 6 494,7 тыс. руб.

⁸ См.: Приказ Министерства финансов Российской Федерации «Об утверждении плана счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и инструкции по его применению» от 31 окт. 2000 г. № 94н // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2017).

При этом необходимо учесть, что нормативный порядок расчета НДС не закреплен, т. е. не ясно, какие именно расходы должны быть исключены из НДС, в связи с чем и возникла ситуация с неоднократно меняющимися цифрами по этой статье в рамках тарифного дела. Необходимо также отметить, что в разных регионах страны данная статья затрат считается по-разному по усмотрению регулирующего органа. На основе имеющихся данных произведем расчет НДС и сформируем методику этого расчета (табл. 2).

Документальное (статистическая и бухгалтерская отчетность) подтверждение факта недосбора представлено регулятору в полном объеме. Следовательно, включение в НВВ НДС, связанного с превышением планового полезного отпуска над фактическим, обоснованно. Размер НДС составляет 6 146,077 тыс. руб.

В определении Верховного суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 г. по делу № 12-АПГ16-3 судебная коллегия согласилась с таким выводом⁹.

В связи с тем что включение в НВВ НДС по результатам деятельности предприятия за 2014 г. обоснованно, у предприятия возникает обязанность по уплате с полученного дохода налога на прибыль по установленной законодательством ставке в размере 1 536,519 тыс. руб. Этот доход войдет в состав НВВ в 2016 г. и, следовательно, должен остаться у предприятия в полном размере, т. е. без учета налога на прибыль и иных налогов. В связи с указанным при планировании величины прибыли по теплоносителю на 2016 г. необходимо предусмотреть средства для уплаты налога на прибыль в размере 20 % от налогооблагаемой базы. Следовательно, необходимо увеличить НДС 6 146,077 тыс. руб. на сумму 1 536,519 тыс. руб., налогооблагаемая база составит 7 682,596 тыс. руб. Таким образом, величина налога на прибыль в размере 20 % будет равна 1 536,519 тыс. руб., что позволит в итоге получить в полном объеме НДС за 2014 г. в размере 6 146,077 тыс. руб. Расчет НВВ дан в табл. 3.

⁹ См.: Определение Верховного суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 г. по делу № 12-АПГ16-3.

Таблица 2

Расчет НДС на теплоноситель за 2014 г.*

Показатель	Ед. измер.	План РСТ	Факт	Отклонение
Объем горячей воды, отпущенной потребителям	куб. м	997 712,00	696 430,3	301 281,70
I полугодие	куб. м	510 429,46	351 235,8	159 193,66
II полугодие	куб. м	487 282,54	345 194,5	142 088,04
Тариф I полугодие	руб./куб. м			108,71
Тариф II полугодие	руб./куб. м			113,28
Выручка	тыс. руб.	110 688,153	77 102,099**	33 586,054
Расчет экономии		I полугодие	II полугодие	Год
Отклонение отпуска по холодной воде	куб. м	159 193,66	142 088,04	301 281,700
Тариф на холодную воду		12,73	13,37	
Снижение расходов на покупку воды	тыс. руб.	2 026,535	1 899,717	3 926,252
Количество тепловой энергии на подогрев 1 куб. м воды***	Гкал/куб. м			0,04863
Тариф на тепловую энергию	руб./Гкал	1 404,85	1 452,12	—
Экономия на подогрев (отклонение отпуска по холодной воде**, количество тепловой энергии на подогрев 1 куб. м воды**, тариф/1 000)	тыс. руб.	10 876,663	10 034,598	20 911,262
Расход материалов	тыс. руб.	—	—	8 556,71
Планный объем химически очищенной воды	куб. м	—	—	984 895,00
Фактический объем химически очищенной воды	куб. м	345 744,4	339 601,8	685 346,20
Отклонение (план/факт)	куб. м	—	—	299 548,80
Экономия на материалы (расход материалов/планный объем химически очищенной воды**, отклонение (план/факт))	тыс. руб.	—	—	2 602,462****
Итого:				
— экономия	тыс. руб.	—	—	27 439,976
— НДС	тыс. руб.	—	—	6 146,077

* Рассчитано автором по материалам судебной экспертизы.

** Выручка по реализации горячей воды за 2014 г. согласно счету 90.01.1 без НДС.

*** Для расчета экономии на подогрев необходимо знать количество тепловой энергии на подогрев 1 куб. м воды, которое рассчитывается делением количества тепловой энергии 47 899,38 Гкал на отпуск в сеть, в том числе с химической очисткой 984 895 куб. м.

**** Расчет произведен за год ввиду отсутствия в материалах тарифного дела месячного плана отпуска горячей воды на 2014 г.

Таблица 3

Расчет НВВ от поставки теплоносителя с 1 июля 2016 г. по 30 июня 2017 г. для МТсК*

Показатель	Ед. измер.	Тариф (вариант регулятора)	Тариф (вариант МТсК)	Экспертный расчет
Объем теплоносителя, отпущенного потребителям	тыс. куб. м	676,5062	676,5062	676,5062
Расходы на производство воды	тыс. руб.	35 756,17	35 756,17	35 756,170
Выпадающие доходы	тыс. руб.	0	6 494,70	6 146,077
Налог на прибыль	тыс. руб.	0	1 623,68	1 536,519
НВВ	тыс. руб.	35 756,17	43 874,54	43 438,766
Тариф на теплоноситель за 1 куб. м	руб.	52,85	64,85	64,21

* Рассчитано автором по материалам судебной экспертизы.

В результате экспертного расчета тариф на теплоноситель составил 64,21 руб. за 1 куб. м. В определении Верховного суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 г. по делу № 12-АПГ16-3¹⁰ суд апелляционной инстанции также согласился с выводом эксперта относительно необходимости включения в состав НВВ налога на прибыль. Сценарный расчет финансового результата деятельности предприятия за 2016 г. с учетом выпадающих доходов, налога на прибыль и без них представлен в табл. 4.

Таким образом, если принять тариф по варианту регулятора, то МТсК получит нулевую прибыль по этому виду деятельности, которая не позволит в дальнейшем продолжить модернизацию производства и покрыть убытки прошлых лет. В связи с указанным финансовыми результатами 2014 г. подтверждают НВВ, а увеличение выручки на НДС приведет к положительному финансовому результату.

¹⁰ Определение Верховного суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 г. по делу № 12-АПГ16-3.

Таблица 4

**Сценарный расчет НВВ от поставки теплоносителя
с 1 июля 2016 г. по 30 июня 2017 г. для МТсК***

Показатель	Ед. измер.	Тариф (вариант регулятора)	Экспертный расчет
Объем теплоносителя, отпущенного потребителям	тыс. куб. м	676,5062	676,5062
Тариф на теплоноситель за 1 куб. м	руб.	52,85	64,21
Выручка от реализации теплоносителя	тыс. руб.	35 756,17	43 438,766
Производственные расходы	тыс. руб.	35 756,17	35 756,170
Прибыль (убыток)	тыс. руб.	0	7 682,596
Налог на прибыль	тыс. руб.	0	1 536,519

* Рассчитано автором по материалам судебной экспертизы.

Обсуждение и заключения. По результатам исследования можно констатировать, что указанный уровень НВВ в размере 35 756 170 руб. для МТсК — первый расчетный год долгосрочного периода регулирования при установленном объеме отпуска теплоносителя в размере 676 506,2 куб. м является недостаточным для снабжения потребителей г. Волжска Республики Марий Эл. В составе НВВ должны быть учтены выпадающие доходы и расходы по налогу на прибыль. В результате расчета для МТсК экономически обоснованная величина НВВ на 2016 г. (первый расчетный год долгосрочного периода регулирования, срок действия тарифа с 1 июля 2016 г. по 30 июня 2017 г.) при указанном объеме отпуска теплоносителя определена в размере 43 438 766 руб.

Определением Верховного суда Российской Федерации от 9 февраля 2017 г. по делу № 12-АПГ16-3¹¹ требования МТсК удовлетворены и на Министерство экономического развития и торговли Республики Марий Эл возложена обязанность по принятию нового нормативного правового акта.

Однако при устранении в судебном порядке одного пробела в государственном регулировании тарифов появляется второй.

Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ устанавливает запрет на злоупотребление

¹¹ Там же.

доминирующим положением в виде нарушения установленного нормативными правовыми актами порядка ценообразования (п. 10 ч. 1 ст. 10)¹². Поэтому хозяйствующий субъект, осуществляющий деятельность в сферах, определенных для субъектов естественных монополий, не может производить расчеты с покупателями вне тарифа. Согласно Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (ч. 2 ст. 14.31)¹³, за такой вид нарушений для юридических лиц предусмотрен оборотный штраф. В антимонопольной и судебной практике указанный вид нарушения касается организаций, которые вели расчеты с покупателями, не обратившись за тарифом к регулятору, либо не правильно применяли установленный тариф.

Таким образом, с момента отмены тарифа Верховным судом Российской Федерации возникает нормативно неурегулированная и отсутствующая в практике ситуация, когда старый тариф отменен (момент получения решения суда организацией), а регулятор еще не успел разработать новый. Разрыв в регулировании может составить один-два месяца, либо этот вопрос будет отложен до принятия тарифа на следующий год.

Возможны два варианта дальнейших действий естественного монополиста: продолжать выставлять квитанции для населения по старым тарифам или дожидаться нового тарифа и в дальнейшем произвести для населения перерасчет за неоплаченные месяцы.

Итогом *первого варианта* может стать, как уже было указано, ответственность по антимонопольному законодательству в виде оборотного штрафа, даже несмотря на тот факт, что старый тариф ниже нового и применение старого тарифа не несет дополнительной нагрузки на потребителей и не ущемляет их интересов. Однако антимонопольному органу не нужно доказывать последствия, состав правонарушения формален. Этот вывод абсурден, так как с передачей полномочий от ФСТ России ФАС России последняя и должна была урегулировать этот пробел. Кроме того, целью

¹² См.: Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2017).

¹³ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Там же.

ресурсоснабжающей организации было покрыть свои убытки в результате ошибки регулятора, а не получить новые.

Второй вариант не приемлем для поставщика ресурсов, так как в разгар сезона хозяйствующий субъект несет постоянные производственные расходы, еле справляясь с выплатами контрагентам ввиду непокрытых выпадающих доходов прошлых лет и просрочки по оплате населением оказанных услуг в новом году. Сейчас невозможно прекратить расчеты с населением, так как нехватка оборотных средств создаст задолженность перед поставщиками самой регулируемой организации, приведет к выставлению пеней за просрочки по оплате. Кроме того, некоторые контрагенты могут перестать поставлять необходимые ресурсы, что может привести к еще более серьезному последствию — недопустимой остановке снабжения населения теплом и горячей водой.

Для ресурсоснабжающей организации возможен только единственный логичный вариант — *продолжать выставлять квитанции для населения по старым тарифам до разработки регулятором нового, и это не должно признаваться нарушением антимонопольного законодательства*. Однако в условиях нормативной неопределенности процедуры «безопаснее» с момента получения решения суда прекратить выставлять счета для потребителей и дождаться установления регулятором нового тарифа.

Таким образом, по результатам исследования выявлен и решен ряд пробелов в государственном регулировании тарифов. Во-первых, дано оригинальное определение понятия «справедливый тариф» на услуги естественных монополий и определены методологические основы его установления. На основе разработанного подхода подготовлена методика расчета выпадающих доходов при определении НВВ на теплоноситель. Такой подход позволяет решить один из актуальных ранее нормативно не урегулированных вопросов в области установления тарифа на отдельный вид услуг естественных монополий. Во-вторых, после отмены тарифа судом выявлен пробел в регулировании, связанный с порядком производимых расчетов с потребителями в межтарифном промежутке, и определен путь дальнейших действий для естественного монополиста и антимонопольных органов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Городецкий А.Е. О конкурентных основах развития инновационной экономики // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2011. № 2. С. 61—75. URL: <http://inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ieran/arxiv-nomerov.html> (дата обращения: 23.03.2017).
2. Кутерин М.И. Естественные монополии как инструмент государственного регулирования экономики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010. URL: <http://economy-lib.com/disser/341256/a/#?page=1> (дата обращения: 03.03.2017).
3. Averch H., Johnson L.L. Behavior of the Firm Under Regulatory Constraint // American Economic Review. 1962. Vol. 52. Pp. 1052—1069.
4. Carlton D.W., Perloff J.M. Modern industrial organization. Boston: Pearson/Addison Wesley, 2005. 822 p.

Для цитирования: Кудрявцев К.А. Исследование и устранение пробелов в государственном регулировании тарифа на теплоноситель в регионе // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 364—378.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

K. A. KUDRYAVTSEV. RESEARCH AND FILLING GAPS IN THE STATE REGULATION OF THE PRICE ON THE HEAT-TRANSFER AGENT IN A REGION

Keywords: region; industrial enterprise; reasonable price; required gross revenue; expertise; shortfall in income

Introduction: setting a fair state price for energy supply companies in Russia's regions is of great importance both for the consumers (natural and legal persons) and for the regulated organizations themselves. A too high price may threaten the consumers' wellbeing, whereas if the set rate is low, the natural monopolist will not be able to effectively carry out the current work and to modernize the existing facilities.

Materials and Methods: the study used the materials from a rate and administrative cases that were pending in the Supreme Court of the Russian Federation. General scientific methods were used: those of analysis, synthesis, induction and deduction, as well as the methods set forth in the Methodological Instructions on Calculation of Regulated Prices (rates) in the Sphere of a Heat Supply.

Results: the paper proposes ways to fill the gaps in the state regulation of the price on the heat-transfer agent (hot water) exemplified by the expert calculation of the amount of the required gross revenue for the energy supply company of Mari Heat Network Company LLC (the city of Volzhsk).

Discussion and Conclusions: the author gives an interpretation of the concept of "fair rate" and defines the methodological foundations of its

introduction; the paper resolves the legally unsettled issue of the correct definition of “shortfall in income”; it identifies a gap in the regulation associated with the procedure of settling accounts with consumers in the inter-rate interval and outlines the way for the future actions of a natural monopoly and the anti-trust authorities.

REFERENCES

1. Gorodetsky A.E. [On competitive bases of innovative economy development]. *Vestnik Instituta jekonomiki Rossijskoj akademii nauk* = Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2011; 2:61—75. Available at: <http://inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/archiv-nomerov.html> (accessed 23.03.2017). (In Russ.)
2. Kuterin M.I. [Natural monopolies as a tool of state regulation of economy]. Diss. Cand. Sci (Economy). Moscow; 2010. Available at: <http://economy-lib.com/disser/341256/a#?page=1> (accessed 03.03.2017). (In Russ.)
3. Averch H., Johnson L.L. Behavior of the Firm Under Regulatory Constraint. *American Economic Review*. 1962. 52:1052—1069.
4. Carlton D.W., Perloff J.M. Modern industrial organization. Boston: Pearson/Addison Wesley; 2005. 822 p.

About the author:

Konstantin A. Kudryavtsev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Industrial Engineering, Volga State University of Technology (3 Lenin Sq., Yoshkar-Ola, Republic of Mari El, 424000, Russia) (*e-mail*: kudryvtsev_konst@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-2286-5155>. Researcher ID: L-4981-2016.

For citation: Kudryavtsev K.A. Research and Filling Gaps in the State Regulation of the Price on the Heat-Transfer Agent in a Region. *REGIONOLOGIYA* = *REGIONOLOGY*. 2017; 3(25):364—378.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 20.06.2017.

Экономика региона / Economy of a region

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 332.1:338.436.33

**Е. Н. КОРОЛЕВА, МУНИЦИПАЛЬНЫЙ МЕГАПРОЕКТ
О. В. СЕМЕНЧУК, КАК ИНСТРУМЕНТ
А. А. ГРАНКИНА ЭФФЕКТИВНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКОГО
ПРОСТРАНСТВА РЕГИОНА**

Ключевые слова: регион; муниципальный мегапроект; проектное управление; муниципальный район; муниципальная стратегия; степная культура; сельское пространство

Введение: в условиях внедрения системы стратегического управления муниципальными социально-экономическими системами необходимо формирование новых подходов к реализации стратегий их развития. В настоящее время, помимо традиционного инструментария, призванного формировать программно-проектный механизм реализации муниципальных стратегий, возрастает актуальность практического применения инструментов проектного подхода и проектного управления.

Материалы и методы: информационной базой настоящего исследования послужил комплекс нормативных документов и документов стратегического характера. Аналитическую основу составили официальные статистические материалы; информационно-аналитические материалы российских организаций и консалтинговых агентств по стратегическому планированию, данные экспертных оценок специалистов в области стратегического планирования, материалы периодической печати, электронные ресурсы. В рамках системного подхода применялись следующие методы исследования: научная

КОРОЛЕВА Елена Николаевна, профессор кафедры региональной экономики и управления Самарского государственного экономического университета, доктор экономических наук (443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141) (*e-mail*: korol388@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8006-2751>

СЕМЕНЧУК Ольга Витальевна, доцент кафедры региональной экономики и управления Самарского государственного экономического университета, кандидат экономических наук (443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141) (*e-mail*: semenola247@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5750-2074>

ГРАНКИНА Арина Александровна, старший преподаватель кафедры региональной экономики и управления Самарского государственного экономического университета (443090, Россия, г. Самара, ул. Советской Армии, 141) (*e-mail*: arina128@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9728-1010>

абстракция, аналогия, ретроспективный анализ, генетический и синергетический подходы, статистические, классификация и структуризация, стратегический анализ, экспертные оценки.

Результаты исследования: на основе стратегического анализа развития муниципального района Алексеевский Самарской области сформирована концепция мегапроекта, основанная на идее эффективного использования потенциала сельского пространства. Содержание мегапроекта раскрывается в рамках конкретных проектов по основным сферам муниципального развития: социуму, среде обитания, предпринимательству, институту местного самоуправления.

Обсуждение и заключения: мегапроекты являются необходимым и эффективным дополнением программно-проектного инструментария, раскрывающего сущность и практические аспекты реализации муниципальных стратегий. Сформулированы условия мегапроектирования на муниципальном уровне управления. В рамках муниципальной стратегии предложен конкретный мегапроект, направленный на развитие пространства самобытной степной культуры, выступающий экономическим «драйвером» сельской территории.

Введение. В соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ¹ на муниципальном (локальном) уровне внедряется система стратегического управления местным социально-экономическим развитием. Одной из наиболее важных и при этом проблемных сфер остается формирование адекватной системы реализации разработанной стратегии.

В настоящее время отсутствуют единые критерии оценки качества муниципальных стратегий. Эксперты в области стратегического планирования развития территорий предлагают в качестве критериев использовать наличие крупных и оригинальных идей, способных заинтересовать местное сообщество, и реализуемость стратегии. Однако в большинстве разработанных и утвержденных муниципальных стратегий используется традиционный набор инструментов, в совокупности формирующий программно-проектный механизм ее реализации. Актуальность поиска новых подходов к реализации муниципальных стратегий, позволяющих эффективно использовать традиционные ресурсы сельских территорий, усиливается необходимостью внедрения проектного управления в муниципальную сферу.

¹ См.: Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 15.12.2016).

Обзор литературы. По мнению И. В. Митрофановой и А. Н. Жукова, мегапроекты — это крупные долговременные капиталоемкие проекты, носящие системный характер и обладающие такими отличительными чертами, как сложность, затратность и высокая значимость поставленных целей [1, с. 75].

Как правило, такого рода проекты включаются в федеральные и региональные документы стратегического целеполагания (стратегии). Мегапроекты могут выступать и в роли программ макроэкономического, межрегионального или муниципального значения и объединять большое количество взаимосвязанных проектов, которые обладают общими целями, ресурсами и необходимым временем для их реализации [2, с. 8].

Б. А. Райзберг полагает, что современному мегапроектированию присущ ряд отличительных черт:

— большой территориальный охват (страна, округ, группа регионов, муниципальный район и т. д.);

— преобладание целей, связанных с созданием различного рода инфраструктурных объектов территории, которые в дальнейшем будут способствовать строительству новых крупных центров социального и экономического развития, а также использованию новых видов ресурсов;

— необходимость решения комплексной проблемы системного характера, направленной на установление оптимальных параметров сбалансированного, конкурентоспособного, устойчивого развития хозяйственных систем различных уровней, которая закреплена в качестве основного направления;

— содействие активизации межрегиональных и межмуниципальных связей и оптимизации существующих территориальных пропорций;

— участие организаций различной ведомственной подчиненности;

— охват трех основополагающих направлений: экономики, природы, населения².

Анализируя последнюю из указанных характеристик мегапроектирования, А. А. Малютина и В. М. Мясникова приходят к выводу, что оно является инструментом, спо-

² См.: Райзберг Б.А. Программно-целевое планирование и управление. М.: КноРус, 2008. 312 с.

собным обеспечить переход к устойчивому развитию конкретной территории³.

Т. Гантон выделяет условия целесообразности применения мегапроектирования применительно к рассматриваемой проблематике. Это превалирование комплексных и многоцелевых проблем, в том числе комплексного хозяйственного освоения труднодоступных и проблемных территорий; долгосрочный временной интервал; комплексное использование природных ресурсов межотраслевого и многоцелевого применения; возможность объединения различного рода проектов отраслевого и межотраслевого характера, обладающих общими целями и задачами [3].

При проведении исследования мы использовали определение муниципального мегапроекта, данное Е. Н. Королевой. Оно отражает его специфичную роль в процессе разработки и реализации стратегии развития территории. По ее мнению, муниципальный мегапроект — это общемуниципальный партнерский проект, представляющий систему взаимодействующих проектов, предполагающий участие нескольких заинтересованных сторон, принимающих решения на основе согласия для достижения общих стратегических ориентиров развития муниципального образования⁴.

Необходимо отличать мегапроект от флагманского проекта территории, под которым Б. С. Жихаревич с соавторами понимает комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на создание уникального продукта или услуги в условиях временных и ресурсных ограничений, дающий существенный толчок развитию поселения и открывающий новые возможности, которые влекут за собой другие проекты⁵.

³ См.: Малютина А.А., Мясникова В.М. Роль стратегии в повышении устойчивости социально-эколого-экономического развития муниципального образования // Инновационные подходы к обеспечению устойчивого развития социо-эколого-экономических систем: материалы Междунар. конф. (19—21 мая 2014 г., Самара — Тольятти). Самара, 2014. С. 147.

⁴ См.: Королева Е.Н. Стратегическое управление развитием муниципальных социально-экономических систем в условиях глобализации: теоретико-методологические аспекты: моногр. М.: ВГНА Минфина России, 2006. С. 80—81.

⁵ См.: Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А., Русецкая О.В., Прибышин Т.К. Стратегии малых городов: территория творчества / под ред. Б.С. Жихаревича. СПб.: Междунар. центр соц.-экон. исслед. «Леонтьевский центр», 2017. С. 22.

В большинстве научных публикаций превалируют результаты исследований новых инновационных факторов территориального развития, а сельские муниципальные районы, использующие традиционные факторы экономического развития, не рассматриваются в качестве объектов мегапроектирования.

Материалы и методы. В статье даны результаты разработки муниципального мегапроекта в рамках стратегии социально-экономического развития муниципального района Алексеевский Самарской области до 2025 г. Методические принципы разработки муниципальных мегапроектов предложены и апробированы Лабораторией комплексных региональных исследований Самарского государственного экономического университета в 2006—2016 гг. в процессе формирования документов стратегического характера для ряда муниципальных образований Самарской области.

Информационной базой исследования послужили стратегии, концепции, программы и проекты развития субъектов и муниципальных образований Российской Федерации, в частности Самарской области, материалы исследовательских работ, ресурсы Интернета.

Использовались общенаучные и специальные методы исследования: научная абстракция, аналогия, ретроспективный анализ, генетический и синергетический подходы; эмпирические методы: статистические, классификация и структуризация, стратегический анализ, экспертные оценки. Объектом исследования стал муниципальный район Алексеевский Самарской области.

Результаты исследования. Муниципальный район Алексеевский Самарской области — это периферийная территория региона, которая расположена на его юге-востоке, в 70 км от железной дороги и ст. Богатое, граничит с Оренбургской областью. По состоянию на 1 января 2016 г. его площадь — 1 890,87 кв. км (3,5 % от всей территории Самарской области). Численность населения района на 1 января 2016 г. составила 11 605 чел. Административно-территориальное деление района представлено пятью сельскими поселениями, включающими 28 населенных пунктов. В сводном рейтинге муниципальных районов Самарской области за 2016 г. рассматриваемый район занимает 18-е место из 27.

Муниципальный район Алексеевский относится к третьему агроклиматическому району — пониженного увлажнения. Гидротермический коэффициент составляет 0,7. На территории района расположены реки Съезжая и Чапаевка. Суммарное зеркало водного бассейна района составляет 20,6 кв. км (1 % от общей площади территории района).

В структуре почвенного покрова преобладают обыкновенные (27 % пашни) и южные (73 % пашни) черноземы, представленные в основном карбонатными маломощными тяжелосуглинистыми разновидностями. Они характеризуются невысоким естественным плодородием, находятся преимущественно в комплексе с солонцами, что снижает их продуктивность.

За 2010—2015 гг. общая площадь земель в муниципальном районе Алексеевский оставалась неизменной и составила 189 087 га. Территория района отличается большой распаханностью сельскохозяйственных угодий (78 %), что значительно превышает экологически допустимый уровень и способствует развитию эрозии и деградации почв. Земли, поврежденные эрозией в средней и сильной степени, составляют 26 %, пашни — 96 %.

Список особоохраняемых природных территорий регионального значения насчитывает 10 объектов, доля особоохраняемых территорий в общей площади территории расматриваемого района невелика и составляет 0,4 %⁶.

Предпосылками разработки концепции мегапроекта муниципального района Алексеевский Самарской области на период до 2025 г. послужили результаты анализа факторов и потенциалов развития его территории. Экономическая специализация и самобытность культуры района сформировались в геосреде, представленной прежде всего степным ландшафтом и сложившимися условиями жизнедеятельности населения, когда занятие земледелием не давало хороших урожаев, а более продуктивным являлось степное животноводство.

Особое развитие получило коневодство, что дало возможность рассматривать район как центр кумысолечения. Климат и степные просторы привлекли в эту местность

⁶ См.: Воронин В.В., Васильева Д.И., Мытарев А.Г., Токарев Ю.А. и др. Муниципальные районы: теория и практика: моногр. Самара: СамЛюксПринт, 2016. 372 с.

Л. Н. Толстого, который после нескольких поездок в район приобрел на его территории в собственность два имения. В день именин писателя и в дни его приезда в имения в районе устраивались скачки и другие празднества. В настоящее время традиция степных скачек в районе восстановлена⁷. Это можно рассматривать как первый шаг к сохранению уникальности социокультурной среды территории.

Степная природа наложила отпечаток не только на экономическое развитие муниципального района, но и сформировала уклад жизни населения, образовав многогранную социокультурную систему. Район может позиционировать себя территорией со степной культурой, которая представляет собой особый тип культуры, обусловленный регионально-географическими особенностями среды [4, с. 105].

Концепция мегапроекта предполагает активное развитие межрегионального взаимодействия с регионами, располагающимися в схожих природно-климатических условиях и с народами других государств (Казахстан, Монголия и Китай), где бережно поддерживают и развивают степную культуру. Целесообразно, по нашему мнению, осуществлять формирование экономической и социально-культурной среды в районе на базе предложенной концепции мегапроекта в ходе реализации нескольких проектов (рисунок).

В качестве экономического «драйвера» развития территории нами рассматривается проект «Степное скотоводство», включающий шесть подпроектов. Особенностью проектных направлений «Разведение крупного и мелкого рогатого скота специализированных мясных пород» и «Разведение крупного и мелкого рогатого скота специализированных молочных пород» является то, что на территории муниципального района Алексеевский предлагается разводить только породы скота, которые наилучшим образом приспособляются к климатическим условиям этой территории. Поэтому к степному скотоводству в проекте отнесены не только крупный и мелкий рогатый скот, но и коневодство.

Участники подпроектов могут получать государственную поддержку в форме субсидий и грантов, выделяемых в рамках государственных программ Самарской области, например «Развитие сельского хозяйства и регулирование

⁷ См.: Степные скачки в имении Л. Н. Толстого. URL: <http://gubernya63.ru/dostoprimechatelnosti/turizm/alekseevka.html> (дата обращения: 13.12.2016).

рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Самарской области» на 2014—2020 гг.⁸

Рисунок. Состав мегапроекта «Пространство самобытной культуры»

Рассматриваемые проекты предполагают создание и развитие семейных животноводческих ферм, что будет способствовать самозанятости сельского населения. Все большей популярностью пользуются и так называемые экофермы. На территории Самарской области это направление развито слабо, в связи с чем для муниципального района Алексеевский открывается возможность занять определенные ниши на региональных рынках экологически чистой продукции животноводства и сельского туризма.

⁸ См.: Постановление Правительства Самарской области «Об утверждении государственной программы Самарской области «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Самарской области» на 2014—2020 годы» от 14 нояб. 2013 г. № 624 // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.12.2016).

Подпроект «Продуктивное коневодство» предполагает разведение лошадей, обладающих высокими мясными и молочными качествами. Успешная реализация проекта будет способствовать обеспечению Самарской области мясными и молочными продуктами, поможет возродить кумысоделие. Проект подразумевает возрождение на территории муниципального района Алексеевский кумысолечебницы. Учитывая, что кумысоделие в Самарской области не развито, район со временем может позиционировать кумыс в качестве бренда.

Подпроект «Строительство сервисного селекционного центра» предполагает создание условий для ускоренного размножения высокоценных племенных животных, а также для выведения новых пород высокопродуктивного скота, способного быстро адаптироваться к условиям степной климатической зоны муниципального района Алексеевский.

Подпроект «Создание фидлотов» предполагает создание специализированных откормочных площадок для крупного, мелкого рогатого скота и лошадей с подведенными инженерными коммуникациями, оснащенных водозаборными узлами, ветеринарными госпиталями и хранилищами для кормов. С учетом природно-климатических особенностей территории, на которой расположены фидлоты, они адаптированы под конкретные породы животных.

Подпроект «Переработка продуктов жизнедеятельности сельскохозяйственных животных в высококачественные концентрированные удобрения» предполагает строительство на территории района производственных мощностей по переработке продуктов жизнедеятельности сельскохозяйственных животных.

В рамках разработки мегапроекта муниципального района Алексеевский нами определен перечень целевых индикаторов (показателей), характеризующий итоги его реализации к 2025 г. (табл. 1).

Все составляющие мегапроекта представлены в программно-проектном комплексе, следовательно, его осуществление даст соответствующие эффекты для развития рассматриваемого района (табл. 2).

Таблица 1

**Основные целевые индикаторы (показатели)
мегапроекта «Пространство самобытной культуры»**

Целевой индикатор (показатель)	Ед. измер.	За весь период реализации к 2025 г.
Объем инвестиций в основной капитал* в расчете на душу населения	руб.	15 962,5
Количество вновь созданных рабочих мест	ед.	43
Доля вовлеченных в хозяйственный оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения	%	90
Прирост поголовья:	гол.	
— крупного рогатого скота		18 200
— овец и коз	гол.	4 353
— лошадей	гол.	324
Количество реализованных проектов туристической направленности	ед.	8

* За исключением бюджетных средств, без ОКВЭД «Добыча полезных ископаемых» и «Транспортировка по трубопроводам».

Таблица 2

Эффекты реализации мегапроекта «Пространство самобытной культуры» по сферам муниципального развития*

<i>Социум</i>	<i>Среда обитания</i>
Повышение уровня занятости сельских жителей. Увеличение доходов и повышение уровня жизни населения района. Увеличение количества проектов в социально-культурной и туристско-рекреационной сферах, получивших поддержку (финансовую, информационную, организационную) при их реализации	Увеличение количества объектов и площади особоохраняемых природных территорий. Рост привлекательности муниципального района как места проживания
<i>Предприниматель</i>	<i>Институт местного самоуправления</i>
Вовлечение в экономический оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения, в том числе низкого плодородия. Обеспечение импортозамещения высокопродуктивного племенного скота. Обеспечение производства импортозамещающей продукции животноводства. Повышение активности субъектов малого и среднего предпринимательства. Увеличение количества рабочих мест. Повышение инвестиционной привлекательности района	Рост налоговых поступлений в муниципальный и региональный бюджеты. Формирование бренда и продвижение имиджа муниципального района Алексеевский. Активизация межмуниципального, межрегионального и международного взаимодействия

* Таблица составлена авторами.

Обсуждение и заключения. Исследование подтвердило нашу позицию о необходимости и возможности мегапроектирования на муниципальном уровне. Мегапроект, являющийся инструментом стимулирования муниципального развития, позволяет запустить механизм социального партнерства, в основе которого лежат принципы интеграции ресурсов, ответственности и уважительного отношения к целям всех заинтересованных сторон.

К основным факторам, сдерживающим его применение в современных условиях, следует отнести: неразвитость института стратегического планирования на местах⁹; отсутствие ярких идей у представителей местного сообщества, способных инициировать разработку проектов подобного типа; невысокую проектную культуру и отсутствие лучших практик проектного управления в муниципальной сфере; частые трансформации административного аппарата; отсутствие преемственности местных властей.

В рамках исследования были решены две основные задачи теоретического и прикладного характера. Во-первых, выявлены сущность и особенности мегапроектов развития территорий, определяющие возможность их использования в качестве эффективного инструмента, дополняющего программно-проектный комплекс реализации стратегических перспектив развития муниципальных образований. Во-вторых, обоснованы предпосылки и разработаны концептуальные основы мегапроекта «Пространство самобытной культуры» в рамках стратегии социально-экономического развития муниципального района Алексеевский Самарской области на период до 2025 г., учитывающие традиционные факторы сельской территории, формирующие стратегический ресурс сельского пространства, и предложены направления его реализации на базе проектного подхода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Митрофанова И.В., Жуков А.Н. Мегапроектирование как инструмент стратегического территориального менеджмента // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 3. С. 74—85. URL: <http://ores.su/ru/journals/ekonomicheskie-i-sotsialnyie-peremenyi-faktyi-tend/2012-tom-21-nomer-3/a188263> (дата обращения: 13.01.2017).

⁹ См.: Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А., Русецкая О.В., Прибышин Т.К. Стратегии малых городов: территория творчества. С. 66.

2. Митрофанова И.В., Жуков А.Н. Разработка стратегии развития южного макрорегиона в формате мегапроекта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2010. № 2. С. 5—14. URL: <http://ges.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/221> (дата обращения: 13.01.2017).

3. Ganton T. Megaprojects and Regional Development: Pathologies in Project Planning // *Regional Studies*. 2003. Vol. 37, no 5. Pp. 505—590. DOI: 10.1080/0034340032000089068

4. Борликов Г.М. Степная культура как феномен самобытной цивилизации // Мир образования — образование в мире. 2004. № 3. С. 104—109. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-179688.html> (дата обращения: 27.01.2017).

Заявленный вклад авторов:

КОРОЛЕВА Елена Николаевна — научное руководство, замысел статьи.

СЕМЕНЧУК Ольга Витальевна — описание методологии исследования, доработка текста статьи.

ГРАНКИНА Арина Александровна — поиск аналитических материалов, подготовка проекта текста статьи, составление таблиц, создание рисунка.

Для цитирования: Королева Е.Н., Семенчук О.В., Гранкина А.А. Муниципальный мегапроект как инструмент эффективного использования потенциала сельского пространства региона // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 379—392.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

E. N. KOROLEVA, O. V. SEMENCHUK, A. A. GRANKINA. MUNICIPAL MEGA-PROJECT AS A TOOL FOR EFFECTIVE USE OF THE POTENTIAL OF THE RURAL AREAS OF A REGION

Keywords: region; municipal mega-project; project management; municipal district; municipal strategy; steppe culture; rural areas

Introduction: in the conditions of introduction of the system of strategic administration of the municipal socio-economic systems, it is necessary to develop new approaches to the implementation of their growth strategies. Currently, in addition to the traditional tools designed to shape the program and project mechanism for implementing municipal policies, practical application of the tools of the project approach and project administration gain greater urgency.

Materials and Methods: a set of regulations and strategic documents became the in-formation base for this study. The analytical framework was made up of official statistical materials, information and analytical materials of Russian organizations, consulting agencies for strategic planning, data of expert evaluations by specialists in the field of strategic planning, periodi-

cals and electronic resources. Within the systemic approach, the following research methods were used: scientific abstraction, analogy, retrospective analysis, genetic and synergetic approaches, statistical methods, classification and structuring, strategic analysis and expert evaluation.

Results: basing on the strategic analysis of the development of the Alekseevka Municipal District of the Samara Region, the concept of a mega-project was formed based on the idea of effective use of the potential of rural areas. The content of the mega-project is revealed in the framework of specific projects on the key fields of municipal development: society, environment, entrepreneurship, institution of local government.

Discussion and Conclusions: mega-projects are necessary and effective complement to the program and project tools which reveal the nature and practical aspects of implementation of municipal strategies. The paper identifies the conditions of launching mega-projects at the municipal level of government. In the framework of the municipal strategy, a specific mega-project was proposed aimed at the development of the space of the original steppe culture acting as an economic driver of the rural area.

REFERENCES

1. Mitrofanova I.V., Zhukov A.N. [Megaprojecting as a tool of strategical and territorial management]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* = Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2012; 3:74—85. Available at: <http://ores.su/ru/journals/ekonomicheskie-i-sotsialnyie-peremenyi-faktyi-tend/2012-tom-21-nomer-3/a188263> (accessed 13.01.2017). (In Russ.)

2. Mitrofanova I.V., Zhukov A.N. [Working out development strategy of southern macroregion in megaproject format]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 3. Jekonomika. Jekologija* = Science Journal of VolSU. Global Economic System. 2010; 2:5—14. Available at: <http://ges.jvolsu.com/index.php/ru/component/attachments/download/221> (accessed 13.01.2017). (In Russ.)

3. Ganton T. Megaprojects and Regional Development: Pathologies in Project Planning. *Regional Studies*. 2003; 5(37):505—590. DOI: 10.1080/0034340032000089068

4. Borlikov G.M. [Steppe culture as a phenomenon of a unique civilization]. *Mir obrazovanija — obrazovanie v mire* = World of education — education in the world. 2004; 3:104—109. Available at: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-179688.html> (accessed 27.01.2017). (In Russ.)

Contribution of the authors:

Elena N. Koroleva — academic advising, the idea of the article.

Olga V. Semenchuk — description of the research methodology, finalization of the text of the article.

Arina A. Grankina — search for analytical materials, preparation of a draft text of the article, compiling tables, making the drawing.

About the authors:

Elena N. Koroleva, Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Regional Economy and Administration, Samara State University of Economics (141 Sovetskoi Armii St., Samara, 443090, Russia) (*e-mail*: korol388@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8006-2751>

Olga V. Semenchuk, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Regional Economy and Administration, Samara State University of Economics (141 Sovetskoi Armii St., Samara, 443090, Russia) (*e-mail*: semenola247@yandex.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5750-2074>

Arina A. Grankina, Senior Lecturer at the Department of Regional Economy and Administration, Samara State University of Economics (141 Sovetskoi Armii St., Samara, 443090, Russia) (*e-mail*: arina128@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9728-1010>

For citation: Koroleva E.N., Semenchuk O.V., Grankina A.A. Municipal Mega-Project as a Tool for Effective Use of the Potential of the Rural Areas of a Region. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2017; 3(25):379—392.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 15.03.2017.

**СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА /
SOCIOLOGY OF A REGION**

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 338.48

**М. А. ЖУЛИНА, ТУРИСТСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА
В РЕГИОНЕ (КОЛЛЕКТИВНЫЕ
СРЕДСТВА РАЗМЕЩЕНИЯ):
СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ**

Ключевые слова: регион; туристская инфраструктура; индустрия гостеприимства; коллективные средства размещения; гостиничные предприятия; специализированные средства размещения; номерной фонд

Введение: в современных условиях развития туристской отрасли, ожидаемого притока туристов в Республику Мордовия в период проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 г. в Саранске, а также необходимости использования наследия чемпионата в будущем остро стоит вопрос развития коллективных средств размещения. В настоящее время проблема заключается в дефиците необходимого количества мест в соответствии с требованиями Международной федерации футбола, а в будущем — использования вводимых сегодня площадей средств размещения.

Материалы и методы: материалами для написания статьи послужили нормативно-правовые акты Российской Федерации, данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. В статье использованы методы математической статистики, проанализировано развитие коллективных средств размещения в Республике Мордовия с 2005 по 2015 г. с помощью методов сравнения и обобщения, показаны тенденции и проблемы развития средств размещения в регионе.

Результаты исследования: дан анализ уровня развития такого элемента туристской инфраструктуры, как средства размещения, на территории Республики Мордовия в целом и ее столице, г. Саранске, в частности. Выявлены и систематизированы тенденции развития коллективных средств

ЖУЛИНА Марина Александровна, заведующий кафедрой туризма Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат географических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: mzhulina@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5011-723X>

КИЦИС Вячеслав Михайлович, доцент кафедры туризма Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат географических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: vkitsis@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4016-5275>

© Жулина М. А., Кицис В. М., 2017

размещения в регионе, показаны основные проблемы в рассматриваемой отрасли, предложены некоторые пути их устранения.

Обсуждение и заключения: уровень развития туристской инфраструктуры в регионе пока отстает от основных требований национальных и международных стандартов. Результаты исследования позволили сделать ряд предложений по повышению эффективности использования республиканских коллективных средств размещения, приближения их к требованиям международных норм.

Введение. Для развития туризма, одного из основных направлений социально-экономического развития любого региона, важна туристская инфраструктура, под которой принято понимать совокупность объектов и организаций, которые задействованы в оказании туристских услуг. Неотъемлемая составляющая туристской инфраструктуры — коллективные средства размещения (КСР): городские отели, загородные гостиницы, мотели, хостелы, санатории, базы отдыха.

Любое путешествие с целью отдыха и впечатления, связанные с ним, могут быть омрачены плохими условиями размещения туристов. Поездка будет иметь ожидаемый эффект только в том случае, если работники сферы гостеприимства встретят, разместят и обслужат туриста на должном для этого уровне. Развитие туристской инфраструктуры в регионах России с целью максимального использования ее потенциала является весьма актуальной задачей.

Развитию КСР в таком регионе России, как Республика Мордовия, придается очень большое значение, так как в ее столице, г. Саранске, в 2018 г. пройдут матчи Чемпионата мира по футболу, которые предполагают существенный приток отечественных и иностранных болельщиков.

Обзор литературы. Исследование вопросов, связанных с КСР, осуществляется давно, но особую актуальность они приобрели в последнее десятилетие, ознаменовавшееся бурным развитием туризма.

Основой для написания статьи послужили работы Е. В. Колотовой¹, В. А. Квартальнова², В. С. Сенина³, В. А. Лазарева [1], Г. Н. Лебедевой [2], Г. Х. Арслановой, М. М. Хисматул-

¹ См.: Колотова Е.В. Рекреационное ресурсоведение: учеб. пособие. М.: РМАТ, 1999. 315 с.

² См.: Квартальнов В.А. Туризм. М.: Финансы и статистика, 2002. 320 с.

³ См.: Сенин В.С. Организация международного туризма. М.: Финансы и статистика, 2003. 400 с.

лина и З. З. Галаяутдинова [3] и др., в которых раскрываются понятия «инфраструктура туризма» и КСР, определяется их состав и значение. Методике оценки развития туристской инфраструктуры, включая КСР, посвящены работы В. С. Боголюбова и В. П. Орловской [4], А. А. Клеймана и О. Б. Евреинова⁴, А. Л. Косманёва [5], Т. В. Усковой и А. В. Величкиной⁵ и др.

Материалы и методы. Материалами для написания статьи послужили нормативно-правовые акты Российской Федерации, информация территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия (Мордовиястат). Исследование основано на общенаучных методах познания. В работе использовались методы анализа и синтеза, обобщения, сравнения, статистики и др.

Результаты исследования. На 1 января 2016 г. на территории Мордовии было 50 КСР (32 гостиничного типа и 18 специализированных средств размещения)⁶.

Динамика и соотношение количества между КСР гостиничного типа и специализированного типа с 2005 по 2015 г. показаны на рис. 1⁷, из которого видно, что в республике наблюдается достаточно устойчивая тенденция роста количества КСР: в 2015 г., по сравнению с данными 2005 г., рост составил 12 ед., или 31,6 %. При этом в течение всего анализируемого периода количество средств размещения гостиничного типа было больше, чем специализированных.

Вместе с тем вместимость специализированных средств размещения все эти годы была выше, чем в гостиницах (рис. 2)⁸. Поэтому в соотношении мест в средствах размещения гостиничного и специализированного типов за исследуемый период можно выделить два этапа роста удельного веса вместимости гостиниц. Первый отмечается с 2005 по

⁴ См.: Клейман А.А., Евреинов О.Б. Инфраструктура туризма: стратегия развития. СПб.: Д.А.Р.К., 2014. 384 с.

⁵ См.: Ускова Т.В., Величкина А.В. Туристская инфраструктура в регионе: оценка и перспективы. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 58 с.

⁶ См.: Емельянова Н.А., Жулина М.А., Кицис В.М. и др. Туристско-рекреационный потенциал Республики Мордовия / под общ. ред. М.А. Жулиной. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. С. 134.

⁷ Там же.

⁸ Рисунок составлен на основе данных официального сайта Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия. URL: <http://mrd.gks.ru/> (дата обращения: 13.03.2017).

2011 г., когда доля мест в средствах гостиничного типа в целом выросла с 26,5 до 42,8 %. Это было связано с тем, что количество специализированных средств размещения почти не увеличивалось (16—17 ед.) при одновременном сокращении их вместимости (с 3 036 мест в 2007 г. до 2 478 мест в 2011 г.). Второй этап роста удельного веса вместимости средств размещения гостиничного типа был с 2012 по 2015 г. Он связан не только с увеличением количества гостиниц, но и с ростом их вместимости (на 302 места в 2015 г. по сравнению с цифрами 2011 г.). В 2012 г. произошло резкое снижение доли вместимости средств гостиничного типа (на 10,5 %) из-за ввода 3 средств размещения специализированного типа.

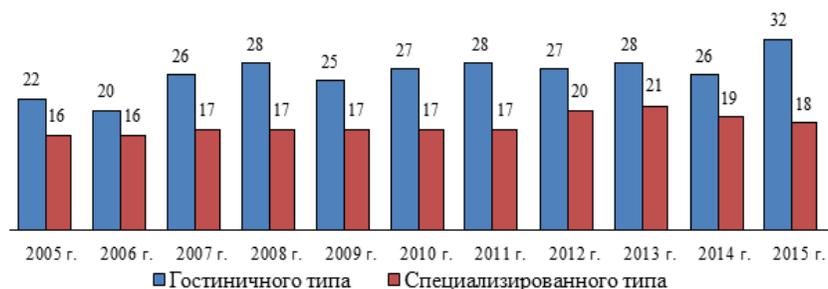

Рис. 1. Количество КСР в Республике Мордовия с 2005 по 2015 г., ед.

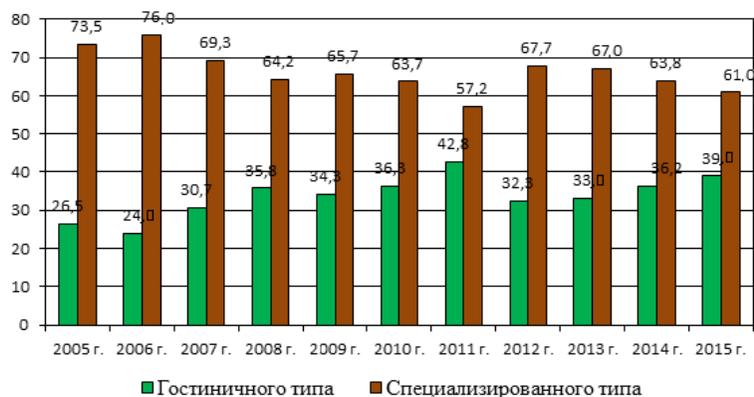

Рис. 2. Соотношение вместимости КСР в Республике Мордовия с 2005 по 2015 г., %

Услугами гостиниц туристы пользуются в основном в деловых и профессиональных целях, услугами специализированных средств размещения — в целях досуга, отдыха и лечения. В гостиницах, как правило, люди останавливаются на 1—4 дня, в специализированных средствах размещения — на 9—29 дней⁹.

Одной из достаточно устойчивых тенденций развития КСР республики является рост численности размещенных лиц. Так, если в 2005 г. в них было размещено 57,6 тыс. чел., а в 2010 г. — 80,5 тыс. чел., то в 2015 г. было обслужено 93,0 тыс. чел., т. е. рост за указанный период составил 61,5 %. При этом число размещенных лиц в 2015 г. было на 5,3 тыс. чел. больше, чем в 2012 г.¹⁰, несмотря на то что в 2012 г. проводилось празднование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства и экономическая ситуация в стране резко ухудшилась в 2014 г. вследствие введения санкций западными странами против России и почти двукратной девальвации национальной валюты.

Таким образом, развитие и совершенствование туристского потенциала Мордовии повышают ее привлекательность для туристов. Из общей численности лиц, заселенных в республиканских КСР, только 3,0 % в 2015 г. приходилось на долю иностранных граждан, а из общего числа иностранцев, посетивших республику, 33,9 % составили жители стран СНГ¹¹. Обращает на себя внимание тот факт, что с 2010 г. численность размещенных в КСР граждан из стран дальнего зарубежья постоянно растет, а из стран СНГ — падает.

Одним из важных показателей уровня развития индустрии гостеприимства служит объем платных услуг, оказанных КСР. Суммарный объем платных услуг, оказанных предприятиями гостиничного типа и санаторно-оздоровительными организациями региона, за исследуемый период постоянно увеличивался (рис. 3)¹². Из рис. 3 видно, что объем услуг, оказанных предприятиями гостиничного типа в течение все-

⁹ Емельянова Н.А., Жулина М.А., Кицис В.М. и др. Туристско-рекреационный потенциал Республики Мордовия. С. 134—135.

¹⁰ См.: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия ...

¹¹ См.: Емельянова Н.А., Жулина М.А., Кицис В.М. и др. Туристско-рекреационный потенциал Республики Мордовия. С. 135.

¹² Там же. С. 136.

го анализируемого периода, был выше, чем организациями специализированного типа. В целом в 2015 г. КСР получили доходы от предоставления услуг в сумме 456,6 млн руб., в том числе за счет реализации путевок (курсовых) доходы составили 41,8 %, от продажи номеров — 51,3 %, от оказания дополнительных платных услуг — 6,9 %. По сравнению с показателями 2014 г. удельный вес доходов от реализации путевок упал (составлял 45,3 %), а от продажи номеров — вырос (был 47,8 %) ¹³.

Рис. 3. Объем оказанных услуг КСР Республики Мордовия с 2005 по 2015 г., млн руб.

Официальные данные Мордовиястата не учитывают деятельность микропредприятий, оказывающих услуги по размещению туристов. По данным мониторинга, проводимого Министерством культуры и туризма Республики Мордовия ¹⁴ с 2015 г., с учетом микропредприятий на 1 января 2016 г. на территории региона было 73 КСР (не считая общежития и детские оздоровительные лагеря) с 3 139 номерами на 5 149 мест ¹⁵.

¹³ См.: Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Мордовия.

¹⁴ В настоящее время — Министерство культуры и национальной политики (действует на основании Положения, утв. Постановлением Правительства Республики Мордовия от 13 февр. 2017 г. № 109).

¹⁵ См.: Емельянова Н.А., Жулина М.А., Кицис В.М. и др. Туристско-рекреационный потенциал Республики Мордовия. С. 136.

Таким образом, данные государственной статистики не учитывают деятельность почти трети КСР республики, которые располагают 44,0 % номерного фонда и 11,5 % мест от суммарной вместимости КСР ¹⁶.

Мордовиястат не учитывал 34,7 % действующих коллективных предприятий гостиничного типа с 22,3 % номеров в них и 15,3 % мест в них. Эти данные свидетельствуют, что более трети не учитываемых КСР гостиничного типа относятся к числу микропредприятий. Аналогичная картина сложилась и по количеству специализированных КСР, функционировавших в республике на начало 2016 г.: не была учтена четверть всех специализированных средств размещения, вне поля зрения Мордовиястата оказалось 54,8 % их номеров ¹⁷.

Структура КСР региона не отличается разнообразием:

— среди предприятий гостиничного типа 87,8 %, или 43 ед., приходится на гостиницы (они обладают 93,8 % номеров и 89,7 % мест) и по 6,1 % — на hostels и motels;

— в структуре специализированных КСР выделяются туристские базы (базы отдыха), на долю которых приходится 54,2 % от общего количества, 42,7 % номеров и 43,2 % мест. Кроме туристских баз, гостей принимают 4 санатория, 3 профилактория, 3 детских санатория и 1 общежитие гостиничного типа ¹⁸.

Большинство гостиниц и подобных средств размещения предоставляют свои услуги широкому кругу гостей. Однако некоторые из них обслуживают узкий целевой сегмент туристов. Так, гостиницы «Монастырская изба» и «Макаровская» ориентированы в основном на религиозных путешественников, деловые туристы стремятся поселиться в отеле «Адмирал», а спортсмены — в гостиницах ГАУ РМ «СШОР по легкой атлетике» и ГАУ РМ «СШОР по зимним видам спорта» и т. д. Все указанные гостиницы находятся в ГО Саранск.

Следует отметить, что если в средствах размещения гостиничного типа нет ярко выраженной сезонности их загрузки, то в специализированных средствах размещения сезонность загрузки ярко выражена: в летний период она выше, чем в среднем за год.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 138.

В 2012 г. стало известно, что г. Саранск вошел в число городов — организаторов Чемпионата мира по футболу в 2018 г. Это событие потребовало разработать и внедрить программу по совершенствованию гостиничной инфраструктуры, приведению ее в соответствие с требованиями Международной организации футбола. Спортивные объекты, КСР и предприятия общественного питания лежат в основе формирования Саранск-Рузаевского туристско-рекреационного кластера [6].

Для размещения болельщиков, официальных лиц и гостей предстоящего чемпионата мира по футболу, согласно требованиям Международной федерации футбола, в Саранске организаторы должны предоставить средства размещения в размере 7 335 номеров, из которых 6 000 номеров должны быть отведены болельщикам. Эта задача решается благодаря строительству 4 КСР на 784 номера, в их числе две гостиницы на 159 и 115 номеров (под управлением международных гостиничных сетей Sheraton (США) и Mercure (Франция)); 439 номеров гостинично-жилого комплекса «Тавла» (г. Саранск); гостиницы на 71 номер крытого футбольно-легкоатлетического манежа¹⁹.

С учетом ввода в эксплуатацию указанных гостиниц общий номерной фонд КСР, предоставляемых аккредитованным лицам, составит 1 469 номеров. При этом суммарный номерной фонд КСР Республики Мордовия к периоду проведения чемпионата увеличится на 62,0 % и составит 3 840 номеров.

После проведения чемпионата номера гостинично-жилого комплекса «Тавла» планируется реализовать на рынке недвижимости с целью устранения избыточного для региона номерного фонда и обеспечения высокой заполняемости действующих КСР²⁰.

Несмотря на предпринятые меры по строительству новых гостиниц и отелей, номерного фонда не хватает для размещения болельщиков. В связи с этим предусматривается задействовать для этих целей общежития МГУ им. Н. П. Огарёва

¹⁹ Там же. С. 139.

²⁰ См.: В Саранске после проведения ЧМ-2018 сироты и многодетные семьи получают жилье в комплексе «Тавла». URL: <http://мониторингсид.рф/news/410> (дата обращения: 01.04.2017).

и МГПИ им. М. Е. Евсевьева. В этих общежитиях будут проведены дооснащение номеров и их реконструкция²¹.

В целях размещения гостей и болельщиков предстоящего спортивного мероприятия планируется также задействовать номерной фонд средств размещения районов Республики Мордовия и соседних (Ульяновской и Пензенской) областей. Это будет способствовать решению проблемы возведения избыточного номерного фонда в г. Саранске.

Одна из основных задач в индустрии гостеприимства — государственная классификация КСР. Она проводится в целях стандартизации, улучшения качества и безопасности услуг, предоставляемых гостям. Эти стандарты предусмотрены не только международными требованиями²², но и отечественными нормативно-правовыми актами, такими как Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ²³, Приказ Министерства культуры Российской Федерации «Об утверждении порядка классификации объектов туристской индустрии, включающих гостиницы и иные средства размещения, горнолыжные трассы и пляжи, осуществляемой аккредитованными организациями» от 11 июля 2014 г. № 1215²⁴.

С 2014 г. на территории Мордовии осуществляется классификация средств размещения, которые будут задействованы в размещении гостей Чемпионата мира по футболу в 2018 г. На 1 января 2017 г. получили свидетельства о

²¹ См.: Емельянова Н.А., Жулина М.А., Кицис В.М. и др. Туристско-рекреационный потенциал Республики Мордовия. С. 139.

²² См., напр.: Директива Совета европейского экономического сообщества «О путешествиях, отпусках и поездках, включающих все» от 13 июня 1990 г. № 90/314/ЕЕС. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901813696> (дата обращения: 03.04.2017); Международные гостиничные правила (одобр. Советом Междунар. гостиничной ассоциации. Катманду (Непал), 2 нояб. 1981 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901813689> (дата обращения: 03.04.2017).

²³ См.: Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24 нояб. 1996 г. № 132-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.04.2017).

²⁴ См.: Приказ Министерства культуры Российской Федерации «Об утверждении порядка классификации объектов туристской индустрии, включающих гостиницы и иные средства размещения, горнолыжные трассы и пляжи, осуществляемой аккредитованными организациями» от 11 июля 2014 г. № 1215 // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 03.04.2017).

классификации 40 КСР, номерной фонд которых составляет 1 340 номеров²⁵. Следует подчеркнуть, что классификация республиканских КСР продолжится. Если срок действия свидетельства о классификации к началу спортивного мероприятия закончится, то такое средство размещения будет проходить процедуру классификации повторно.

Строительство и введение в эксплуатацию в г. Саранске четырех- и пятизвездочных гостиниц, находящихся под управлением международных гостиничных цепей и применяющих современные достижения и стандарты обслуживания сферы гостеприимства, окажут в будущем заметное влияние на развитие и качество предоставляемых гостиничных услуг всеми КСР республики. Все это повысит конкуренцию на рынке гостиничных услуг Республики Мордовия и будет способствовать развитию всей индустрии гостеприимства региона.

Вместе с тем уже сейчас наблюдается внедрение в практику новых видов услуг, предоставляемых гостям средствами размещения Мордовии. Например, в отеле «Адмирал» предоставляются услуги системы онлайн-бронирования, предлагаются специальные предложения и тарифы на услуги ресторана, конференц-залов и др.²⁶

Одним из главных вопросов деятельности КСР Республики Мордовия в преддверии Чемпионата мира по футболу в 2018 г. является повышение уровня профессиональной подготовки работников. Одно из требований — знание иностранных языков. В ряде крупных гостиниц региона, таких как, например, «Олимпия» (г. Саранск), почти полностью решена проблема отсутствия у администраторов знания иностранных языков²⁷.

Результаты нашего исследования индустрии гостеприимства в Республике Мордовия свидетельствуют, что ведущие средства размещения оказывают услуги, соответствующие не только российским, но и международным стандартам. Они уже сегодня принимают туристов из зарубежных

²⁵ См.: Емельянова Н.А., Жулина М.А., Кицис В.М. и др. Туристско-рекреационный потенциал Республики Мордовия. С. 140.

²⁶ См.: Официальный сайт отеля «Адмирал». URL: <https://admiral-saransk.ru/> (дата обращения: 08.04.2017).

²⁷ См.: Отель «Олимпия». URL: <https://www.booking.com/hotel/ru/olimpiya-saransk.ru.html> (дата обращения: 08.04.2017).

стран, предоставляя им необходимый набор основных и дополнительных услуг. При этом стоит обратить внимание, что в этих средствах размещения создана безбарьерная среда, которая будет способствовать обслуживанию гостей с ограниченными возможностями.

В то же время следует отметить ряд проблем в индустрии гостеприимства Республики Мордовия, которые создают неудобства при размещении и проживании гостей. К основным из них можно отнести: нехватку номерного фонда экономкласса в КСР, устаревшую материально-техническую базу большинства гостиниц, определенный дефицит квалифицированных кадров, слабую предпринимательскую активность со стороны частного бизнеса в области индустрии гостеприимства, необъективный статистический учет средств размещения, недостаток КСР в муниципальных районах Республики Мордовия, недостаточную рекламную и маркетинговую деятельность, слабое использование автоматизированных систем бронирования в гостиницах, невысокий набор дополнительных услуг.

Обсуждение и заключения. Индустрия гостеприимства Республики Мордовия развивается достаточно динамично, а уровень предоставляемых услуг в ведущих средствах размещения в целом соответствует российским и международным стандартам. Основными тенденциями развития являются рост количества КСР и численности размещенных в них лиц, при этом численность размещенных в КСР граждан из стран дальнего зарубежья постоянно растет, а из стран СНГ — падает. Услугами гостиниц туристы пользуются в основном в деловых и профессиональных целях, услугами специализированных средств размещения в целях досуга, отдыха и лечения. Следует отметить и наличие негативных факторов, связанных в первую очередь с устаревшим номерным фондом ряда КСР в республике, отсутствием возможности качественного размещения гостей за пределами регионального центра, недостаточно эффективной политикой продвижения своих услуг на межрегиональном туристском рынке у большинства предприятий и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лазарев В.А. Сущностное содержание понятий «инфраструктура туризма» и «индустрия туризма» // Известия Уральского государственного

экономического университета. 2012. № 1. 38—41. URL: <http://izvestia.usue.ru/download/39.pdf> (дата обращения: 29.03.2017).

2. Лебедева Г.Н. Факторы развития малых гостиниц и аналогичных коллективных средств размещения в регионе // *Сервис plus*. 2008. № 4. С. 92—97. URL: <http://philosoph.su/wp-content/uploads/2017/02/2008-%E2%84%964-V1-%D0%9C2.pdf> (дата обращения: 29.03.2017).

3. Арсланова Г.Х., Хисматуллин М.М., Галаяудинов З.З. К вопросу развития и экономической эффективности коллективных средств размещения: проблемы, пути решения // *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 2-1. С. 71—76. URL: <http://kazgik.ru/kcontent/main/newsletter/2015/2.1.pdf> (дата обращения: 29.03.2017).

4. Боголюбов В.С., Орловская В.П. Экономика туризма. М.: АCADEMIA, 2005. 189 с. URL: http://tourlib.net/books_tourism/bogolubov.htm (дата обращения: 29.03.2017).

5. Косманев А.Л. Туристская инфраструктура в региональных исследованиях // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология*. 2012. № 2. С. 5—12. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/geograph/2012/02/2012-02-01.pdf> (дата обращения: 29.03.2017).

6. Жулина М.А., Кицис В.М. Локальные туристские кластеры Республики Мордовия: формирование и функционирование // *Современные проблемы сервиса и туризма*. 2016. Т. 10, № 1. С. 75—82. URL: http://spst-journal.org/Archive_article/2016/2016_01/08-Zhulina-Kitsis.pdf (дата обращения: 06.04.2017).

Заявленный вклад авторов:

ЖУЛИНА Марина Александровна — постановка научной проблемы статьи и определение основных направлений ее решения.

КИЦИС Вячеслав Михайлович — определение теоретико-методологических основ исследования, написание и доработка статьи.

Для цитирования: Жулина М.А., Кицис В.М. Туристская инфраструктура в регионе (коллективные средства размещения): состояние, тенденции, проблемы // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 393—406.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

M. A. ZHULINA, V. M. KITSIS. TOURIST INFRASTRUCTURE IN A REGION (COLLECTIVE ACCOMMODATION FACILITIES): THE STATE, TENDENCIES AND PROBLEMS

Keywords: region; tourist infrastructure; hospitality industry; collective accommodation facilities; hotel enterprises; specialized accommodation facilities; hotel rooms

Introduction: in modern conditions of development of the tourist industry and the expected influx of tourists to the Republic of Mordovia during

the period of the 2018 FIFA World Cup in Saransk, as well as the need to use the heritage of the Cup in the future, the issue of upgrading the collective accommodation facilities is a crucial one. Currently, the problem lies in the lack of the number of hotel beds necessary according to the FIFA requirements, and, in the future, in the prospects of using the accommodation capacities being put into operation today.

Materials and Methods: the materials used for writing this paper were the regulations of the Russian Federation and the data from the territorial body of the Federal State Statistics Service in the Republic of Mordovia. The article employed the methods of mathematical statistics; the development of collective accommodation facilities in the Republic of Mordovia from 2005 to 2015 was analyzed using the methods of comparison and generalization; tendencies and problems of development of accommodation facilities in the region were exposed.

Results: the analysis of the level of development of such an element of the tourist infrastructure as accommodation facilities in the territory of the Republic of Mordovia in general and in its capital, the city of Saransk, in particular, was given. Trends in the development of collective accommodation facilities in the region were identified and systematized; the main problems in this industry were exposed, certain ways of addressing them were proposed.

Discussion and Conclusions: for the present, the level of development of the tourist infrastructure in the region lags behind the main demands of national and international standards. The results of the conducted research allowed to make several proposals for improving the effectiveness of the use of the Republican collective accommodation facilities and making them meet the international standards.

REFERENCES

1. Lazarev V.A. [Essential content of the concepts “tourist infrastructure” and “tourist industry”]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta* = Journal of the Ural State University of Economics. 2012; 1:38—41. Available at: <http://izvestia.usue.ru/download/39.pdf> (accessed 29.03.2017). (In Russ.)
2. Lebedeva G.N. [Factors of development of small hotels and similar collective accommodation facilities in a region]. *Servis plus* = Service plus. 2008; 4:92—97. Available at: <http://philosoph.su/wp-content/uploads/2017/02/2008-%E2%84%964-V1-%D0%9C2.pdf> (accessed 29.03.2017). (In Russ.)
3. Arslanova G.H., Hismatullin M.M., Galyautdinov Z.Z. [Development and economic efficiency of collective accommodation facilities: problems and solutions]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* = Bulletin Kazan state university of culture and arts. 2015; 2-1:71—76. Available at: <http://kazgik.ru/kcontent/main/newsletter/2015/2.1.pdf> (accessed 29.03.2017). (In Russ.)
4. Bogolyubov V.S., Orlovskaya V.P. [Economy of tourism]. Moscow: АCADEMIA; 2005. 189 p. Available at: http://tourlib.net/books_tourism/bogolubov.htm (accessed 29.03.2017). (In Russ.)

5. Kosmanev A.L. [Tourist infrastructure in regional researches]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Geografija. Geojekologija* = Proceedings of Voronezh State University. Series: Geography. Geocology. 2012; 2:5—12. Available at: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/geograph/2012/02/2012-02-01.pdf> (accessed 29.03.2017). (In Russ.)

6. Zhulina M.A., Kitsis V.M. [Local tourism clusters in the Republic of Mordovia: the establishment and functioning]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* = Service and Tourism: Current Challenges. 2016; 1(10):75—82. Available at: http://spst-journal.org/Archive_article/2016/2016_01/08-Zhulina-Kitsis.pdf (accessed 06.04.2017). (In Russ.)

Contribution of the authors:

Marina A. Zhulina — statement of the scientific problem of the article and identification of the main ways to solve it.

Vyacheslav M. Kitsis — determination of the theoretical and methodological foundations of the research, writing and revision of the article.

About the authors:

Marina A. Zhulina, Candidate of Geographic Sciences, Head of the Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail*: mzhulina@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5011-723X>

Vyacheslav M. Kitsis, Candidate of Geographic Sciences, Associate Professor at the Department of Tourism, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail*: vkitsis@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4016-5275>

For citation: Zhulina M.A., Kitsis V.M. Tourist Infrastructure in a Region (Collective Accommodation Facilities): the State, Tendencies and Problems. *REGIONOLOGIYA* = *REGIONOLOGY*. 2017; 3(25):393—406.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 25.05.2017.

Социология региона / Sociology of a region

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 316.334.52:339.13(470.345-25)

**И. Н. ПРОНИНА, БРЕНДИНГОВЫЕ СТРАТЕГИИ
И. Л. СИРОТИНА, г. САРАНСКА В КОНТЕКСТЕ
М. А. ШОРОХОВА КАТЕГОРИИ «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»**

Ключевые слова: бренд; бренд города; брендинговая стратегия; качество жизни; территориальный брендинг

Введение: в настоящее время проблема разработки стратегии бренда города любого региона Российской Федерации весьма актуальна, так как ее успешная реализация может дать существенный импульс развитию города, улучшению его инфраструктуры, развитию человеческого потенциала, промышленности, культуры и туризма. Выбор грамотной брендинговой стратегии — это сложная задача, требующая комплексного подхода.

Материалы и методы: в качестве материалов использовались научные публикации ведущих российских и зарубежных специалистов в области территориального брендинга, статистические и рейтинговые данные из открытых источников. Исследование выполнено в рамках комплексного подхода, в основу положен принцип системности. Использовались такие методы, как анализ, синтез, обобщение и интеграция данных, концептуальное моделирование.

Результаты исследования: выявлены причины, делающие создание бренда г. Саранска, столицы Республики Мордовия, сложной научно-практической проблемой, требующей безотлагательного решения. Анализ показал наличие трех стратегий развития бренда г. Саранска: Саранск столичный,

ПРОНИНА Ирина Николаевна, доцент кафедры дизайна и рекламы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат философских наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: proninain@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2708-2494>

СИРОТИНА Ирина Львовна, заведующий кафедрой дизайна и рекламы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор философских наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: sirotinail@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4498-5529>

ШОРОХОВА Мария Анатольевна, доцент кафедры дизайна и рекламы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат философских наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68) (*e-mail*: shorokhovama@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7015-3569>

© Пронина И. Н., Сиротина И. Л., Шорохова М. А., 2017

Саранск спортивный и Саранск — образцовая провинция. Показано, что реализация этих стратегий развития бренда, несмотря на имеющиеся очевидные достижения, не может дать существенных результатов, так как в значительной мере не способствует улучшению качества жизни населения.

Обсуждение и заключения: существующие стратегии развития бренда г. Саранска во многом присущи и другим средним городам. Имея ряд достоинств, эти брендинговые стратегии, однако, не приводят к существенному увеличению важного показателя развития бренда — улучшению качества жизни населения. В связи с этим вопрос о выборе эффективной брендинговой стратегии развития города остается актуальным и требует комплексного подхода для своего решения.

Введение. В настоящее время провинциальные города находятся в сложных социально-экономических условиях. Одна из главных проблем территориального брендинга — поиск грамотной брендинговой стратегии. Цели брендинга территории могут быть различны как для внешней (туристы, инвесторы, представители федеральной власти), так и для внутренней (жители города) целевых аудиторий. Однако лишь сформировав позитивное отношение к городу у его жителей, можно рассчитывать на успешное продвижение бренда во внешнюю среду. Для такой цели недостаточно сделать город популярным, необходимо создать новое качество жизни, так как успешный брендинг означает значительное улучшение качества жизни по сравнению с исходным. В рамках статьи мы сделали попытку анализа брендинговых стратегий г. Саранска, столицы Республики Мордовия, через призму категории «качество жизни».

Чтобы установить связь между проблемами качества жизни и брендингом города, следует понять сам смысл создания успешного бренда города. Проведение успешного брендинга города может привести к значительному развитию социальной, экономической и культурной сфер, в частности стимулировать увеличение инвестиций, занятости населения, притока туристов, вложений в недвижимость и инфраструктуру. Кроме того, наличие четкой картины дальнейшего развития может дать дополнительный импульс развитию города, будет способствовать сохранению и увеличению его человеческого капитала. Можно сказать, что успешный брендинг означает создание притягательного, быстро развивающегося города, имеющего комфортные условия для жизни людей, ведения бизнеса и отдыха,

т. е. повышение качества жизни. В противном случае попытка создания бренда города даст только кратковременный «одноразовый» эффект, не приводящий к существенному увеличению качества жизни населения.

Бренд города вслед за Д. В. Визгаловым мы рассматриваем как «идентичность, системно выраженную в ярких и привлекательных идеях, символах, ценностях, образах и нашедшую максимально полное и адекватное отражение в имидже города» [1, с. 148]. Разумеется, говорить о бренде г. Саранска пока не приходится: стержневая идея Саранска только формируется и город находится в поиске ключевых ценностей, которые позволили бы территории успешно функционировать в условиях конкуренции. Рассматривая Саранск с точки зрения проектирования бренда, можно выделить несколько ключевых проблем. Во-первых, это неопределенность культурной идентичности, являющейся основой создания городского бренда. Как отмечает Н. И. Воронина, «Саранск как мера самого себя изначально дискретен, распадается на части, мельчайшие “атомы”, каждый из которых “весь во всем” <...>, всякое саранское качество, одновременно соединяющее и разъединяющее <...>. Саранск: русский и нерусский, столичный и провинциальный» [2, с. 166]. Во-вторых, это утрата городом статуса промышленной территории, что влияет на профессиональную занятость населения, уровень доходов, специфику миграции. В-третьих, следует назвать отсутствие продуманной системы визуальных идентификаторов города. Идентичность, выраженная графическим способом, отражает бренд города, делает его наглядным. В-четвертых, это геокультурные особенности, характеризующиеся отсутствием уникальных природных и культурных достопримечательностей.

Обзор литературы. Анализ источников, посвященных проблеме территориального брендинга, показал, что это направление традиционно рассматривается в качестве технологий маркетинга. В данном аспекте проблемы территориального брендинга исследуются С. Анхольтом и Д. Хильдретом¹,

¹ См.: Анхольт С. Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов: моногр. / пер. А. Дадькин. М.: Изд-во «Добрая книга», 2010. 232 с.

Ф. Котлером², Е. П. Голубковым [3], А. П. Панкрухиным [4], Т. В. Сачук³ и др.

В последние годы многие исследователи начали осознавать особенности брендинга средних и малых городов. В частности, эту проблему на примере европейских городов поднимает Б. Бейкер [5]. К подобному выводу приходит и К. Динни при рассмотрении лучших мировых практик брендинга территорий [6].

Вопросы стратегирования и проектирования территориального бренда не получили достаточного освещения в исследованиях российских ученых. Возможно, это обстоятельство связано с тем, что брендинг территории как научная проблема имеет в отечественной науке небольшую историю. В рамках этого направления можно выделить работы В. А. Дубейковского⁴, И. Н. Шафранской⁵.

Материалы и методы. В качестве материалов использовались научные публикации ведущих российских и зарубежных специалистов в области территориального брендинга. Методологическим потенциалом и показательными примерами обладают в основном зарубежные публикации, так как проблема брендинга территорий достаточно нова для отечественного общественно-научного сообщества. В то же время только в отечественных источниках можно найти материал для сравнительного анализа в системе «центр — провинция». Помимо теоретических, в статье проанализированы статистические и рейтинговые данные из открытых источников, отражающие перспективы российских городов в плане развития инфраструктуры (в том числе спортивной) и улучшения качества жизни населения.

Исследование выполнено в рамках комплексного подхода, в основу положен принцип системности. Использовались

² См.: Котлер Ф. Маркетинг мест. СПб.: Стокгольм. шк. экономики, 2005. 657 с.

³ См.: Сачук Т.В. Территориальный маркетинг. СПб.: Питер, 2009. 368 с.

⁴ См.: Дубейковский В.А. Стратегии брендинга города // Современный город: социальность, культуры, жизнь людей: материалы науч.-практ. конф. Гуманит. ун-та, 14—15 апр. 2014 г.: в 2 т. Екатеринбург: Гуманит. ун-т, 2014. Т. 1. С. 366—370.

⁵ См.: Шафранская И.Н. Стратегии брендинга в территориальном маркетинге // Город меняющийся: траектории развития и культурные пространства: сб. ст. Пермь: Перм. филиал НИУ ВШЭ, 2011. С. 6—24.

такие методы, как анализ, синтез, обобщение и интеграция данных. Результатирующим стал метод концептуального моделирования, позволивший разработать стратегическую модель брендинга г. Саранска.

Результаты исследования. На наш взгляд, можно выделить три брендинговые стратегии г. Саранска, которые отчетливо прослеживаются в его позиционировании. Условно обозначим их как Саранск столичный, Саранск спортивный, Саранск — образцовая провинция.

Саранск столичный. Одной из значимых характеристик города является дихотомия «столичность — провинциальность», где столичность выступает знаком статусных различий между городами. Россия — страна провинций, большинство российских городов имеют статус провинциальных, однако каждый город отличается от других по ряду показателей: совокупностью исторически сложившихся ресурсов, культурным и инвестиционным потенциалом, экономическим развитием и т. п.

Применительно к брендингу территории столичность может рассматриваться как технология, направленная на формирование привлекательного образа города. Столичность является важным компонентом городской идентичности, при этом, как отмечает Н. С. Дягилева, «городская идентичность жителей провинциального города реже носит позитивный характер, нежели городская идентичность жителей мегаполиса»⁶. К тому же «культурная специфика столичных и провинциальных городов задана различной степенью доступности культурных продуктов и культурных учреждений, а также уровнем интереса к различным культурным событиям, который в столичных городах выше, чем в провинциальных»⁷. Эти факторы делают столичность привлекательным конструктом с точки зрения брендинга территории.

Рассуждая о Саранске, можно выделить такое его качество, как амбивалентность: с одной стороны, Саранск аккумулирует универсальный набор качеств «провинциального

⁶ Дягилева Н.С. «Столичность» vs «провинциальность»: влияние на городскую идентичность // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. очно-заоч. конф. / отв. ред. А.М. Бритвин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 64.

⁷ Там же. С. 65.

города», к нему в полной мере применимы характеристики «типичный», «периферийный». С другой стороны, Саранск является столицей Республики Мордовия, обладает некой статусностью, пусть и регионального значения. Столичность Саранска по отношению к другим городам и районам республики постоянно подчеркивается в региональных средствах массовой информации и является одним из параметров позиционирования города в медиапространстве.

Однако сама стратегия столичности применительно к российским провинциальным городам, по мнению исследователей, не вполне успешна. Как отмечает М. Ю. Тимофеев, «неофициальные справочные ресурсы Интернета предлагают обширный перечень мест, считающихся столичными» [7, с. 32]. Действительно, несколько лет назад в сфере территориального брендинга наблюдался синдром так называемых «третьих столиц», одновременно на звание «третьей столицы» претендовали Екатеринбург, Ростов-на-Дону, Казань, Нижний Новгород, Новосибирск [8, с. 18].

Согласимся с М. Ю. Тимофеевым, что «ориентация на доминирование в географическом пространстве неизбежно отодвигает на второй план качественные характеристики места» [7, с. 32], нивелирует уникальные черты. В частности, непонятно, что может отличать Саранск от других региональных центров. Бренд города должен давать ясное сообщение об уникальности города, притягивать российских и международных инвесторов и в результате приводить к улучшению качества жизни населения. На наш взгляд, концепция столичности применима к наиболее крупным городам России. Саранск по своим смыслам, ритмам, эмоциям, ассоциациям является олицетворением провинции, поэтому эта стратегия во многом чужда городу и его жителям.

Саранск спортивный. Спортивный брендинг — относительно новая сфера в российской практике территориального маркетинга, обретающая чрезвычайную популярность в связи с проведением Чемпионата мира по футболу в 2018 г. Спорт входит как в сферу интересов административных, политических структур, так и в сферу интересов простых горожан. Саранск стремится позиционировать себя как город спорта, в этом направлении ведется планомерная работа в рамках стратегии социально-экономического развития города.

Технология организации спортивных событий, активно применяемая руководством Республики Мордовия, обуславливает ряд положительных и долгосрочных выгод для развития бренда территории. Именно событийные мероприятия являются эффективным инструментом по созданию и управлению эмоциональным восприятием территории, служат механизмом привлечения целевой аудитории в регион. В последнее время Саранск не раз становился площадкой для ряда крупных спортивных мероприятий⁸. Проведение масштабных спортивных мероприятий способствует развитию инфраструктуры, культурной и социальной сфер города. В целом в республике функционируют более 2 тыс. спортивных сооружений, построено более 110 спортивных объектов⁹.

Однако в последнее время исследователи все больше задаются вопросом «Можно ли построить бренд на основе спорта?». В мировом масштабе известны как удачные, так и неудачные примеры такого рода. Одним из наиболее известных примеров успешного ребрендинга, основанного на удачном использовании спортивных соревнований мирового уровня, является Барселона, принявшая Олимпийские игры 1992 г. Грамотно проведенный ребрендинг города послужил катализатором его развития. Барселона стала модным городом, привлекающим инвестиции и туристов. Ключевой аспект успеха — использование частно-государственного партнерства, позволившего на данный момент стать Барселоне третьим по притягательности городом Европы¹⁰. Неудачными примерами использования крупных спортивных соревнований для продвижения бренда города являются Афины и Сидней, которым не удалось улучшить качество жизни населения за счет проведения Олимпийских игр и увеличить приток туристов, в частности в связи с невос-

⁸ См., напр.: В Саранске состоялся XXV Кубок Мира по спортивной ходьбе. URL: <http://pfo.gov.ru/press/events/54307/> (дата обращения: 14.11.2016); Международный спортивный форум «Россия — спортивная держава 2011». URL: http://saransk.ruc.su/about/today/achievements/mezhdunar_sportforum2011.php (дата обращения: 14.11.2016).

⁹ См.: Из истории мордовского спорта. URL: <http://www.mordovia-sport.ru/history> (дата обращения: 17.11.2016).

¹⁰ См.: The world cities with the most powerful brands. URL: <http://www.theguardian.com/cities/datablog/2014/may/06/world-cities-most-powerful-brands-get-the-data> (дата обращения: 17.11.2016).

требованностью и неокупаемостью построенных спортивных сооружений.

Поэтому проектирование городского бренда в контексте проведения масштабного спортивного мероприятия влечет для Саранска как перспективы, так и риски. В качестве возможных перспектив отметим: повышение уровня известности территории; раскрытие инвестиционного и туристического потенциала; создание и модернизацию инфраструктуры, причем не только спортивной, но и жилой; формирование чувства гордости за свою территорию.

Среди проблем выделим: риск «одноразового эффекта», в частности существенной отдачи от спортивных объектов после проведения крупных соревнований; недостаток историко-культурного и природного потенциала, который способствовал бы развитию туризма; слабое развитие экономики региона; отсутствие туристической и деловой привлекательности региона (например, по данным журнала «Форбс» за 2013 г., Саранск не входил в рейтинг лучших российских городов для ведения бизнеса)¹¹.

Указанные причины являются исторически сложившимися, одна из главных задач создания успешного бренда г. Саранска — осознание существования этих причин и, возможно, неиспользование их в брендировании. Большие вложения в развитие стратегии, приведшие, без сомнения, к значительному повышению известности города в российском и мировом масштабе, незначительно повлияли на качество жизни населения.

Таким образом, основной проблемой этой стратегии является высокая капиталоемкость события и низкая востребованность спортивных объектов после его проведения. Как свидетельствуют данные социологического исследования о доступности спортивных услуг г. Саранска, «наполняемость спортивных объектов, их доступность для всех желающих имеет высокую степень актуальности»¹².

¹¹ См.: 30 лучших городов для бизнеса — 2013. Forbes. URL: <http://www.forbes.ru/rating/30-luchshih-gorodov-dlya-biznesa-2013/2013> (дата обращения: 27.11.2016).

¹² См.: Долгаева Е.И. Капаева Л.П., Конова Д.В., Лимкина Н.А. Доступность услуг спортивных комплексов г. Саранска (по данным социологического исследования 2012 г.) // Социально-экономическое развитие Республики Мордовия в 2009—2013 гг.: сб. науч. тр. / Науч. центр соц.-экон. мониторинга. Саранск: 2014. С. 175.

Стратегия «Саранск спортивный» относится к внешним стратегиям, нацеленным на восприятие города извне, и не всегда может поддерживаться жителями. Очевидно, что при воплощении рассматриваемой проектной стратегии необходима планомерная работа по вовлечению жителей г. Саранска в такую сферу, которая должна быть направлена на решение нескольких проблем: формирование нормативной спортивной культуры, понимание необходимости ведения здорового образа жизни и интерес к подобному времяпрепровождению, знакомство населения с существующими спортивными направлениями (профессиональными и «дворовыми»), поддержание интереса к городским спортивным мероприятиям¹³.

Таким образом, спортивный брендинг города — это не только «информационный повод», сформированный через масштабные мероприятия, но и системная работа с горожанами. Идея спортивного бренда города должна разделяться самими жителями.

Саранск — образцовая провинция. Для построения городского бренда принципиально важно, чтобы его жители гордились своим городом, заботились о его благополучии, обеспечивая его имидж изнутри, посредством внутренних ресурсов. С 2004 г. Саранск регулярно был призером Всероссийского конкурса «Самый благоустроенный город России», а в 2012 г., заняв первое место в одноименном конкурсе, Саранск получил звание «Самое благоустроенное городское поселение России». В списке городов, принимающих Чемпионат мира по футболу в 2018 г., Саранск предстает как «образцовая провинция», акцент при позиционировании делается на комфортность и благоустройство городской среды, так как, по мнению организаторов, именно эти характеристики составляют основу бренда города¹⁴.

Стратегия нацелена на повышение качества жизни. На территории города должно быть удобно жить и работать, поэтому необходимо развивать его инфраструктуру. Как отмечает Д. В. Визгалов, «хорошая инфраструктура может

¹³ См.: Гришанин Н.В., Луценко Ю.В. Роль системной работы с горожанами в рамках спортивного брендинга территории // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6. С. 419.

¹⁴ См.: Алексей Меркушкин: «Саранск предстанет перед гостями и участниками ЧМ-2018 как «образцовая провинция». URL: <http://www.mordovmedia.ru/news/fifa2018/item/41046/> (дата обращения: 21.11.2016).

служить не только фоном для становления бренда города. Она вполне в состоянии стать активной составляющей бренда» [1, с. 81]. Кроме того, инфраструктура — это некая платформа для построения бренда, поэтому создание современной городской инфраструктуры — наиболее оптимальный тип стратегии для городов, не обладающих уникальными преимуществами (отсутствие уникальных географических особенностей — рек, озер, морей и т. п.; отсутствие уникальных исторических памятников и т. п.). На наш взгляд, стратегия «Саранск — образцовая провинция» в последнее время становится одной из имиджевых составляющих города и находит отклик у его жителей и гостей.

Развитие инфраструктуры предполагает планомерную работу по строительству транспортных, инженерных коммуникаций и других объектов, которые в совокупности создают впечатление о территории. В городе ведется активное строительство, за последние десять лет в его центральной части появились новые градообразующие объекты: храмы, театры, площади, рекреационные зоны, деловые и учебные центры, которые изменяют облик города и нацелены на то, чтобы повысить качество жизни его жителей. С помощью архитектурных средств город может стать привлекательным и вполне конкурентоспособным. Однако отметим, что при проектировании брендинговой стратегии следует учитывать мнение горожан, так как степень вовлеченности жителей в бренд определяет успешность и эффективность городского бренда.

Тем не менее, казалось бы, наиболее оптимальный выбор указанной стратегии, имеющей непосредственную связь с качеством жизни и отражающей конкретный и важный показатель его развития, имеет большую проблему, связанную с тем, что благоустроенность города не является единственным и наиболее значимым показателем его привлекательности, поэтому продвижение данного бренда «как есть» несущественно улучшает качество жизни населения. Для примера рассмотрим рейтинг городов за 2015 г., составленный Институтом территориального планирования «Урбаника» и включающий 14 различных показателей городского развития¹⁵. Несмотря на то что по уровню благоустройства

¹⁵ См.: Интегральный рейтинг крупнейших городов России (топ-100) по данным 2014 г. URL: <http://urbanica.spb.ru/?p=4122> (дата обращения: 26.11.2016).

г. Саранск занимает самое высокое место, в общем рейтинге он всего лишь 77-й из 100, что обусловлено очень низкими показателями покупательной способности населения (76-е место), возможностью приобретения собственного жилья (96-е место), высоким уровнем расходов на оплату ЖКХ (75-е место). Аналогичные результаты получаются и с использованием других известных рейтингов. Например, Саранск занимает 139-е место из 165 в рейтинге привлекательности российских городов, составленном исходя из анализа 13 ключевых показателей, характеризующих в основном качество жизни¹⁶.

Обсуждение и заключения. Существующие попытки создания бренда г. Саранска, являясь по ряду показателей успешными, пока не приводят к существенному улучшению качества жизни населения, поэтому вопрос о выборе эффективной брендинговой стратегии остается актуальным. Многочисленные мировые примеры показывают, что качественно проведенный брендинг города может существенно улучшить его привлекательность и улучшить качество жизни населения, что, безусловно, и является основной задачей разработки бренда города.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Визгалов Д.В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с. URL: http://www.urbanomics.ru/sites/default/files/3467_import.pdf (дата обращения: 25.10.2016).
2. Воронина Н.И. Лики провинциальной культуры. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2004. 232 с. URL: <http://znanium.com/bookread2.php?book=421615> (дата обращения: 27.10.2016).
3. Голубков Е.П. Маркетинг как концепция рыночного управления // Маркетинг в России и за рубежом. 2000. № 2. С. 93—98. URL: <http://www.mavriz.ru/articles/2000/2/72.html> (дата обращения: 30.10.2016).
4. Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. СПб.: Питер, 2006. 416 с. URL: http://pankruhin.ru/wordpress/wp-content/uploads/2015/01/Izd-2-pankruhin_a_p_marketing_territorii.pdf (дата обращения: 30.10.2016).
5. Baker B. Destination Branding for Small Cities (2nd edition). Portland, Oregon: Creative Leap Books, 2012. 208 p.

¹⁶ См.: Генеральный рейтинг привлекательности городской среды проживания (обитания) по итогам деятельности городов за 2012 г. URL: www.российский-союз-инженеров.рф/рейтинг-российских-городов (дата обращения: 28.11.2016).

6. Dinnie K. City Branding. Theory and Cases. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011. 239 p. DOI: 10.1057/9780230294790

7. Тимофеев М.Ю. Города и регионы как (пост)индустриальные бренды // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 5. С. 29—41. URL: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/timofeev02.pdf> (дата обращения: 30.10.2016).

8. Назукина М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Регионоведение. 2011. № 4. С. 13—19. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/809> (дата обращения: 08.11.2016).

Заявленный вклад авторов:

ПРОНИНА Ирина Николаевна — написание основного текста статьи и его доработка.

СИРОТИНА Ирина Львовна — постановка научной проблемы статьи, определение теоретико-методологических основ исследования.

ШОРОХОВА Мария Анатольевна — поиск аналитических материалов в отечественных и зарубежных источниках по проблеме качества жизни.

Для цитирования: Пронина И.Н., Сиротина И.Л., Шорохова М.А. Брендинговые стратегии г. Саранска в контексте категории «качество жизни» // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 407—420.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

I. N. PRONINA, I. L. SIROTINA, M. A. SHOROKHOVA. BRANDING STRATEGIES OF THE CITY OF SARANSK IN THE CONTEXT OF THE CATEGORY OF “QUALITY OF LIFE”

Keywords: brand; brand of a city; branding strategy; quality of life; territorial branding

Introduction: currently, the issue of development of a city brand strategy in any region of the Russian Federation is highly relevant, as its successful implementation can provide a considerable impetus for development of the city, of its infrastructure, human potential, industry, culture and tourism. Choosing an effective branding strategy is a complex task requiring an integrated approach.

Materials and Methods: the materials used were scientific publications of the leading Russian and foreign experts in the field of territorial branding, as well as statistical and rating data from open sources. The study was performed in the framework of an integrated approach based on the principle of systematicity; the methods used were: analysis, synthesis, data generalization and integration, conceptual modeling.

Results: the authors identified the reasons that make creation of the brand of the city of Saransk, the capital of the Republic of Mordovia, a complex scientific and practical issue requiring immediate solution. The

performed analysis revealed that there are three brand development strategies of the city of Saransk: Saransk as a capital, Saransk as a sports city and Saransk as a model province. It was exposed that implementation of these brand development strategies, despite the obvious progress, cannot give considerable results because it does not significantly improve the quality of life of the population.

Discussion and Conclusions: the existing brand development strategies of the city of Saransk are largely intrinsic to other medium-sized cities as well. Having a number of advantages, these branding strategies, however, do not lead to a substantial increase in the important indicator of brand development, that of improvement of the quality of life of the population. In this regard, the issue of choosing an effective branding strategy of a city development remains relevant and requires an integrated approach to be settled.

REFERENCES

1. Vizgalov D.V. [City branding]. Moscow: Institute for Urban Economy foundation; 2011. 160 p. Available at: http://www.urbanecomics.ru/sites/default/files/3467_import.pdf (accessed 25.10.2016). (In Russ.)

2. Voronina N.I. [Faces of the provincial culture]. Saransk: Krasny Oktyabr printing house; 2004. 232 p. Available at: <http://znanium.com/bookread2.php?book=421615> (accessed 27.10.2016). (In Russ.)

3. Golubkov E.P. [Marketing as a concept of market management]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* = Journal of Marketing in Russia and Abroad. 2000; 2:93—98. Available at: <http://www.mavriz.ru/articles/2000/2/72.html> (accessed 30.10.2016). (In Russ.)

4. Pankrukhin A.P. [Marketing of territories]. St. Petersburg: Piter; 2006. 416 p. Available at: http://pankrukhin.ru/wp-content/uploads/2015/01/Izd-2-pankruhin_a_p_marketing_territorii.pdf (accessed 30.10.2016). (In Russ.)

5. Baker B. Destination Branding for Small Cities (2nd edition). Portland, Oregon: Creative Leap Books; 2012. 208 p.

6. Dinnie K. City Branding. Theory and Cases. New York: Palgrave Macmillan; 2011. 239 p. DOI: 10.1057/9780230294790

7. Timofeev M.Yu. [Cities and regions as (post)industrial brands]. *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniy* = Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences. 2013; 5:29—41. Available at: <http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2013/12/timofeev02.pdf> (accessed 30.10.2016). (In Russ.)

8. Nazukina M.V. [Structural Levels of Regional Identity in Modern Russia]. *Regionologiya* = Regionology. 2011; 4:13—19. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/809> (accessed 08.11.2016). (In Russ.)

Contribution of the authors:

Irina N. Pronina — writing and revision of the article.

Irina L. Sirotnina — statement of the scientific problem of the article, determination of the theoretical and methodological foundations of the research.

Maria A. Shorokhova — search for analytical materials in Russian and foreign sources about problem of the quality of life.

About the authors:

Irina N. Pronina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Design and Advertising, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail*: proninain@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2708-2494>

Irina L. Sirotina, Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Design and Advertising, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail*: sirotinail@mail.ru). ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4498-5529>

Maria A. Shorokhova, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Design and Advertising, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail*: shorokhovama@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7015-3569>

For citation: Pronina I.N., Sirotina I.L., Shorokhova M.A. Branding Strategies of the City of Saransk in the Context of the Category of “Quality of Life”. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2017; 3(25):407—420.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 15.02.2017.

Социология региона / Sociology of a region

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 351:364(470.41)

А. Н. ЕРШОВ,
И. В. ЛОГИНОВА,
А. А. САЛАТОВА,
С. Е. ШАШУРОВ,
А. Р. ЗИЯЗИТДИНОВА

**ВНЕДРЕНИЕ КАРТЫ ЖИТЕЛЯ
РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ
ЭФФЕКТИВНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ**

Ключевые слова: регион; государственное управление; информационное общество; четвертая промышленная революция; универсальная электронная карта

Введение: в настоящее время мир вступает в очередную фазу развития — четвертую промышленную революцию. Переход к новому общественному укладу предъявляет новые требования к системе государственного управления, к принципам построения государственно-частного партнерства. Одним из таких этапов перехода к построению государственного и частного партнерства является внедрение пилотного проекта — универсальной электронной карты. Необходимо решение научной проблемы, в основе которой лежит противоречие между переходом к новому общественному укладу и

ЕРШОВ Андрей Николаевич, профессор кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор социологических наук (420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18) (*e-mail*: rcio@bancorp.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6273-3918>

ЛОГИНОВА Ирина Вадимовна, магистрант кафедры социологии Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18) (*e-mail*: i.v.loginova@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1845-9576>

САЛАТОВА Александра Александровна, ассистент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18) (*e-mail*: aleksandra_salatova@bk.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4803-5416>

ШАШУРОВ Сергей Евгеньевич, заместитель управляющего отделением Пенсионного фонда Российской Федерации по Республике Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. Пушкина, 8) (*e-mail*: sshashurov@013.pfr.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8806-3887>

ЗИЯЗИТДИНОВА Алина Робертовна, магистрант кафедры социологии Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18) (*e-mail*: malinochk@bk.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0531-3255>

© Ершов А. Н., Логинова И. В., Салатова А. А.,
Шашуров С. Е., Зиязитдинова А. Р., 2017

недостаточной разработанностью внедрения и эксплуатации универсальной электронной карты в современном российском городе. Эта проблема содержит две стороны: гносеологическую и предметную. Поэтому исследование имеет теоретико-методологическую и практическую значимость.

Материалы и методы: материалами для написания статьи послужили исследовательские работы, данные собственного пилотного исследования, посвященного отношению к проекту по внедрению и использованию карты жителя Республики Татарстан жителей г. Зеленодольска, а также государственных служащих, ответственных за его реализацию. Комплексный анализ предмета исследования базировался на применении таких методов научного познания, как вторичный анализ данных, анализ документов, невключенное наблюдение, брифинг, интервью государственных служащих, дискурс-анализ сообщений и комментариев в социальных сетях в рамках контекстуального подхода Т. А. Ван Дейка.

Результаты исследования: исследование показало рассогласованность целей, стратегий и практик реализации проектов карты жителя Республики Татарстан на всех уровнях системы: федеральном, региональном, муниципальном. Наблюдается непонимание на уровне «заказчик (федеральная власть) — исполнитель (конкретные органы государственного и муниципального управления) — потребитель».

Обсуждение и заключения: не только государственные учреждения, но и частные лица должны вносить свой вклад в трансформацию системы государственного управления и становление новых социальных отношений. Основное значение здесь имеет понимание гражданами долгосрочных преимуществ. Следовательно, без эффективной образовательной и просветительской работы нельзя добиться ощутимых результатов. Любые государственные инициативы и проекты должны быть поддерживаемыми снизу, а не навязываемыми в административном порядке сверху.

Введение. В настоящее время мир вступает в новую фазу развития — четвертую промышленную революцию. Как отмечает К. Шваб, «Интернет, миниатюрные производственные устройства, искусственный интеллект и обучающиеся машины» порождают цифровую революцию в различных сферах общественной жизни¹. Переход к новому общественному укладу предъявляет новые требования к системе государственного управления, к принципам построения государственно-частного партнерства. Функциональные процессы системы государственного управления в эпоху традиционного и информационного обществ различны, так как обусловлены различными социальными потребностями к управлению. Причина различий, на наш взгляд, состоит

¹ См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М.: Изд-во «Э», 2017. С. 16.

в изменениях, происходящих с развитием информатизации в самой системе социальных отношений. Новый виток в развитии информационных технологий диктует свои ценности: быстроту, доступность, мобильность, возможность дистанционного обращения, простоту интерфейса.

Обзор литературы. В новой «маркетизированной» парадигме, которую представляют, например, Д. Осборн и Т. Геблер [1], а в отечественных исследованиях — Л. П. Абрамова, Т. М. Варбенкова [2], И. В. Мельникова [3], управляемость стала пониматься не как осуществление тотального контроля, а как средство направления для саморазвития организации, сам процесс управления теперь рассматривается как более гибкий подход к оказанию посильной помощи в принятии решений [4, с. 117]. О подобных изменениях в бюрократической организации в эпоху информационного общества (диалогичность взаимодействия власти и общества, перераспределение власти на основе доступа к знаниям, выравнивание иерархии для ускорения процесса принятия решений и др.) говорит, в частности, А. Тоффлер². Этот подход достаточно актуален в свете новых задач, поставленных перед российской системой государственного управления [5, с. 44]. При этом ученые все чаще говорят о необходимости рассматривать самих государственных служащих и население как равноценных акторов, субъектов управления [3, с. 23]. Во многом это вызвано распространением в теории управления идей о «постбюрократической организации», основанной на горизонтальных взаимодействиях и «менеджеризации» государственной службы [2, с. 49].

С конца 1980-х — начала 1990-х гг. в развитых странах переосмысливаются подходы к государственному управлению. Популярность получают новые концептуальные подходы, главное в которых — «новый государственный менеджмент», а не традиционные бюрократические аспекты управления. Как считает П. Селф, «наиболее явная трансформация, предложенная концепцией нового государственного менеджмента, состоит в продвижении управленческой культуры для государственного сектора, которая, как и в случае с частным сектором, ориентирована на результат. В подобной культуре эффективность управления вытесняется потребно-

² См.: Тоффлер А. Шок будущего / пер. с англ.: Е. Руднева и др. М.: АСТ, 2008. С. 146—148.

стью в результативности предоставления государственных услуг» [Цит. по: 6, с. 194].

Как отмечает Д. В. Тютин [7], эта концепция будет эффективно внедряться только в условиях отсутствия конфликта интересов между властью и общественностью: реализация принципа менеджериализма ставит во главу угла достижение экономической эффективности (экономический подход к публичному управлению), а клиентская составляющая нацеливает бюрократическую организацию на достижение интересов индивида, клиента (концепция менеджмента публичных ценностей) [8, с. 135]. Возможно, одним из инструментов решения такого противоречия выступает краудсорсинг (развитие обратной связи с населением как клиентом получения государственных услуг), эффект и перспективы внедрения которого в последнее время часто обсуждаются в публичном дискурсе [9, с. 99].

При этом стоит отметить, что инфокоммуникационные технологии (ИКТ) рассматриваются в рамках концепции нового государственного менеджмента как наиболее действенный инструмент регулирования системы государственного управления [10].

Материалы и методы. В качестве материалов для статьи послужили научные работы, а также данные собственного пилотного исследования, касающегося отношения к внедрению и использованию карты жителя Республики Татарстан (КЖРТ) жителей г. Зеленодольска, а также ответственных за реализацию этого проекта государственных служащих.

Комплексный анализ предмета исследования обеспечивался за счет применения вторичного анализа данных опросов Фонда «Общественное мнение», анализа документов, не включенного наблюдения и блицопроса, интервью государственных служащих, дискурс-анализа сообщений и комментариев в социальных сетях в рамках контекстуального подхода Т. А. Ван Дейка [11].

Результаты исследования. Говоря о российском опыте реализации государственного управления с помощью ИКТ, стоит отметить, что 12 августа 2010 г. было подписано Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об определении организации по предоставлению государственных и муниципальных услуг с использованием уни-

версальной электронной карты» № 1344-р³. В рамках него предполагается снизить затраты и время на предоставление государственных и муниципальных услуг и повысить эффективность работы государственного аппарата. Эта же идея есть в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., где одним из приоритетов развития информационных технологий выступают «формирование современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечение высокого уровня ее доступности, предоставление на ее основе качественных услуг»⁴. Конкретнее эта задача рассматривается в государственной программе Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)», где уже ставится цель повышения оперативности оказания государственных услуг⁵.

Одним из вариантов достижения поставленной задачи стало развертывание с 2013 г. проекта «Универсальная электронная карта гражданина» (УЭК) — своеобразного прототипа КЖРТ. УЭК представляла собой материальный носитель, содержащий зафиксированную на нем в визуальной и электронной форме информацию о ее держателе и обеспечивающий доступ к информации о держателе карты, используемой для удостоверения прав держателя карты на получение государственных и муниципальных услуг и для осуществления в предусмотренных законодательством Российской Федерации случаях иных юридически значимых действий в электронной форме⁶.

³ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об определении организации по предоставлению государственных и муниципальных услуг с использованием универсальной электронной карты» от 12 авг. 2010 г. № 1344-р // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.03.2017).

⁴ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» от 17 нояб. 2008 г. № 1662-р // Там же.

⁵ См.: Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011—2020 годы)» от 15 апр. 2014 г. № 313 // Там же.

⁶ См.: Координация мероприятий, связанных с внедрением универсальной электронной карты гражданина. URL: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/infOrientedSoc/electric_card (дата обращения: 14.03.2017).

Эффективность реализации проекта УЭК достаточно спорная. По данным опроса Фонда «Общественное мнение»⁷, кроме положительных черт внедрения карты в обыденные практики россиян (например, 30 % считают, что не нужно носить много документов; 3 % надеются, что будет меньше проводов с оформлением документов, упростится работа различных служб и т. п.), респонденты выделяют следующие проблемы и опасения: карту легко потерять (18 %); возможны взлом карты, хищение денег, махинации (14 %); будет возможен доступ посторонних к личной информации (7 %); это приведет к чрезмерному контролю государства над людьми (4 %) и др.

В 2013 г. инициативный всероссийский опрос аналитического центра НАФИ показал, что, несмотря на широкое информационное освещение этого проекта (около 70 % опрошенных знают о запуске программы УЭК), опасения россиян не были развеяны. Более того, только 14 % населения понимают особенности нововведения и механизмы использования карты. Однако 55 % респондентов признались, что информированы об этой инициативе пока только в общих чертах⁸. Мнения населения относительно функциональности УЭК разделились. Около половины россиян (47 %) готовы были получить УЭК и использовать ее в качестве замены или аналога обычных документов. Почти столько же респондентов (43 %) предпочли бы пользоваться, как и прежде, документами по отдельности⁹. Возможно, именно просчеты в работе с населением послужили одной из причин низкой востребованности данной программы у него и привели к свертыванию программы с 1 января 2017 г.¹⁰

В Республике Татарстан появилась КЖРТ, выдача которой началась в октябре 2016 г. Разграничение функционала по двум картам показано в составленной нами таблице.

⁷ См.: Универсальный документ. Что хорошего и что плохого в УЭК? URL: <http://fom.ru/Budushchee/10636> (дата обращения: 03.04.2017).

⁸ См.: Нужна ли россиянам карта УЭК? URL: <https://nafi.ru/analytics/nuzhna-li-rossiyanam-karta-uek/> (дата обращения: 03.04.2017).

⁹ См.: Аналитика: 53 % россиян одобряют появление новой универсальной электронной карты. URL: <http://www.uecard.ru/ratings-analytics/review/> (дата обращения: 02.04.2017).

¹⁰ См.: С 1 января в России отменили универсальные электронные карты. URL: http://mfc.admsakhalin.ru/news/?ELEMENT_ID=1445 (дата обращения: 03.04.2017).

Таблица
Сравнительная характеристика функционалов УЭК и КЖРТ*

Сфера оказания услуг	КЖРТ	УЭК
Банковская сфера	<ol style="list-style-type: none"> 1. Получение заработной платы, социальных выплат. 2. Оплата покупок, в том числе по бесконтактной технологии (PayPass). 3. Платежи через банкоматы, информационные киоски. 4. Дистанционное банковское обслуживание «АК БАРС Online», «Сбербанк Online» и мобильный банк. 5. Денежные переводы 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Получение заработной платы, социальных выплат. 2. Перечисление всех видов зачислений. 3. Приобретение товаров и оплата услуг. 4. Функции расчетного банка
Здравоохранение	<ol style="list-style-type: none"> 1. Идентификатор быстрой записи пациента на прием к врачу (считывание терминалами номера полиса ОМС с банковской карты). 2. Быстрый поиск пациента в АРМ «Регистратура», АРМ врача на основе данных КЖРТ. 3. Использование карты клиента в качестве идентификатора врачами скорой медицинской помощи для получения доступа к электронной медицинской карте больного. 4. Использование электронной подписи врачами при формировании электронной карты пациента. 5. Формирование врачами и прием аптеками электронных рецептов на лекарства, получение информации о рецептах (сроках и количествах приема лекарств), бесплатное детское молочное питание в электронном виде 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Запись на прием к врачу. 2. Услуги электронной регистратуры. 3. Электронная история болезни, электронные рецепты, оплата лекарств и услуг. 4. Оформление заявки на получение высокотехнологичной помощи и направлений на госпитализацию. 5. Получение первичной медицинской помощи. 6. Учет при льготном и дополнительном лекарственном обеспечении в аптеках
Торговля, сервис	<ol style="list-style-type: none"> 1. Оплата покупок. 2. Использование бонусов по программе лояльности, получение скидок 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Оплата покупок. 2. Получение информации о предоставляемых коммунальных услугах, в том числе об объемах начислений по ним, с возможностью их оплаты. 3. Получение информации о состоянии жилого фонда

Продолжение таблицы. Начало на стр. 427

Сфера оказания услуг	КЖРТ	УЭК
Социальная сфера	<p>1. Получение информации о текущих начислениях компенсации части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в детском саду, о текущих начислениях субсидий — льгот на оплату жилищно-коммунальных услуг.</p> <p>2. Проверка статусов поданных заявлений.</p> <p>3. Подача заявлений на ежемесячную денежную выплату на проезд пенсионерам, на дополнительную компенсацию части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования, на ежемесячное пособие на ребенка, на компенсацию части родительской платы за присмотр и уход за ребенком в образовательных организациях, реализующих образовательную программу дошкольного образования, на субсидию на проезд детей из семей, имеющих трех и более детей в возрасте до 18 лет, включая приемных, на субсидию на приобретение лекарственных средств для ребенка в возрасте до 6 лет из семей, имеющих трех и более детей в возрасте до 18 лет, на субсидии — льготы на оплату жилого помещения и коммунальных услуг инвалидам, на субсидию — льготу на оплату жилого помещения и коммунальных услуг семьям, имеющим трех и более детей в возрасте до 18 лет, включая приемных</p>	<p>1. Получение информации о действующих программах социальной помощи, оформление и получение пособия по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, по уходу за ребенком.</p> <p>2. Прием заявлений о назначении или перерасчете пенсии, перечисление пенсии на карту.</p> <p>3. Получение информации о льготах и подача заявлений на их получение, подтверждение и реализация прав на льготы, подача заявлений на социальное обслуживание и другие услуги.</p> <p>4. Информация о состоянии индивидуального лицевого счета в системе обязательно пенсионного страхования, заявление о переходе в негосударственный пенсионный фонд.</p> <p>5. Удаленное оформление договоров страхования.</p> <p>6. Подача заявления о назначении пособия по безработице, оказании материальной помощи и содействия в трудоустройстве.</p> <p>7. Постановка и снятие с учета в налоговом органе, подача налоговых деклараций, получение сведений из единого государственного реестра налогоплательщиков, информации о государственных штрафах и их оплата.</p> <p>8. Дистанционное получение информации о результатах ЕГЭ, вступительных испытаний и зачисления в вузы, об учебных планах и успеваемости, о зачислении ребенка в детский сад и др.</p>

Продолжение таблицы на стр. 429

Окончание таблицы. Начало на стр. 427

Сфера оказания услуг	КЖРТ	УЭК
Транспорт	<p>1. При оплате проезда по общегражданскому и льготному проездному на общественном транспорте и (или) возможность подключения услуги «Удобный проездной» и PayPass</p>	<p>1. Приложение для разового или абонементного проездного билета, в том числе для льготных категорий граждан.</p> <p>2. Покупка билетов на поезд и самолет, другие транспортные услуги</p>

* Для составления таблицы использовались материалы интернет-ресурсов <http://tfolio.ru/item/Tlun> и <http://card.tatarstan.ru/uslugi-po-karte.htm>.

КЖРТ — это простая пластиковая карта с чипом, «на которой будут содержаться платежные, социальные, транспортные приложения и графическая информация о владельце: фотография и Ф. И. О., номер транспортного приложения, номер СНИЛС. Также карта будет содержать квалифицированную электронную подпись ее владельца»¹¹. На карте не отмечены фамилия и имя владельца (они содержатся только на чипе). Обслуживание карты выпустившими ее банками осуществляется бесплатно.

Внедрение карты началось в конце лета в 2016 г. в Зеленодольском муниципальном районе республики. Продуктивным для понимания отношения жителей к таким нововведениям является опрос, проведенный на местном сайте «Зеленодольск.Ru» летом 2016 г., показавший, что более половины принявших в нем участие зеленодольцев не будут пользоваться картой; за — 17 %, 16 % назвали карту «хорошим делом, но ее нужно развивать на базе своей платежной системы», оставшиеся 12 % затруднились с ответом. При этом после непосредственного введения карты жителя региона многие до сих пор не осведомлены о наличии возможности ее получения [4], а также испытывают трудности в получении ряда услуг, в частности в сфере медицины¹².

Пилотным городом для внедрения чипованных пластиковых карт в Республике Татарстан стал Зеленодольск. Республиканский проект получил традиционное для подоб-

¹¹ См.: О карте жителя Республики Татарстан. URL: <http://card.tatarstan.ru/> (дата обращения: 08.04.2017).

¹² См.: Карта жителя РТ: запись к врачу «без полиса», проблема с Apple Pay и лайфхаки от банкиров. URL: <http://www.zelenodolsk.ru/article/21186> (дата обращения: 08.04.2017).

ного рода проектов название «Карта жителя Татарстана» (в других регионах Российской Федерации реализуются аналогичные программы, например карта жителя Краснодарского края¹³). Зеленодольск в качестве пилотного города был выбран неслучайно. Это достаточно крупный (124 319 чел. на 1 января 2017 г.)¹⁴, динамично развивающийся город, центр Зеленодольского муниципального района. Он важный транспортный (железнодорожный и автодорожный) узел региона, расположен в непосредственной близости от столицы Республики Татарстан и входит в состав Казанской агломерации. В общем рейтинге социально-экономического развития районов региона за I полугодие 2016 г. вместе с муниципальным районом занимает 18-е место из 45. На территории г. Зеленодольска расположены крупные и средние промышленные предприятия, которыми за I полугодие 2016 г. отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами на сумму 13,2 млрд руб. Среднемесячная заработная плата работников за январь — июнь 2016 г. составила 25 009,2 руб.¹⁵ Кроме того, в ходе нашего опроса представителей органов государственной и муниципальной власти, занятых в реализации пилотного проекта, было выявлено, что г. Зеленодольск имеет один из самых высоких показателей по количеству электронных платежей по всей республике. Иными словами, старт реализации проекта именно с этого района может быть весьма успешным.

Анализ нормативных документов, регулирующих реализацию пилотного проекта¹⁶, показал, что основная декларируемая органами государственной власти цель реализации проекта по внедрению УЭК — «внедрение инновационных технологий, повышение эффективности функционирования

¹³ См.: Карту жителя Краснодарского края смогут получить 3 млн жителей Кубани. URL: <http://kioskssoft.ru/news/2010/10/07/1891.html> (дата обращения: 08.04.2017).

¹⁴ См.: Показатели, характеризующие состояние экономики и социальной сферы МО «Зеленодольский муниципальный район». URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 10.04.2017).

¹⁵ Там же.

¹⁶ См., напр.: Распоряжение Кабинета министров Республики Татарстан «Об утверждении положения о пилотном проекте «Карта жителя Республики Татарстан» в г. Зеленодольске» от 13 мая 2016 г. № 857-р // Электрон. фонд правовой и норм.-техн. документации (дата обращения: 11.04.2017).

исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления при предоставлении государственных, муниципальных и социально-значимых услуг»¹⁷. Так, по состоянию на апрель 2017 г. в г. Зеленодольске выдано более 18 тыс. КЖРТ (охвачено 23 % населения)¹⁸.

Таким образом, внимание уполномоченных государственных и муниципальных органов республики в настоящее время больше сосредоточено на реализации республиканского проекта, нежели на поддержке федеральной программы по выдаче УЭК.

В декабре 2016 г. — январе 2017 г. наша исследовательская группа провела пилотное исследование отношения жителей г. Зеленодольска и ответственных за реализацию проекта государственных служащих к внедрению и использованию КЖРТ. Были использованы: не включенное наблюдение и опрос, интервью государственных служащих, дискурсивный анализ сообщений и комментариев в социальных сетях в рамках контекстуального подхода Т. А. Ван Дейка [11].

Так, не включенное наблюдение и опрос жителей г. Зеленодольска, использующих карты жителя региона, показали крайне низкую вовлеченность держателей карт. В большинстве случаев наблюдаемые проявляют низкую активность в использовании карт и имеют поверхностное знание о их функционале.

Интервьюирование представителей государственных органов показало их недостаточную осведомленность о целях и задачах реализации проекта. Например, некоторые информанты затруднились ответить на вопрос о необходимости пилотирования КЖРТ именно в г. Зеленодольске.

Представители органов государственной власти по-разному видят перспективы проекта. Примечательны ответы о невозможности свертывания перспективных проектов в Республике Татарстан. На наш взгляд, категоричность заявления может свидетельствовать о том, что регион стал заложником имиджа IT республики. Также есть угроза того, что даже неудачные проекты будут формально существовать

¹⁷ См.: Правила пользования картой жителя Республики Татарстан. URL: <http://card.tatarstan.ru/file/rule.pdf> (дата обращения: 11.04.2017).

¹⁸ См.: Буракова С. Сбербанк выдал зеленодольцам более 18 тыс. карт жителя Татарстана. URL: <http://rt.rbc.ru/tatarstan/freenews/58de23fc9a7947c31c7f80ed> (дата обращения: 11.04.2017).

либо дорабатываться неимоверными усилиями и вопреки мнению населения.

Таким образом, сам пилотный проект находится еще в начальной фазе реализации, активно создается инфраструктура, однако больших успехов пока добились только в выдаче самих карт. При этом система информирования и обучения населения осуществляется в основном через банк, в котором можно получить карту. Учитывая недовольство людей и их непонимание смысла выдачи карт, необходимо, на наш взгляд, уделить большее внимание этому аспекту.

Дискурс-анализ сообщений в социальных сетях не подтверждает оптимистичного настроения высшего руководства республики. Всего было проанализировано 124 комментария в «ВКонтакте» и под публикациями СМИ г. Зеленодольска. В качестве объекта наблюдения использовались статьи, посвященные теме КЖРТ на разных интернет-сайтах.

По результатам дискурс-анализа мы выделили несколько групп жителей г. Зеленодольска, которые по-разному относятся к единым картам. Совсем малая доля комментариев была посвящена положительным отзывам о карте. В основном отмечают: преимущество карты «все в одном», мобильность, интересное нововведение. Намного чаще встречались отрицательные отзывы. Жители сомневаются в полезности карты, не видят необходимости в ее оформлении: *«Зачем нужна эта карта, если есть уже другие электронные карты для безналичного расчета, государственные услуги в режиме онлайн? Там также и без карты можно зарегистрироваться куда-нибудь... Толку нет. Ну и что, что все в одном? А смысл? Общество и так мобильно»*. Большинство комментаторов в этой группе отнеслось с недоверием к карте, так как по ней будет доступна вся информация и государству (передвижения, операции и др.), и мошенникам (кража частной информации, денег и т. д.). Также отмечалось недовольство горожан тем, что проект был запущен без ведома и согласия людей. Многие недоумевали, почему был выбран именно Зеленодольск. Остальная часть комментаторов придерживалась нейтральной позиции. Их не волновало данное нововведение, так как они были осведомлены, что это пилотный проект, и призывали остальных посмотреть, как это будет развиваться и что из этого может получиться. Такие жители города информиро-

вали других, что оформление карты необязательно и что это дело добровольное.

Исследование реализации проектов КЖРТ показало согласованность целей, стратегий и практик реализации этих проектов на всех уровнях: федеральном, региональном, муниципальном. Кроме того, наблюдается недопонимание на уровне «заказчик (федеральная власть) — исполнитель (конкретные органы государственного и муниципального управления) — потребитель».

Обсуждение и заключения. Основная цель информатизации государственных услуг — совершенствование системы государственного управления путем сокращения транзакционных издержек, которые несут граждане и организации при взаимодействии с органами власти и должностными лицами. Для достижения этой цели недостаточно просто внедрить автоматизированные системы и информационно-коммуникационные технологии, что чаще всего бывает, в том числе в отечественной практике. Необходимо полностью реструктурировать саму систему государственного управления, произвести внутри нее социально-организационные изменения, способствующие переходу от модели классического администрирования к интегративной модели государственного управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. N. Y.: A Plume Book, 1992. 432 p.
- Абрамова Л.П., Варбенкова Т.М. Этика государственной службы в условиях общественных трансформаций // Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2010. № 2. С. 43—57. URL: https://sziu.ranepa.ru/images/DokSZIU/Управленческое_консультирование/10_2.pdf (дата обращения: 04.03.2017).
- Мельникова И.В. Административная реформа в контексте отношений общества и власти // Власть. 2011. № 3. С. 22—24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-reforma-v-kontekste-otnosheniy-obschestva-i-vlasti> (дата обращения: 04.03.2017).
- Радаев В.В. Экономические империалисты наступают! Что делать социологам? // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 116—123. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/08/25/1214987009/Radaev.pdf> (дата обращения: 04.03.2017).
- Шедий М.В. Корпоративная культура государственной службы: ретроспектива и перспектива // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. № 4. С. 44—50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya->

kultura-gosudarstvennoy-sluzhby-retrospektiva-i-perspektiva (дата обращения: 04.03.2017).

6. Логинова И.В. Бюрократическая организация в условиях информатизации государственного управления // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 192—196. URL: <http://vestnykeps.ru/0311/47.pdf> (дата обращения: 04.03.2017).

7. Тюгин Д.В. Новое государственное управление: от управления эффективностью и результативностью к менеджменту публичных ценностей // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-gosudarstvennoe-upravlenie-ot-upravleniya-effektivnostyu-i-rezultativnostyu-k-menedzhmentu-publicnyh-tsennostey> (дата обращения: 10.03.2017).

8. Сморгун Л.В. Государство и политика модернизации // Вестник философии и социологии Курского государственного университета. 2010. № 2. С. 132—139. URL: http://www.cp-rapn.ru/system/files/Staate_politics.pdf (дата обращения: 10.03.2017).

9. Насыров И.Р., Савельев И.Л. Технологии краудсорсинга в государственном управлении // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, № 6. С. 94—104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-kraudsorsinga-v-gosudarstvennom-upravlenii> (дата обращения: 10.03.2017).

10. Bellamy C., Taylor J. *Governing in the Information Age*. Buckingham: Open University Press, 1998. 196 p.

11. Van Dijk T.A. *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. N. Y.: Cambridge University Press, 2008. 267 p.

Заявленный вклад авторов:

ЕРШОВ Андрей Николаевич — научное руководство, инициация исследования, критический анализ материалов, подготовка первоначального варианта текста статьи.

ЛОГИНОВА Ирина Вадимовна — обзор отечественных и зарубежных источников, разработка методологии исследования, проведение неформализованного наблюдения.

САЛАТОВА Александра Александровна — анализ и дополнение текста статьи, разработка программы исследования, проведение неформализованного наблюдения.

ШАШУРОВ Сергей Евгеньевич — проведение эмпирического исследования, доработка текста статьи.

ЗИЯЗИТДИНОВА Алина Робертовна — проведение эмпирического исследования, участие в обсуждении материалов статьи.

Для цитирования: Ершов А.Н., Логинова И.В., Салатова А.А., Шашуров С.Е., Зиязитдинова А.Р. Внедрение карты жителя Республики Татарстан как способ организации эффективного государственного управления // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 421—437.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

A. N. ERSHOV, I. V. LOGINOVA, A. A. SALATOVA,
S. E. SHASHUROV, A. R. ZIYAZITDINOVA. INTRODUCTION
OF THE CARD OF A RESIDENT OF THE REPUBLIC
OF TATARSTAN AS A WAY OF ORGANIZING
EFFECTIVE PUBLIC ADMINISTRATION

Keywords: region; public administration; information society; fourth industrial revolution; universal electronic card

Introduction: currently, the world is entering a new phase of development, the fourth industrial revolution. The transition to a new social order sets new requirements for the system of public administration, for the principles of public-private partnerships. One of such stages of the transition to building public and private partnerships is the introduction of a pilot project of a universal electronic card. The scientific problem caused by the contradiction between the transition to a new social order and the insufficient development of the implementation and operation of the universal electronic card in the modern Russian city should be solved. This problem has two aspects: the epistemological and substantive ones, therefore, the study is of theoretical, methodological and practical significance.

Materials and Methods: research papers and data from our own pilot study on the attitude of residents of the city of Zelenodolsk in the Republic of Tatarstan as well as that of civil servants responsible for implementation of the project on introduction and application of the card of a resident of the Republic of Tatarstan were used as the materials for writing this article. A comprehensive analysis of the research subject was based on the use of such scientific methods as: secondary data analysis, document analysis, nonparticipant observation, blitz survey, interviews of public servants, discourse analysis of posts and comments in social networks in the framework of the T. A. Van Dijk's contextual approach.

Results: the study showed a mismatch of objectives, strategies and practices in the implementation of the projects on introduction of the card of a resident of the Republic of Tatarstan at all levels of the system: the federal, regional and municipal ones. Some misunderstanding may be observed at the level of “customer (Federal Government) — performer (specific bodies of state and municipal administration) — consumer”.

Discussion and Conclusions: not only state institutions but also individuals have to contribute to the transformation of the public administration system and the establishment of new social relations, the emphasis being on citizens' understanding of the long-term benefits. Consequently, it is impossible to achieve tangible results without effective educational and instructive work. Any government initiatives and projects should be supported from below and not imposed administratively from the top.

REFERENCES

1. Osborne D., Gaebler T. Reinventing Government. How the Entrepreneurial Spirit is Transforming the Public Sector. New York: A Plume Book; 1992. 432 p.
2. Abramova L.P., Varbenkova T.M. [Etik of public service in the conditions of public transformations]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie. Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija* = Administrative consultation. Urgent problems of the public and municipal administration. 2010; 2:43—57. Available at: https://szui.ranepa.ru/images/DokSZIU/Upravlencheskoe_konsul'tirovanie/10_2.pdf (accessed 04.03.2017). (In Russ.)
3. Melnikova I.V. [Administrative reform in the context of the relations of society and power]. *Vlast' = The Power*. 2011; 3:22—24. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnaya-reforma-v-kontekste-otnosheniy-obschestva-i-vlasti> (accessed 04.03.2017). (In Russ.)
4. Radaev V.V. [Economic Imperialists Attack! What Sociologists Should Do?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Contemporary World*. 2008; 6:116—123. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/08/25/1214987009/Radaev.pdf> (accessed 04.03.2017). (In Russ.)
5. Shediya M.V. [State service corporative culture: difficult stages of coming into being]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk* = Central Russian bulletin of social sciences. 2007; 4: 44—50. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-kultura-gosudarstvennoy-sluzhby-retrospektiva-i-perspektiva> (accessed 04.03.2017). (In Russ.)
6. Loginova I.V. [Bureaucratic Organization in the Context of Informatization of Public Administration]. *Vestnik jekonomiki, prava i sociologii* = The Review of Economy, the Law and Sociology. 2011; 3:192—196. Available at: <http://vestnykeps.ru/0311/47.pdf> (accessed 04.03.2017). (In Russ.)
7. Tyutin D.V. [New public administration: from management of efficiency and effectiveness to management of public values]. *Upravlenie jekonomicheskimi sistemami: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* = Management of economic systems: online scientific magazine. 2014; 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-gosudarstvennoe-upravlenie-ot-upravleniya-effektivnostyu-i-rezultativnostyu-k-menedzhmentu-publichnyh-tsennostey> (accessed 10.03.2017). (In Russ.)
8. Smorgunov L.V. [State and policy of modernization]. *Vestnik filosofii i sociologii Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* = Messenger of philosophy and sociology of the Kursk state university. 2010; 2:132—139. Available at: http://www.cp-rapn.ru/system/files/Staate_politics.pdf (accessed 10.03.2017). (In Russ.)
9. Nasyrov I.R., Savelev I.L. [Crowdsourcing Technologies in Public Administration]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* = Proceedings of Kazan University. Humanities Series. 2012; 6(154):94—104. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-kraudsorsinga-v-gosudarstvennom-upravlenii> (accessed 10.03.2017). (In Russ.)

10. Bellamy C., Taylor J. Governing in the Information Age. Buckingham: Open University Press; 1998. 196 p.
11. Van Dijk T.A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. New York: Cambridge University Press; 2008. 267 p.

Contribution of the authors:

Andrei N. Ershov — academic advising, initiation of the research, critical analysis of the materials, writing the initial version of the article text.

Irina V. Loginova — overview of Russian and foreign sources, development of the research methodology, conducting nonformalized observations.

Aleksandra A. Salatova — analysis of and supplement to the text of the article, development of the research program, conducting nonformalized observations.

Sergei E. Shashurov — conducting empirical research, revision of the text of the article.

Alina R. Ziyazitdinova — conducting empirical research, participation in the discussion of the article materials.

About the authors:

Andrei N. Ershov, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russia) (*e-mail*: rcio@bancorp.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6273-3918>

Irina V. Loginova, Master's Degree Student at the Department of Sociology, Kazan (Volga) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russia) (*e-mail*: i.v.loginova@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1845-9576>

Aleksandra A. Salatova, Assistant Lecturer at the Department of General and Ethnic Sociology, Kazan (Volga) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russia) (*e-mail*: aleksandra_salatova@bk.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4803-5416>

Sergei E. Shashurov, Deputy Branch Manager of the Pension Fund of the Russian Federation in the Republic of Tatarstan (8 Pushkin St., Kazan, 420111, Russia) (*e-mail*: sshashurov@013.pfr.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8806-3887>

Alina R. Ziyazitdinova, Master's Degree Student at the Department of Sociology, Kazan (Volga) Federal University (18 Kremlevskaya St., Kazan, 420008, Russia) (*e-mail*: malinochk@bk.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0531-3255>

For citation: Ershov A.N., Loginova I.V., Salatova A.A., Shashurov S.E., Ziyazitdinova A.R. Introduction of the Card of a Resident of the Republic of Tatarstan as a Way of Organizing Effective Public Administration. *REGIONOLOGIYA* = *REGIONOLOGY*. 2017; 3(25):421—437.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 17.05.2017.

Социология региона / Sociology of a region

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 316.334.52

А. Г. ФИЛИПОВА, **СОЦИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ**
А. В. ЕСЬКОВА, **РЕГИОНА: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ**
А. В. ИНЗАРЦЕВ **КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА**

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041).

Ключевые слова: регион; социальный потенциал; кластерный анализ; индексы развития регионов; корреляция

Введение: в условиях разделения полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации, сопровождающихся отнесением многих социальных расходов к региональному предмету ведения, российские регионы стали источником территориального неравенства. Территориальное неравенство, проявляющееся в разном уровне развития промышленности, в разной инфраструктурной обеспеченности, в разных размерах региональных социальных выплат и пр., усиливает проявления индивидуально-личностного и семейного неравенства.

Материалы и методы: в качестве основного метода обработки и анализа данных использовался кластерный анализ. Необходимые статистические данные взяты из сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016». Расчеты и визуализация данных осуществлялись посредством программы Deductor. Для кластеризации выделены три индекса — индекс экономического развития региона, индекс безопасности региона, индекс инфраструктурной обеспеченности региона. В ходе изучения результатов формирования кластеров (матриц схожести кластеров, профилей кластеров, данных статистики) был выбран алгоритм EM-кластеризации, являющийся итерационной процедурой.

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна, профессор Департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета, докт. пр. социологических наук, доцент (690922, г. Владивосток, о. Русский, Кампус ДВФУ, корпус А(24)) (e-mail: alexgen77@list.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7475-1961>. Researcher ID: L-5384-2015.

ЕСЬКОВА Анна Владимировна, заведующий кафедрой информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, кандидат технических наук (681013, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27) (e-mail: eskann68@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5762-5579>

ИНЗАРЦЕВ Алексей Вячеславович, доцент кафедры информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, кандидат технических наук (681013, Россия, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27) (e-mail: ainzarcev@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7012-3450>

© Филипова А. Г., Еськова А. В., Инзарцев А. В., 2017

Результаты исследования: получены семь кластеров: нулевой — 3 региона (3,5 %), первый — 7 (7,1 %), второй — 32 (37,6 %), третий — 24 (28,2 %), четвертый — 7 (8,2 %), пятый — 5 (5,9 %), шестой — 8 (9,4 %). Посредством метода группировки уровень развития социального потенциала регионов, входящих в тот или иной кластер, был охарактеризован как «очень высокий», «высокий», «средний», «низкий» и «очень низкий». Описание производилось в отношении каждого индекса — индекса экономического развития, индекса безопасности, индекса инфраструктурной обеспеченности — с привлечением описательных статистик, матриц сравнения кластеров.

Обсуждение и заключения: анализ данных кластеризации российских регионов по уровню развития социального потенциала позволил обозначить актуальные направления дальнейших исследований. Работа по выделению кластеров будет продолжена с тем, чтобы достичь высокого влияния каждого индекса на формирование кластеров, а также приблизиться к минимальным значениям в матрице сравнения. На следующем этапе будут выявлены корреляции обозначенных индексов развития социального потенциала регионов, а также изучено влияние составляющих элементов каждого индекса на его значение в целом. Сравнение данных 2015 г. с данными предыдущих периодов даст представление о динамике развития социального потенциала российских регионов.

Введение. В современных условиях российские регионы характеризуются разным социально-экономическим потенциалом, влияющим на возможности их развития, а в ряде случаев — даже выживания. Последнее обусловлено принятием закона о разграничении полномочий между федеральными и региональными властями, что вызвало передачу значительной части социальных обязательств региональному уровню. Субъектам Федерации в результате реформы были переданы функции регулирования и финансирования государственной социальной помощи, содержания учреждений разных сфер¹. Ученые обращают внимание на политический контекст реформы: «Реализация Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ² преследовала фактически

¹ См.: Филипова А.Г. Социальная защита детства в современной России: моногр. СПб.: Астерион, 2012. С. 61.

² См.: Федеральный закон «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» от 22 авг. 2004 г. № 122-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.03.2017).

лишь цели бюджетной оптимизации, улучшения удобства бюджетного планирования и «сбрасывания» значительных расходных полномочий на регионы с последующим жестким финансовым субсидированием регионов ради политического эффекта увеличения зависимости субъектов Федерации от федерального центра»³.

Социальный потенциал региона как система дает ресурсы и провоцирует риски на пути получения детьми образования, сохранения здоровья, развития творческих и других способностей. К неравенству индивидуально-личностного (физическое и психическое здоровье) и семейного (образование и культурный капитал родителей) ресурсов добавляется территориальная дифференциация. Этот вид неравенства проявляется на двух уровнях. Первый уровень характеризуется неодинаковыми природно-климатическими условиями проживания, разным географическим расположением регионов (относительно г. Москвы, других государств). Второй уровень связан с экономическим развитием, состоянием социальной инфраструктуры, институциональной средой. Условия второго уровня, в отличие от первого, поддаются изменениям, вследствие чего могут быть смягчены проявления социального и экономического неравенства регионов.

Социальный потенциал детства в регионе определяется нами *«как совокупность ресурсов, резервов и возможностей детей как особой социально-демографической общности, проживающей на территории какого-либо региона (субъекта Российской Федерации), реализующихся под воздействием внешних и внутренних факторов, направленных на достижение качественного состояния детства в области здоровья, образования и духовно-нравственного развития, формирование необходимого набора стартовых ресурсов для выхода во взрослую жизнь»* [1, с. 145].

Обзор литературы. Отечественные исследователи часто прибегают к сравнительному анализу, сопоставляя уровень социального или социально-экономического развития регионов (А. Г. Гранберг с соавторами [2], Н. В. Зубаревич и С. Г. Сафронов [3—4], Е. А. Лубашев [5]), уровень и качество жизни населения разных регионов (С. А. Айвазян и

³ См.: Буянова М.О., Гусов К.Н. и др. Право социального обеспечения России / отв. ред. К.Н. Гусов. М.: Проспект, 2010. С. 484.

М. Ю. Афанасьев⁴, И. А. Герасимова [6—7]), социально-демографические и миграционные процессы (А. Г. Вишневский [8], Н. М. Римашевская [9—10]) и др.

При этом довольно часто исследователи прибегают к методу кластеризации, используя его для изучения инновационного потенциала регионов, уровня безработицы, рыночной инфраструктуры и предпринимательства, научной активности, уровня социально-экономического развития регионов (Ю. И. и Д. Ю. Трещевские⁵, Т. И. и С. В. Музалевы⁶, Л. В. Портнова [11], И. С. Пушков⁷ и др.).

Однако детство редко попадает в поле зрения ученых-регионоведов. Отдельные индикаторы, характеризующие социальный потенциал детства в регионе, изучаются как дополнительные факторы, влияющие на целевые показатели развития регионов. Например, коэффициент рождаемости может интерпретироваться как фактор, повышающий иждивенческую нагрузку населения, усиливающий его социальное расслоение, или, при прогнозировании социального развития региона, как фактор, который может увеличить безработицу, поскольку выросшие дети усилят конкуренцию на рынке труда.

Материалы и методы. Система «Социальный потенциал детства в регионе» в терминах системного подхода описывается нами через следующий набор данных: «Входные воздействия на систему», «Выходные характеристики системы», «Воздействия внешней среды», «Ресурсы», «Внутренние индикаторы системы» [12]. Мы представили предварительные результаты изучения социального потенциала региона

⁴ См.: Айвазян С.А., Афанасьев М.Ю. Оценка технической эффективности регионов с учетом интеллектуального капитала // Анализ и моделирование экон. и соц. процессов: Математика. Компьютер. Образование. 2015. Т. 22. № 3. С. 138—158.

⁵ См.: Трещевский Ю.И., Трещевский Д.Ю. Выбор стратегий инновационного развития регионов на основе виртуальной кластеризации // Уч. зап. Крым. федер. ун-та им. В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2012. Т. 4. № 25. С. 208—217.

⁶ См.: Музалева Т.И., Музалев С.В. Применение кластерного анализа в оценке научно-исследовательской активности регионов России // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2014. № 3. С. 171—177.

⁷ См.: Пушков И.С. Применение кластерного анализа в исследовании социально-экономического развития регионов России // Системы компьютерной математики и их приложения. 2015. № 6. С. 197—199.

как совокупности внешних условий, определяющих среду, в которую погружено детство.

Для дальнейшей разработки моделей развития социального потенциала детства в регионе была поставлена задача кластеризации субъектов Федерации. Расчеты и визуализация данных осуществлялись с помощью программы Deductor⁸. Выбор кластерного анализа в качестве основного метода исследования на данном этапе связан с такими его особенностями, как выявление правил/способов группирования объектов и их реализация, возможность учитывать влияние многих факторов на формирование кластеров, возможность обрабатывать большой объем данных.

Для кластеризации нами выделены три индекса: экономического развития региона, безопасности региона, инфраструктурной обеспеченности региона. Для их расчета были выбраны статистические показатели из сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016»⁹, в котором представлены данные за 2015 г. Относительные величины (коэффициенты, проценты, промилле), выражающие меру количественных соотношений, позволяют сравнивать данные, взятые по разным субъектам Федерации. Абсолютные величины, например количество безработных в регионе, вовсе не информативны при сравнении регионов, разных по размерам, уровню экономического развития и т. д. В этом случае уровень безработицы, рассчитывающийся как отношение количества безработных к количеству экономически активного населения, позволяет делать выводы о регионах с высоким/средним/низким уровнем безработицы.

Приведение показателей к сопоставимому виду проходило в два этапа. На первом для ряда показателей осуществлялся переход от абсолютных показателей к относительным, как правило, показателям интенсивности. На втором значения всех преобразованных показателей стандартизировались (нормировались) к единому диапазону значений путем отнесения этих значений к некоторой величине, отражающей определенные свойства показателя. Нормирование проводилось по формуле 1:

⁸ См.: Deductor: продвинутая аналитика без программирования. URL: <https://basegroup.ru/deductor/description> (дата обращения: 25.03.2017).

⁹ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 1326 с.

$$I_{\text{норм.}} = \frac{x - x_{\text{ср}}}{\sigma}, \quad (1)$$

где $I_{\text{норм.}}$ — нормированное значение показателя, x — значение показателя для рассматриваемого региона, $x_{\text{ср}}$, σ — соответственно, среднее значение и среднее квадратическое отклонение рассматриваемого показателя, исчисленные по всем регионам.

Весы, характеризующие значимость того или иного показателя, на данном этапе исследования не применялись.

При определении составляющих каждого индекса пришлось ограничиться доступными в указанном статистическом ежегоднике данными. Сложности сбора данных отдельно по каждому региону, например из региональных статистических сборников, связаны как с трудоемкостью процесса, так и с разрозненностью получаемой информации.

Индекс экономического развития исчислялся на основе нормированных значений трех показателей: ВРП на душу населения, уровень безработицы и доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума. Поскольку в случае с безработицей и низкими доходами высокие значения сигнализируют о негативных процессах, у соответствующих нормированных показателей производилась замена знака на минус. Окончательно индекс экономического развития рассчитывался по формуле 2:

$$I_{\text{эк.}} = \frac{I_{\text{ВРП}} + I_{\text{безр.}} + I_{\text{прож.мин.}}}{3}, \quad (2)$$

где $I_{\text{ВРП}}$ — нормированное значение показателя валового регионального продукта на душу населения, $I_{\text{безр.}}$ — нормированное значение показателя уровня безработицы в процентном соотношении, $I_{\text{прож.мин.}}$ — нормированное значение показателя численности населения с доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения субъекта Федерации.

Индекс безопасности региона рассчитывался по формуле 3:

$$I_{\text{безоп.}} = \frac{I_{\text{прест.}} + I_{\text{ДТП}} + I_{\text{загр.возд.}} + I_{\text{загр.вод.}}}{4}, \quad (3)$$

где $I_{\text{прест.}}$ — нормированное значение показателя количества преступлений на 100 тыс., $I_{\text{ДТП}}$ — нормированное значение показателя количества ДТП на 100 тыс.,

$I_{загр.возд.}$ — нормированное значение показателя выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух на душу населения, $I_{загр.вод.}$ — нормированное значение показателя сброса загрязненных сточных вод на душу населения.

Более сложные расчеты были произведены в отношении третьего индекса — инфраструктурной обеспеченности, который определялся по формуле 4:

$$I_{инфр.пол.} = \frac{I_{жил.} + I_{коммун.} + I_{здравоох.} + I_{образ.} + I_{культ.}}{5}. \quad (4)$$

Здесь каждый индекс рассчитывался отдельно по своим формулам (5—9) с данными, приведенными, как и во всех предыдущих случаях, к нормированному виду (формула 1).

$$I_{жил.} = \frac{I_{общ.пл.} + I_{ветх.фонд}}{2}, \quad (5)$$

где $I_{общ.пл.}$ — общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на 1 жителя, $I_{ветх.фонд}$ — удельный вес ветхого и аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда.

$$I_{коммун.} = \frac{I_{автоб.} + I_{Интернет}}{2}, \quad (6)$$

где $I_{автоб.}$ — количество автобусов общего пользования на 100 тыс. чел., $I_{Интернет}$ — число абонентов Интернета на 100 чел.

$$I_{здравоох.} = \frac{I_{врач} + I_{мед.персонал} + I_{больн.} + I_{амбул.}}{4}, \quad (7)$$

где $I_{врач}$ — численность врачей на 10 тыс. чел., $I_{мед.персонал}$ — численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. чел., $I_{больн.}$ — количество больничных коек на 10 тыс. чел., $I_{амбул.}$ — амбулаторно-поликлиническая мощность на 10 тыс. чел.

$$I_{образ.} = \frac{I_{дошк.} + I_{смен.обуч.} + I_{наполн.кл.} + I_{ср.зв.} + I_{высш.зв.}}{5}, \quad (8)$$

где $I_{дошк.}$ — охват детей дошкольным образованием, %; $I_{смен.обуч.}$ — удельный вес учащихся во 2-ю и 3-ю смены; $I_{наполн.кл.}$ — средняя наполняемость классов; $I_{ср.зв.}$ — численность студентов среднего звена на 10 тыс. чел.; $I_{высш.зв.}$ — численность студентов высшего звена на 10 тыс. чел.

$$I_{культ.} = \frac{I_{театр} + I_{музей} + I_{библ.} + I_{газет}}{4}, \quad (9)$$

где $I_{театр}$ — число зрителей театров на 1 тыс. чел., $I_{музей}$ — количество посещений музеев на 1 тыс., $I_{библ.}$ — библиотечный фонд на 1 тыс. чел., $I_{газет}$ — выпуск газет на 1 тыс. чел.

Значения трех индексов, полученные в результате расчетов, были взяты за основу кластеризации российских регионов. Данные экспортировались в программу Deductor. Был проведен анализ качества данных, позволивший выявить выбросы, экстремальные значения, подвергшиеся в дальнейшем редактированию — установлению верхней или нижней границ, как, например, в случае с индексом культуры в Москве и Санкт-Петербурге (экстремально высокое значение) или индексами образования и жилья в Ингушетии (экстремально низкое значение). После чего для кластеризации были поочередно использованы разные алгоритмы формирования кластеров — k -means, g -means, карта Кохонена и др.

В ходе изучения результатов формирования кластеров (матриц схожести кластеров, профилей кластеров, данных статистики) был выбран алгоритм EM-кластеризации, являющийся итерационной процедурой. Алгоритм EM основан на предположении, что исследуемое множество данных может быть смоделировано с помощью линейной комбинации многомерных нормальных распределений [13]. Были заданы исходные параметры алгоритма: способ разделения исходного множества данных — случайное; фиксированное количество кластеров, равное 7; максимальное количество итераций, равное 300; требуемый уровень точности модели, равный 10^{-5} .

Результаты исследования. Итоговое количество кластеров — 7. Распределение регионов по кластерам получилось следующее: нулевой — 3 региона (3,5 %), первый — 7 (7,1 %), второй — 32 (37,6 %), третий — 24 (28,2 %), четвертый — 7 (8,2 %), пятый — 5 (5,9 %), шестой — 8 (9,4 %).

В табл. 1 приведены значения среднего и среднего квадратического отклонения по всем индексам для каждого из полученных кластеров.

Таблица 1

Описательные статистики

Индикатор	Характеристика индикатора	0	1	2	3	4	5	6
И _{эк.}	Среднее	1,54	-1,0	0,13	0,02	-0,05	0,97	-0,8
	Ср. квадр. отклон.	0,34	0,51	0,3	0,23	0,28	0,21	0,66
И _{безоп.}	Среднее	-0,97	1,19	0,24	-0,59	0,4	0,29	-0,24
	Ср. квадр. отклон.	0,34	0,47	0,13	0,34	0,3	0,5	0,16
И _{инфр.}	Среднее	-0,5	-0,75	0,06	0,12	0,16	0,56	-0,16
	Ср. квадр. отклон.	0,41	0,22	0,19	0,23	0,19	0,37	0,33

Для описания уровней развития социального потенциала полученных кластеров с помощью лексем «очень высокий», «высокий», «средний», «низкий» и «очень низкий» следует сделать группировку по каждому индексу. Для этого, получив разницу между максимальным и минимальным значениями по индексу, разделим полученную величину на пять и определим таким образом шаг. В случае с $I_{эк.}$ он равен 0,68, $I_{безоп.}$ — 0,63, $I_{инфр.}$ — 0,39.

В табл. 2 представлены интервалы, характеризующие значения разных уровней развития социального потенциала регионов, входящих в тот или иной кластер по каждому из трех индексов.

Таблица 2

Интервалы, характеризующие значения разных уровней развития социального потенциала регионов

Индикатор	Очень высокий	Высокий	Средний	Низкий	Очень низкий
И _{эк.}	[+1,74; +1,07]	[+1,06; +0,39]	[+0,38; -0,29]	[-0,30; -0,97]	[-0,98; -1,65]
И _{безоп.}	[+1,74; +1,11]	[+1,10; +0,48]	[+0,47; -0,15]	[-0,16; -0,78]	[-0,79; -1,41]
И _{инфр.}	[+1,0; +0,61]	[+0,60; +0,22]	[+0,21; -0,17]	[-0,18; -0,56]	[-0,57; -0,95]

Нулевой кластер: уровень экономического развития — очень высокий, уровень безопасности — очень низкий, уровень инфраструктурной обеспеченности — средний. Первый кластер: уровень экономического развития — очень низкий, уровень безопасности — очень высокий, уровень инфраструктурной обеспеченности — очень низкий. Второй кластер: уровень экономического развития — средний, уровень безопасности — средний, уровень инфраструктурной обеспеченности — средний. Третий кластер: уровень

экономического развития — средний, уровень безопасности — низкий, уровень инфраструктурной обеспеченности — средний. Четвертый кластер: уровень экономического развития — средний, уровень безопасности — средний, уровень инфраструктурной обеспеченности — средний. Пятый кластер: уровень экономического развития — высокий, уровень безопасности — средний, уровень инфраструктурной обеспеченности — высокий. Шестой кластер: уровень экономического развития — низкий, уровень безопасности — низкий, уровень инфраструктурной обеспеченности — низкий.

Обозначенные индексы оказали разное влияние на формирование кластеров. В табл. 3 отражена значимость каждого индекса, ее данные показывают, что индекс экономического благополучия региона в двух ситуациях — кластерах 3 и 4 — характеризуется небольшой значимостью. Это может сигнализировать о необходимости внесения изменений в формулу расчета индекса, при этом учитывается, что статистические данные по показателю «валовый региональный продукт на душу населения» имеют распределение, отклоняющееся от нормального.

Таблица 3

Оценка значимости индексов при кластеризации, %

Индикатор	0	1	2	3	4	5	6
И _{эк.благ.}	100,0	100,0	80,7	4,7	21,8	99,9	99,9
И _{безоп.}	99,4	100,0	99,9	100	92,3	70,5	73,2
И _{инфр.обесп.}	98,4	100,0	62,1	80,7	69,6	99,8	81,6

Целесообразно осуществить замену в формуле $I_{ВРП}$, так как этот индекс вносит смещения в оценку социального потенциала региона, поскольку не все заработанные в регионе средства остаются в нем и обеспечивают повышение благосостояния его жителей. Замена $I_{ВРП}$ будет произведена на индекс доходов ($I_{д.}$), равный отношению среднедушевых денежных доходов населения к величине прожиточного минимума. Распределение других индексов отклоняется от нормального, но в меньшей степени.

Нулевой кластер включил Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий и Ненецкий автономные округа. Для него характерно сочетание очень высоких значений индекса экономического благополучия с низкими показателями по двум другим — индексам безопасности и инфраструктурной обеспеченности.

На формирование этого кластера сильное влияние оказали все три индекса. Значение среднего квадратического отклонения (0,41) индекса инфраструктурной обеспеченности указывает на больший разброс значений в этом кластере от среднего.

В *первый кластер* вошли Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Чеченская республики, а также республика Дагестан, Ингушетия. Необходимо отметить стопроцентную значимость всех трех индексов при образовании этого кластера. Для индекса экономического благополучия характерны низкие и очень низкие значения, для индекса безопасности — высокие и очень высокие. Низкие значения индекса экономического благополучия коррелируют с низкими значениями индекса инфраструктурной обеспеченности. Для данного кластера в двух случаях ($I_{\text{эк.бл.}}$, $I_{\text{безоп.}}$) среднее квадратическое отклонение (0,51 и 0,47) указывает на больший разброс значений от среднего.

Второй кластер — самый большой по числу включенных в него регионов (Краснодарский, Алтайский края; Ивановская, Орловская, Рязанская, Тверская, Калининградская, Тульская, Свердловская, Липецкая, Самарская, Ульяновская, Томская, Астраханская, Смоленская, Брянская, Волгоградская, Костромская, Оренбургская, Ростовская, Новосибирская, Воронежская, Удмуртская, Пензенская, Московская, Курская, Тамбовская области; республики Татарстан, Марий Эл, Саха, Северная Осетия — Алания, Башкортостан). На его формирование существенно повлияли все три индекса (в меньшей степени индекс инфраструктурной обеспеченности, 62,1 %). Описательные статистики говорят о том, что значения всех трех индикаторов немного превышают среднее. Однако изучение регионов кластера демонстрирует наличие низких (отрицательных) значений для индексов экономического благополучия и инфраструктурной обеспеченности по некоторым регионам: $I_{\text{эк.}}$ — Ивановская область, Алтайский край, Томская, Смоленская, Волгоградская области и др. Минимального значения индекс достигает в Алтайском крае и Республике Марий Эл, а максимальных — в Московской и Липецкой областях. $I_{\text{инфр.обесп.}}$ принимает отрицательные значения для Краснодарского и Алтайского краев, Тверской, Пензенской, Московской областей и др. В целом также можно отметить положительную корреляцию индексов экономического благополучия и инфраструктурной обеспеченности.

Третий кластер — второй по размеру, включает 24 региона (Кировская, Псковская, Владимирская, Омская, Ярославская, Калужская, Иркутская, Тюменская, Челябинская, Кемеровская, Амурская, Магаданская, Вологодская, Архангельская, Новгородская, Мурманская области; республики Хакасия, Карелия, Калмыкия, Коми; Хабаровский, Камчатский, Красноярский, Приморский края). Уровень развития социального потенциала принимает средние и немного ниже среднего значения. При этом описательные статистики показывают, что с индексами экономического благополучия и инфраструктурной обеспеченности регионов ситуация лучше — они, как правило, положительны, а вот индекс безопасности оказывается ниже нуля. Минимальные значения последний принимает в Красноярском крае (-1,01), республиках Карелия и Коми (-1,1 и -1,05 соответственно) и Мурманской области (-1,41). В кластер попали пять регионов, имеющих отрицательные значения по всем трем индексам. Это Республика Хакасия, Иркутская, Челябинская и Кемеровская области, Приморский край. Оценка значимости показала сильное влияние индексов безопасности и инфраструктурной обеспеченности на формирование кластера в сочетании с малым влиянием индекса экономического благополучия.

Четвертый кластер образован семью регионами — г. Севастополем, Нижегородской и Саратовской областями, республиками Адыгея, Мордовия и Чувашия. Описательные статистики показали, что по двум индексам средние значения положительны, по индексу экономического благополучия немного ниже нуля. Матрица сравнения кластеров показала существенные сходства второго и четвертого кластера. Дальнейшая работа планируется в направлении их возможного объединения. Кроме того, оценка значимости влияния индексов на формирование этого кластера продемонстрировала небольшое влияние индекса экономического благополучия при высоких значениях двух других.

Пятый кластер интерпретируется как самый благополучный из всех выделенных. Средние значения по всем трем индексам положительны, а в случаях с инфраструктурной обеспеченностью и экономическим благополучием принимают высокие и очень высокие значения. В этот кластер попали Белгородская и Сахалинская области, Москва

и Санкт-Петербург, а также Чукотский автономный округ. При этом у двух регионов наблюдаются отрицательные значения индекса безопасности — у Сахалинской области и Санкт-Петербурга. Оценка значимости влияния всех трех индексов на формирование кластера довольно высока.

Шестой кластер составляет оппозицию предыдущему — у него все три индекса принимают отрицательные значения. Оценка степени влияния индексов на формирование кластера высока. В кластер вошли Ленинградская, Курганская области, республики Бурятия, Тыва, Калмыкия, Алтай, Еврейская автономная область и Забайкальский край. Индекс экономического благополучия принимает экстремально низкие значения в двух регионах — Республике Тыва (–1,65) и Республике Калмыкия (–1,63). Для этого кластера характерно наибольшее среди всех кластеров среднеквадратическое отклонение значения индекса экономического благополучия от среднего, которое составляет 0,66.

Обсуждение и заключение. Анализ данных кластеризации российских регионов по уровню развития социального потенциала позволил обозначить актуальные направления дальнейших исследований. Во-первых, необходимо продолжить работу по выделению кластеров с тем, чтобы достичь высокого влияния каждого индекса на формирование кластеров, а также обеспечить минимальные значения в матрице сравнения. При значениях схожести кластеров, близких к 100 %, необходимо выполнить объединение подобных групп. Сопоставление результатов кластеризации с результатами, полученными с помощью метода группировки, позволит верифицировать полученные данные. Выделенные кластеры можно сравнить с результатами кластеризации других российских исследователей. Во-вторых, в доработке нуждается описание выделенных кластеров с точки зрения развитости социального потенциала (выделение шкал и их интерпретация). В-третьих, дальнейшая аналитическая работа будет вестись в направлении выявления корреляций обозначенных индексов развития социального потенциала регионов, а также изучения влияния составляющих элементов каждого индекса на его значение в целом. В-четвертых, посредством ГИС-технологий следует построить карты с выделением слоев кластеризации по трем индексам в целом и каждому в отдельности. Это позволит оценить влияние географического и

природно-климатического факторов на социальный потенциал региона. В-пятых, сравнение данных 2015 г. с данными предыдущих периодов даст представление о динамике развития социального потенциала российских регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Филипова А.Г., Еськова А.В. Социальный потенциал детства в регионе: построение онтологии предметной области // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2016. № 3. С. 137—148. URL: <http://regionsar.ru/ru/node/1477> (дата обращения: 05.03.2017).
2. Гранберг А.Г., Михеева Н.Н., Ершов Ю.С. и др. Воздействие мирового кризиса на стратегию пространственного социально-экономического развития Российской Федерации // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 69—101. URL: http://www.sibran.ru/journals/issue.php?ID=120714&ARTICLE_ID=129960 (дата обращения: 05.03.2017).
3. Зубаревич Н.В. Проблема социального неравенства регионов: возможно ли реальное смягчение? // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 154—169. URL: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:4859:14657305> (дата обращения: 05.03.2017).
4. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15—26. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201390/15-26_Zubarevich.pdf (дата обращения: 05.03.2017).
5. Лубашев Е.А. Сравнительный анализ применения различных методов оценки социально-экономического развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2011. № 3. С. 4—15. URL: <http://econpapers.repec.org/article/scn006400/13933659.htm> (дата обращения: 05.03.2017).
6. Герасимова И.А. Дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития (1998—2005 гг.) // Экономическая наука современной России. 2008. № S1. С. 84—85. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-subektov-rossiyskoy-federatsii-pourovnyu-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-1998-2005-gg> (дата обращения: 05.03.2017).
7. Герасимова И.А. Пространственное распределение совокупного объема денежных доходов населения России: тенденции и факторы динамики (1995—2003) // Прикладная эконометрика. 2006. № 4. С. 49—61. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennoe-raspredelenie-sovokupnogo-obemadenezhnyh-dohodov-naseleniya-rossii-tendentsii-i-factory-dinamiki-1995-2003> (дата обращения: 05.03.2017).
8. Вишневецкий А.Г. Россия: демографические вызовы ближайших десятилетий // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2013. Т. 18, № 1. С. 35—41. URL: <http://www.vestnikanrb.ru/index.php/ru/2013-1> (дата обращения: 05.03.2017).

9. Римащевская Н.М., Мигранова Л.А. Социально-экономическое неравенство в России // Народонаселение. 2016. № 3. С. 17—33. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2016_3.pdf (дата обращения: 05.03.2017).

10. Римащевская Н.М., Бочкарева В.К., Мигранова Л.А. и др. Человеческий потенциал российских регионов // Народонаселение. 2013. № 3. С. 84—141. URL: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2013_3.pdf (дата обращения: 05.03.2017).

11. Портнова Л.В. Применение метода кластерного анализа в оценке и прогнозировании уровня безработицы в регионе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 4. С. 158—163. URL: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:28663:14633126> (дата обращения: 10.03.2017).

12. Филипова А.Г., Еськова А.В. Система «Социальный потенциал детства в регионе»: использование метода «черного ящика» // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. № 3. С. 52—56. URL: <http://www.uzknastu.ru/files/pdf/27/2/11.pdf> (дата обращения: 15.03.2017).

13. Demster A.P., Laird N.M., Rubin D.B. Maximum Likelihood from Incomplete Data via the EM Algorithm // Journal of the royal statistical society series b-methodological. 1977. Vol. 39, no. 1. Pp. 1—38. URL: http://apps.webofknowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=3&SID=Y1wivQQNDT5Z1tjhoOh&page=1&doc=8 (дата обращения: 15.03.2017).

Заявленный вклад авторов:

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна — научное руководство, проведение критического анализа материалов, интерпретация результатов кластеризации, окончательная доработка текста статьи.

ЕСЬКОВА Анна Владимировна — поиск аналитических материалов, проведение расчетов в программе Deductor, подготовка начального проекта текста статьи.

ИНЗАРЦЕВ Алексей Вячеславович — стандартизация данных, расчеты с использованием метода группировки данных.

Для цитирования: Филипова А.Г., Еськова А.В., Инзарцев А.В. Социальный потенциал региона: опыт использования кластерного анализа // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 438—455.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

A. G. FILIPOVA, A. V. ESKOVA, A. V. INZARTSEV. SOCIAL POTENTIAL OF A REGION: EXPERIENCE OF USING CLUSTER ANALYSIS

Acknowledgements: this paper was written with financial support from an RFBR grant (project No. 16-36-60041).

Keywords: region; social potential; cluster analysis; indices of regions' development; correlation

Introduction: in the context of the separation of powers between the Federal Center and the constituent entities of the Russian Federation accompanied by charging many social expenses to regional responsibilities, Russia's regions have become a source of territorial inequality. Territorial inequality, manifested in the different levels of industrial development, different infrastructure availability, and different dimensions of regional social benefits, etc., increases manifestations of individual and family inequalities.

Materials and Methods: cluster analysis was used as the main method of data processing and analysis. The necessary statistical data were taken from the collected papers "Regions of Russia. Socio-economic indexes. 2016". Calculations and visualization were carried out with the support of the Deductor program. For clustering three indices were chosen: index of economic development of a region, index of security of a region, index of infrastructure availability in a region. When examining the results of cluster formation (matrices of clusters similarity, cluster profiles, statistical data), the EM-clustering algorithm, being an iterative procedure, was chosen.

Results: seven clusters were identified: the zero one — 3 regions (3.5 %), the first — 7 (7.1 %), the second — 32 (37.6 %), the third — 24 (28.2 %), the fourth — 7 (8.2 %), the fifth — 5 (5.9 %) and the sixth — 8 (9.4 %). By means of the method of grouping, the level of development of social potential of the regions included into a particular cluster was characterized as "very high", "high", "medium", "low" and "very low". The description was made with respect to each index: index of economic development, index of security and index of infrastructure availability, with the use of descriptive statistics and cluster comparison matrices.

Discussion and Conclusions: data analysis of clustering Russia's regions according to the level of development of social potential allowed to identify relevant areas for further work. The work on cluster identification will be continued in order to achieve high impact of each of the indices on the formation of clusters as well as to get closer to the minimum values in the comparison matrix. In the next stage of work, correlations of the above mentioned indices of development of social potential of the regions will be revealed and the influence of the constituent elements of each index on its value as a whole will be studied. Comparison of the 2015 data with those from previous periods will give an idea of the dynamics of development of the social potential of Russia's regions.

REFERENCES

1. Filipova A.G., Eskova A.V. [Social potential of childhood in a region: building the topical area ontology]. *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2016; 3:137—148. Available at: <http://regionsar.ru/ru/node/1477> (accessed 05.03.2017). (In Russ.)

2. Granberg A.G., Miheeva N.N., Ershov Yu.S., etc. [World crisis and Russian spatial socio-economic development strategy]. *Region: jekonomika i sociologija* = Region: Economics and Sociology. 2009; 4:69—101. Available at: http://www.sibran.ru/journals/issue.php?ID=120714&ARTICLE_ID=129960 (accessed 05.03.2017). (In Russ.)

3. Zubarevich N.V. [Problem of social inequality of regions: whether real mitigation is possible?]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* = Administrative Consulting. 2009; 3:154—169. Available at: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:4859:14657305> (accessed 05.03.2017). (In Russ.)

4. Zubarevich N.V., Safronov S.G. [The Inequality of Social and Economic development of Regions and Cities of Russia of the 2000s: Growth or Decline?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* = Social Sciences and Contemporary World. 2013; 6:5—26. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201390/15-26_Zubarevich.pdf (accessed 05.03.2017). (In Russ.)

5. Lubashev E.A. [Comparative analysis of application of various methods of assessment of social and economic development]. *Teorija i praktika servisa: jekonomika, social'naja sfera, tehnologii* = Theory and practice of service: economy, social sphere, technologies. 2011; 3:4—15. Available at: <http://econpapers.repec.org/article/scn006400/13933659.htm> (accessed 05.03.2017). (In Russ.)

6. Gerasimova I.A. [Differentiation of territorial subjects of the Russian Federation on the level of social and economic development (1998—2005)]. *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii* = Economics of Contemporary Russia. 2008; S1:84—85. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/differentsiatsiya-subektov-rossijskoy-federatsii-po-urovnyu-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-1998-2005-gg> (accessed 05.03.2017). (In Russ.)

7. Gerasimova I.A. [The Spatial Distribution of the Total Monetary Income of the Russian Population: Tendencies and Factors of Dynamics (1995—2003)]. *Prikladnaja jekometrika* = Applied econometrics. 2006; 4:49—61. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennoe-raspredelenie-sovokupnogo-obema-denezhnyh-dohodov-naseleniya-rossii-tendentsii-i-factory-dinamiki-1995-2003> (accessed 05.03.2017). (In Russ.)

8. Vishnevsky A.G. [Russia: Demographic Challenges in the Coming Decades]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan* = The Herald of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 2013; 1(18):35—41. Available at: <http://www.vestnikanrb.ru/index.php/ru/2013-1> (accessed 05.03.2017). (In Russ.)

9. Rimashevskaya N.M., Migranova L.L. [Socio-economic inequality in Russia]. *Narodonaselenie* = Population. 2016; 3:17—33. Available at: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2016_3.pdf (accessed 05.03.2017). (In Russ.)

10. Rimashevskaya N.M., Bochkareva V.K., Migranova L.A., etc. [Human potential of regions in Russian]. *Narodonaselenie* = Population. 2013; 3:84—141. Available at: http://www.isesp-ras.ru/images/narodonaselenie/2013_3.pdf (accessed 05.03.2017). (In Russ.)

11. Portnova L.V. [The practice of application of the method of cluster analysis in the assessment and prediction of the level of regional unemployment]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Orenburg State University. 2012; 4:158—163. Available at: <https://socionet.ru/publication.xml?h=spz:cyberleninka:28663:14633126> (accessed 10.03.2017). (In Russ.)

12. Filipova A.G., Eskova A.V. [Childhood social potential in the region: «black box» method]. *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* = Scholarly Notes of Komsomolsk-na-Amure State Technical University. 2016; 3:52—56. Available at: <http://www.uzknastu.ru/files/pdf/27/2/11.pdf> (accessed 15.03.2017). (In Russ.)

13. Demster A.P., Laird N.M., Rubin D.B. Maximum Likelihood from Incomplete Data via the EM Algorithm. *Journal of the royal statistical society series b-methodological*. 1977; 1(39):1—38. Available at: http://apps.webof-knowledge.com/full_record.do?product=WOS&search_mode=GeneralSearch&qid=3&SID=Y1wivQQNDT5Z1tjhoOh&page=1&doc=8 (accessed 15.03.2017).

Contribution of the authors:

Aleksandra G. Filipova — academic advising, critical evaluation of the materials, interpretation of the results of clustering, final revision of the text of the article.

Anna V. Eskova — search for analytical materials, making calculations in the Deductor program, writing the initial draft text of the article.

Alexei V. Inzartsev — standardization of the data, making calculations using the method of grouping data.

About the authors:

Aleksandra G. Filipova, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Social and Psychological Sciences, Far Eastern Federal University (Bldg A(24) FEFU Campus, Russky Island, Vladivostok, 690922, Russia) (*e-mail*: alexgen77@list.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7475-1961>. Researcher ID: d-5384-2015.

Anna V. Eskova, Candidate of Engineering Sciences, Head of the Department of Information Systems, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (27 Lenina Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia) (*e-mail*: eskann68@gmail.com). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5762-5579>

Alexei V. Inzartsev, Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Information Systems, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (27 Lenina Ave., Komsomolsk-on-Amur, 681013, Russia) (*e-mail*: ainzarcev@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7012-3450>

For citation: Filipova A.G., Eskova A.V., Inzartsev A.V. Social Potential of a Region: Experience of Using Cluster Analysis. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2017; 3(25):438—455.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 26.04.2017.

Т. М. ДАДАЕВА

СЕМЬИ ЧАЙЛДФРИ В РЕГИОНЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Ключевые слова: регион; чайлдфри; отказ от детей; добровольная бездетность; родительская семья; отношение к детям; качественное исследование

Введение: одно из новых социальных явлений, возникших в последнее двадцатилетие, — это чайлдфри. Его представители — бездетные супруги, не имеющие проблем с репродуктивным здоровьем, но

не желающие иметь детей. Появление семей чайлдфри — это во многом результат предшествующих структурных изменений в обществе в целом, трансформации семьи и гендерных отношений в частности. В условиях демографического кризиса в России социологический анализ этой проблемы весьма актуален.

Материалы и методы: эмпирической базой исследования стали данные качественных полуструктурированных интервью представителей чайлдфри (11 мужчин и 4 женщин от 18 до 27 лет) в Республике Мордовия, состоящих в браке или в гражданском союзе. Отбор проводился методом снежного кома (частично через социальную сеть «ВКонтакте»). Гид интервью включал следующие тематические блоки: «Родительская семья», «Причины и мотивы отказа от детей», «Отношение к детям, к созданию семьи», «Взаимодействие чайлдфри с ближайшим окружением (родителям, родными и друзьями)», «Ценностные ориентации».

Результаты исследования: основные цели в жизни информантов связаны с получением диплома, поиском работы, жилья и т. д. Большинство отмечали в системе жизненных приоритетов семью, отношения со своей второй половиной и друзьями, а также «свободу» («личная», «от ига семьи»), «независимость», «отдых, развлечения, хобби», «веселую жизнь», «жизнь для себя». Большинство живут гражданским браком, отмечая, что регистрация отношений им не нужна, в том числе по причине отсутствия ребенка. В качестве главных причин выбора бездетности большинство информантов отмечали: отсутствие материнского и отцовского инстинкта,

ДАДАЕВА Татьяна Михайловна, профессор кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор социологических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Шевцевская, 68) (e-mail: dadaeva13@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9749-9244>

© Дадаева Т. М., 2017

страх и боязнь рожать и воспитывать детей, боязнь не суметь вырастить успешных людей, отсутствие материальных ресурсов, жестокость общества и мировые проблемы, оценку сегодняшних детей как негативное явление. Отмечалась ненависть к детям в целом. В меньшей степени это связано с болезнью, нетрадиционной сексуальной ориентацией, влиянием неуспешной семейной жизни родителей и т. д. Единственным сильным фактором давления на чайлдфри выступают их родители, реже — друзья. Как правило, близкие подруги или парни поддерживают в таком выборе своих партнеров. Половина информантов отметила, что общается в кругу единомышленников — таких же чайлдфри. Чайлдфри — молодые люди от 18 до 27 лет, имеющие высшее образование или находящиеся в процессе его получения. В исследуемой группе было много представителей из неполных семей. Многие предполагают, что в будущем, возможно, и захотят детей.

Обсуждение и заключения: сегодня сложно определить, что такое семьи чайлдфри: долговременная тенденция, которая будет развиваться в дальнейшем, или временное сообщество для молодых людей, которые вскоре могут изменить свои установки. Существуют объективные макрофакторы возникновения этого явления в современной социальной действительности: 1) переход западной цивилизации к индустриальному, особенно к постиндустриальному обществу; 2) в условиях демократизации и доступности высшего образования дети теряют свою экономическую ценность (дети как работники) и представляют, скорее, иждивенческую нагрузку для семьи в период длительного обучения, что делает выгодным иметь их мало или вообще не иметь детей; 3) хорошо развитая система социального обеспечения и обслуживания пожилых людей позволяет им быть экономически независимыми от своих детей; 4) эмансипация женщин и трансформация гендерных ролей в целом; 5) рост индивидуалистических ценностей, личных прав и свобод, упадок родственных связей привели к свободе выбора демографического поведения и сделали бездетность социально приемлемой нормой.

Введение. Одним из новых явлений, возникших в обществе в последнее десятилетие, являются представители чайлдфри сообщества. Чайлдфри (англ. *childfree* — свободный от детей, бездетный; *childless by choice* — добровольная бездетность) — отсутствие детей и сознательное нежелание когда-либо их иметь. Необходимо признать, что появление семей чайлдфри — это во многом результат предшествующих структурных изменений в обществе в целом и трансформации семьи и гендерных отношений в частности. В условиях индустриального, особенно постиндустриального, общества семья теряет большинство своих функций (передавая их другим социальным институтам) или выполняет их лишь частично. В доиндустриальную эпоху семья являлась

трудовым коллективом, выполняла роль учебного заведения, была институтом социального обеспечения, имела рекреационную функцию. Брак был основой семьи и выполнял сексуальную и репродуктивную функции, тогда как добрачные и внебрачные связи, как и рождение внебрачных детей, осуждались обществом. Кроме того, вступление в брак и рождение детей считались нормой, необходимым условием успешной социализации (все остальное не соответствовало социальным нормам: старые холостяки и девы, бездетные супруги и т. д.).

В современный постиндустриальный период развития общества типов семьи появилось множество: семьи, состоящие из одного родителя (отца или матери) с одним или несколькими детьми; из работающей бездетной пары; из работающей женщины — кормилицы семьи с ребенком и мужем, ведущим домашнее хозяйство; смешанные семьи, ранее состоявшие в браке, и их дети от предыдущих браков; пары, не состоящие в браке, но живущие совместно; гей-пары. Сегодня семья может состоять из одного человека и быть без детей (осознанный выбор).

Появляется все больше бездетных супругов, не знающих проблем с репродуктивным здоровьем, но не желающих иметь детей. В США и ряде европейских стран такое репродуктивное поведение становится все более широко распространенным¹ и социально приемлемым. Уровень бездетности в России, по сравнению с таковым в крупнейших странах Запада, пока не выглядит критичным. В США и Великобритании в поколении, родившемся в конце 1950-х гг., бездетными остались около 20 %², в Германии в поколении женщин 1965 г. рождения — более 30 %³. Соответствующие показатели в этих странах в 2,5—3,5 раза выше, чем в России⁴ (хотя речь идет обо всех женщинах, в том числе о незамужних).

¹ См.: Гнедовская С. Все больше женщин сознательно лишают себя радости материнства. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0247/gazeta04.php> (дата обращения: 18.11.2016).

² См.: Иванов С. Новое лицо брака в развитых странах. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/067/tema05.php> (дата обращения: 18.11.2016).

³ См.: Саррацин Т. Германия: самоликвидация: пер. с нем. М.: Рид Групп, 2012. С. 303.

⁴ См.: Синельников А.Б. Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2014. С. 63.

Согласно исследованию ЗАО «Демоскоп» за 2011 г., 4,4 % жителей России (т. е. почти 6,3 млн чел., в них входит также часть тех, кто бесплоден) не хотят иметь детей (в 2007 г. этот показатель составлял 3,6 %). В США в 2010 г. число женщин репродуктивного возраста, которые не хотели иметь детей, составило чуть более 3,7 млн чел. При этом США превосходят Россию по числу жителей в 2,15 раза⁵.

Обзор литературы. Тема семей чайлдфри пока мало изучена. Причины и мотивы отказа от детей могут сильно варьироваться, поэтому цель нашего исследования — изучение этих аспектов. В условиях демографического кризиса в России социологический анализ этой проблемы актуален.

К одной из первых работ, основанных на данных качественных исследований семей чайлдфри (выявление причин отказа от детей, типологизация чайлдфри по отношению к детям, анализ дальнейших установок семей на деторождение), можно отнести монографии Дж. Виверс [1], О. Донат [2]. Ч. Беркетт интересны проблемы социальной и политической дискриминации чайлдфри [3]. Д. Кнайл и Х. Хоши проводили эмпирическое изучение чайлдфри различных когорт в Британии в зависимости от уровня образования и возрастных различий [4]. Исследование факторов, влияющих на добровольную бездетность, Э.-М. Мерца и А. Лифброера основано на масштабной выборке, включавшей представителей всех слоев общества в 25 странах Европы (European Social Survey, 2005—2006)⁶. Российские исследователи (Ю. А. Антонова [5], М. Бичарова⁷, О. Г. Исупова⁸, Н. Н. Наричын⁹ и др.) также изучают данное явление.

⁵ См.: Лебедев С.В. Статистика бесплодия в России: заблуждения и факты (часть 1). URL: <http://lebedev.livejournal.com/10738.html> (дата обращения: 28.02.2017).

⁶ См.: Факторы формирующие отношение к добровольной бездетности в Европе. URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=2011 (дата обращения: 07.02.2017).

⁷ См.: Бичарова М.М. Феномен «чайлдфри» и проблема «другого». URL: <http://www.intour.aspu.ru/images/File/INTOUR/TOUR21/Article7.pdf> (дата обращения: 07.02.2017).

⁸ См.: Исупова О.Г. Добровольно бездетные или «свободные от детей». URL: <http://polit.ru/article/2010/10/15/childfree> (дата обращения: 14.03.2017); Ее же. Посчитать чайлдфри. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender04.php> (дата обращения: 14.03.2017).

⁹ См.: Наричын Н.Н. Почему люди не хотят детей, или Несколько слов о чайлдфри. URL: http://www.naritsyn.ru/why_people_dont_want_to_have_children_or_a_few_words_about_child-free.htm (дата обращения: 17.03.2017).

Материалы и методы. Для изучения феномена чайлдфри мы использовали качественную методологию социологического исследования — полуструктурированное интервью (исследование было проведено в 2015 г.). Отбор информантов проводился методом снежного кома (частично через социальную сеть «ВКонтакте»). Главным условием отбора было то, чтобы представители чайлдфри совместно проживали в браке или гражданском союзе. Было опрошено 15 информантов (11 мужчин и 4 женщины в возрасте от 18 до 27 лет, большинство имели высшее образование или являлись студентами вузов) в Республике Мордовия. Гид интервью включал следующие тематические блоки: «Родительская семья», «Причины и мотивы отказа от детей», «Отношение к детям в целом, к созданию семьи», «Взаимодействие и отношение к чайлдфри со стороны ближайшего окружения (родителей, родных и друзей)», «Ценностные ориентации». Основной целью исследования было выявление социальных характеристик представителей чайлдфри Республики Мордовия.

Результаты исследования. Первый блок нашего исследования назывался «Родительская семья». Шестеро информантов признались, что их родители не состоят в отношениях. *«Родители в разводе. Живут они раздельно. Братьев сестер нет»* (№ 4, м., 22 г., студент, 8)¹⁰. *«Они [родители] не разведены, но уже не живут вместе. Не общаются»* (№ 5, ж., 24 г., в. обр., 24). *«Отец с матерью развелись несколько лет назад»* (№ 7, м., 20 л., студент, 5). *«Мама в разводе с отцом. С отцом практически не общаюсь»* (№ 13, м., в. обр., 6). *«Я из семьи с одним родителем. Ну и еще с бабушкой проживаю... Отец умер, когда я был еще молодой»* (№ 14, м., 19 л., студент, 4—6). *«Сейчас в разводе. Но семей своих не имеют»* (№ 3, м., 25 л., в. обр., 6).

Остальные информанты отмечали, что у них полная семья. В то же время никто из исследователей чайлдфри не находил какой-либо зависимости между отказом от рождения детей и отсутствием успешного брака у своих родителей. Однако в одном интервью информант определяет свой отказ от детей неудачным семейным опытом своих родителей.

¹⁰ Здесь и далее указаны: номер интервью, пол и возраст информанта, уровень его образования (студент или лицо, имеющее высшее образование), номер строки в интервью.

«Я, глядя на родителей, расхотел семью. Точнее, конкретно никогда не хотел, но сейчас решил, что этого не надо. <...> Я не отец... Ну, не представляю себя подобным» (№ 7, м., 20 л., студент, 12—13, 20). При этом информант не исключает, что в будущем его взгляды могут поменяться. *«Может, я переживу когда-нибудь такую любовь, что захочется детей. Но не верится в это»* (№ 7, 19).

Некоторые опрошенные узнали о самом существовании движения и идеологии чайлдфри не так давно из Интернета и благодаря нашему исследованию: *«Ну, вообще о таком термине я узнал где-то год назад. До этого даже не предполагал, что у отказников есть какое-то самоназвание или типа того»* (№ 3, м., 25 л., в. обр., 8); *«Вообще я об этом термине узнал не так давно. И забыл уже о нем, пока вы через наших знакомых не обратились. Может, и не вспомнил бы»* (№ 6, м., 25 л., неок. в. обр., 11—12); *«Ну, с идеей я ознакомились впервые в Интернете. Посмотрела на чайлдфришников, пообщалась с ними. И постепенно осознала, что у меня схожие идеи. До этого не ловила себя на мысли о заведении детей, но когда здраво посмотрела на это, поняла, что я чайлдфри по сути...»* (№ 12, ж., 22 г., студент, 9—11).

Второй блок нашего исследования касался причин и мотивов отказа от рождения детей и отношения к детям в целом. Информанты давали следующие объяснения: *«Я не чувствую материнского инстинкта. Продолжение рода для меня неважно. Ну, ситуация с генами, так сказать. Не хочу родить обузу для себя и родных <...> будь с ней [недееспособная старшая сестра] все нормально, то и не было бы такого. Сейчас бы я аборт сделала, случись незапланированное»* (№ 1, ж., 23 г., в. обр., 49—50).

В данном случае, кроме отсутствия материнского инстинкта, по словам информантки, также выделяется причина здоровья — старшая сестра имеет генетическое заболевание. Несмотря на современные медицинские возможности, позволяющие на раннем этапе беременности выявить патологию у плода, информантка предпочитает воздержаться от рождения ребенка и даже не исключает аборт в случае незапланированной беременности.

Другие опрошенные обосновывают отказ от детей личным опытом наблюдения в целом за детьми, в частности за

детьми своих родственников, и с опасностями для здоровья при беременности и родах. «По большей части наблюдение за контингентом детей и родителей, с которыми можно столкнуться повседневно. Плюс отношение детей сестры собственно с сестрой» (№ 2, м., 27 л., в. обр., 14—15). «Никогда такой мечты детей иметь не было. Я детей как-то не очень люблю, если честно... И вообще как-то влияет это на здоровье очень сильно. Сколько мне рассказывали женщины, которые рожали, болезни всегда обостряются после рождения ребенка... Очень много слышала, как женщины потом страдают. У меня одна знакомая вообще при родах чуть не умерла. Я вот боюсь, например, что у меня тяжело будет» (№ 9, ж., 24 г., в. обр., 8, 12). «Семейная жизнь не для меня. И не столько быть женатым, сколько именно воспитывать и приглядывать за ребенком. Да, и не считаю, что нынешний мир для этого пригоден... Он перенаселен. Ну, еще жесток. Мне не хотелось бы родить того, кому тяжело жилось бы в этом мире. <...> Нас 7 миллиардов. На себя бы хватило, не знаю, что потомкам останется. Воды, еды, ресурсов всяких. Ну, всего такого, что обеспечивает жизнь человечеству. <...> Люди сами по себе злые. Вдруг от меня тоже ничего хорошего для мира не получится» (№ 3, м., 25 л., в. обр., 10—12, 14, 16). Похожее объяснение дает и другой информант: «В 20 лет я решил не утруждать себя детьми. Произошло спонтанно. Тогдашняя девушка завела невзначай речь о семье. Ну, я и задумался. Меня вообще волнует, как будет следующее поколение жить. Проблема перенаселения, возможной мировой войны. На всех ли всего будет хватать? Смогу ли я вообще обеспечить ребенка, а может, и двух всем необходимым? Смогу ли себя? Ну и так решил, что детей я в принципе никогда не хотел. Ну, точнее, не видел себя отцом, как говорят. И в итоге тогда сказал об этом девушке» (№ 4, м., 22 г., студент, 11—16).

Часть информантов высказывала мнение, что животные могут заменить ребенка в их семье: «В плане семейных уз хотел бы. Я считаю, что с этим можно справиться и без детей. Можно собак завести. Люблю собак» (№ 8, м., 26 л., сред. спец., 55). «Нет. Узы брака меня не интересуют как таковые. Регистрация любящим ни к чему. При заведении ребенка это, может, и важно кому. А если

нет, то штамп не важен. Например, у нас пес. Не ради него же регистрироваться? Это нужно тем, у кого дети» (№ 5, ж., 24 г., в. обр., 54—56).

Одним из объяснений отказа от детей может выступать нетрадиционная сексуальная ориентация. «Ну, мое мировоззрение в целом такое... Оно так, скажем, отличается от норм часто. Это касается не только моего отношения к детям, но и к религии и политике, выбора партнеров и стилей жизни... Ну, и потому, что, так скажем, из-за моих интересов иметь ребенка от любимого не получится. Материнство не мое. Я не чувствую необходимости иметь ребенка, и желания такого нет. Даже в детстве не было <...>, но есть и другие факторы, например ориентация» (№ 5, 9—14, 46).

Чаще всего информанты главным мотивом указывают жизнь для себя. «Примерно с первого курса я решил откататься в будущем от детей... Мне этого не нужно. Хочется для себя пожить. Ребенок будет этому мешать. Из того, кто не хочет детей, отца не получится. Ну, одно дело погулять 2 дня и расписаться, а другое — вырастить человека. <...> В ближайших планах такого точно нет. <...> Но лично я свой выбор таковым (эгоистичным) не считаю, ибо это личная жизнь, а в ней все будет эгоистично» (№ 6, м., 25 л., неок. в. обр., 10—14, 17, 51).

Влияние окружения, единомышленников может быть причиной выбора чайлдфри. «Способствовало этому отчасти мое окружение. Конечно, я сам принимал решение, как любой здравомыслящий человек, но у меня были знакомые чайлдфри, с идеями которых я был согласен, и в итоге сам стал чайлдфри... Не вижу себя отцом, как говорят, а моя девушка не видит себя матерью. Как-то так. Мне ребенок не нужен. Без него свободней. Не хочу жизнь на него растрачивать. Нет отцовских чувств в общем» (№ 8, м., 26 л., сред. спец. обр., 8—10, 21—22). «За свою жизнь у меня никогда не было желания иметь детей. А сейчас, когда нашел единомышленников, можно сказать, родственные души, это желание только укрепилось. А конкретные факты или этапы, когда эта идея засела в голове, мне сложно сказать» (№ 10, м., 23 г., в. обр., 11—13). «Поэтому можно сказать, что знакомство с идеей и осознание своей принадлежности к ней и сделали меня таковой. Причины

как таковые — в желании построить себя скорее. У меня нет потребности в детях. Может, когда-нибудь будут, но пока свое будущее вижу иначе, без ребенка, т. е. я не вижу в себе желания материнства, а со временем и с возрастом его, может, станет еще меньше» (№ 12, ж., 22 г., студент, 13—16).

Некоторые не могут конкретно сформулировать обстоятельства, причины своего отказа от рождения детей. «Никаких причин как таковых-то и не было, чтобы на меня было какое-то влияние. Это выбор как бы мой, я сам как бы решил» (№ 11, м., 25 л., в. обр., 25). «Просто я никогда не стремился заводить детей. А сейчас я понимаю, что, скорее всего, я не заведу их» (№ 13, м., 24 г., в. обр., 10). «Просто закралась такая идея. Не знаю, как сказать. В общем, так решил для себя. И пока не жалею. Да и рано жалеть» (№ 14, м., 19 л., студент, 27). В случае незапланированной беременности этот информант высказался за аборт: «Пока на ноги окончательно не встал, ну, в плане учебы, работы, жильем, правда, себя обеспечил, детей считаю обузой. На родителей своих их спихивать не хочу, поэтому не планирую детей, как и моя девушка. <...> Нужно заранее будущее обеспечить, свое и возможных детей. А не возиться с ними и жизнь профукивать» (№ 15, м., 24 г., в. обр., 13—15, 17—18). Вероятно, при достижении всех жизненных планов этот информант может изменить свое решение.

В **третьем блоке** мы рассматривали отношение информантов к детям. Мнения интервьюеров разделились. Шестеро информантов отметили, что в той или иной степени испытывают к детям неприязнь, отвращение. Некоторые признались, что занимались так называемым троллингом в социальных сетях. «Троллинг» в Интернете — это попытка намеренно спровоцировать собеседника на конфликтное общение (проявляется от использования стандартных оскорблений до публичной интернет-травли). «Я вообще детей не жалую. Дети мне не очень приятны» (№ 14, м., 19 л., студент, 36). На вопрос про троллинг информант отвечает: «В инете — да. Ну, это так, для развлечения...» (№ 14, 44); «Я разделяю это в том случае, когда они [матери] это слишком ярко проповедуют свой образ жизни, пытаются навязать. Таких людей я не люблю.

И к детям негативно отношусь лишь к невоспитанным, которые отвлекают меня от дел либо отдыха, которые нарушают покой. <...> Да, мы оскорбляли между собой» (на вопрос про оскорбления матерей в Интернете) (№ 10, м., 23 г., в. обр., 41—45); «Ну, не скажу, что я ненавижу детей... К матерям претензий нет, но считаю, что недостаточно уделяют внимания воспитанию...» (№ 9, ж., 24 г., в. обр., 26); «Я делал это (оскорблял) все-таки из своих соображений идейных» (№ 10, 50—55); «Да, не люблю (детей). <...> Дети стали такие самоуверенные. <...> Дети перестают ценить родителей» (№ 9, 20); «Детей, в общем, не люблю. Возраст переносимости начинается лет с 13—14. До этого возраста дети особой симпатии не вызывают... Я же не проявляю агрессии к детям, да и вообще к кому-либо. Просто не люблю, не более» (№ 6, м., 25 л., неокон. в. обр., 40—44); «Не могу сказать точно, но есть частичное [неприязненное отношение], хотя как исходящее, а не как причина [чайлдфри]» (№ 2, м., 27 л., 2 в. обр., 41). Он же про троллинг: «Ну, иногда лишь только при появлении агрессии первых...» (№ 2, 44).

Остальные информанты отмечали нейтральное или даже положительное отношение к детям: «Не сказать, что ненавижу, но не вижу в них ничего хорошего» (№ 3, м., 25 л., в. обр., 30); «Нейтрально. Может, даже могу с ними посидеть...» (№ 5, ж., 24 г., в. обр., 36); «Я с детьми хорошо лажу. С племянником вообще люблю посидеть. Они в этом возрасте интересные... У меня к ним даже теплые чувства в чем-то. Но к племяннику особенно. Можно сказать, он и мой сын отчасти. Я его отец крестный» (№ 8, м., 26 л., сред. спец., 29, 36); «Нейтрально. Я не так часто с ними контактирую, правда. Точнее, вообще не контактирую. Но ничего отрицательного не вызывают» (№ 12, ж., 22, студентка, 39—41); «Нормально. Дети и дети. Сами тоже были детьми... Ну, они противные, конечно. Временами даже очень. Слава Богу, мне с ними так близко знакомиться не приходилось...» (№ 13, 28—30); «Нет неприязни к детям. С племянком трехлетним прикольно возиться» (№ 15, м., 24 г., в. обр., 35).

В **четвертом блоке** мы рассматривали, как представители чайлдфри оценивают отношение к ним (к их жизненному выбору) со стороны ближайшего окружения (родителей,

родных и друзей). «С родителями иногда возникают конфликты, так как любые родители хотят внуков. А девушка у меня все как-то лояльна на эту тему, но бывают моменты, когда по ее эмоциям или спадам настроения я вижу, что она как-то, может, в будущем захочет иметь детей. Но мы стараемся не разговаривать на эту тему» (№ 11, м., 25 л., в. обр., 47—50). «Но их [родителей] недовольства хватает вполне и по поводу моих жизненных выборов различных... Ну, ничего не поделаешь, это моя жизнь... У партнера тоже родители в курсе, и такая же ситуация. Но живем уже отдельно от родителей, независимы, так что их мнение не влияет» (№ 5, ж., 24, в. обр., 32—34). «Родители осуждают, сестра с двумя детьми очень сильно осуждает, сожительница поддерживает <...> навязывание мнения, что немного раздражает и вызывает конфронтацию... по большей части представителей компании друзей» (№ 2, м., 27 л., в. обр., 20). «Это мое дело. Спросят — скажу. Но не затрагивали... Может, пару раз. От преподавов, например... Пусть относятся, как хотят» (№ 7, м., 20 л., студент). «Они [родители] не знают... Ну, это мое дело. Им [друзьям] все равно» (№ 3, м., 25 л., в. обр., 22).

Большая часть опрошенных чайлдфри в повседневной жизни с осуждением не сталкивалась. Иногда это связано с тем, что родители еще не знали о решении информанта не иметь детей. Также стоит отметить, что все респонденты, имеющие братьев или сестер, высказали предположение, что именно они займутся продолжением семейного рода. «Ну, был у меня один парень долгое время. И думаю, он отчасти разделял это. Точнее, разделял бы. Но у него есть ребенок уже, но он его не хотел. А друзья — ну, они знают, и им без разницы. Ну, может, одна только осуждает такой подход, хотя в моем случае не критикует... Преподавательница была такая. Высказывалась плохо о чайлдфри» (№ 1, ж., 23 г., в. обр., 15—17). «Друзья нормально думают. Родители не знают. Сестра вот иного мнения... Она еще молода. Но она иного мнения насчет заведения детей» (№ 12, ж., 22 л., 22). «Мать не против. Знакомые тоже» (№ 14, м., 19 л., студент, 12). «Знают и понимают. Но родители советуют не затягивать до 40 лет, а девушка пока сама не хочет... В любом случае

это мое дело» (№ 15, м., 24 г., в. обр., 17—18). «А они не знают. Я им не говорил. Вопросов с их стороны нет. Как-то так... Думаю смирятся. Если что, то на сестру можно рассчитывать. Она не чайлдфри, по крайней мере... Претензий она не высказывала. Может, она и хочет, но мне не говорила об этом» (№ 6, м., 25, неок. в. обр., 20 л., 17—19). «Ну, мои родители не знают об этом. Да, говорят там “внуки, внуки”, но я полностью надеюсь на своего брата, пусть он их обогащает внуками. А я пока подержу в тайне... Не скажу, что он [молодой человек] поддерживает меня в этом выборе. Ссоры по этому поводу. Ну, пока не бросает» (№ 9, ж., 24 г., в. обр., 16). «Они [родители] не знают... А друзья — многие тоже не знают. Не думаю, что им есть дело до моих детей» (№ 4, м., 22 г., студент, 22). «Пока нет. Я из более менее современной семьи, поэтому родители понимают, что возраст рождения детей должен быть несколько выше общепринятых 20—23 лет. С ней [девушкой] мы тоже об этом серьезно не разговаривали. Но она [сестра], наверное, не так разделяет мой выбор. Скорее, совсем не разделяет... Моя девушка полностью разделяет мое мнение относительно детей» (№ 10, м., 23 г., в. обр., 22, 26). «Ну, в данный момент девушка не стремится тоже размножаться. Ну, скажем так, что внук у моей матери есть» (№ 13, м., в. обр., 18). «Вот давление родителей может сказаться, но общества — нет» (№ 1, ж., 23, в. обр., 53). «Думаю, сейчас людям без разницы, кто хочет детей, а кто нет... Ну, лично я — нет. Вообще видел тех, кто считает, что чайлдфри — это неправильно. Редко, но видел» (№ 3, м., 25 л., в. обр., 37—38).

Обсуждение и заключения. Сегодня пока сложно определить, что такое семьи чайлдфри — долговременная тенденция, которая будет развиваться, или временное сообщество для молодых людей, которые вскоре могут изменить свои намерения и установки. Для этого необходимы дальнейшие исследования. Однако можно выделить объективные макрофакторы появления этого явления в современной социальной действительности. Во-первых, это переход западной цивилизации к индустриальному, особенно к постиндустриальному обществу. Индустриальное общество подготовило экономические, социальные и политические предпосылки,

способствовавшие трансформации традиционного типа семьи, с последующим его кризисом и потерей многих функций. Во-вторых, в условиях демократизации и доступности высшего образования дети теряют свою экономическую ценность (дети как работники) и представляют скорее иждивенческую нагрузку для семьи в период длительного обучения, что делает выгодным иметь мало или вообще их не иметь. В-третьих, хорошо развитая система социального обеспечения и обслуживания пожилых людей позволяет им быть экономически независимыми от своих детей, что также способствует распространению добровольной бездетности. В-четвертых, эмансипация женщин (активное их участие в общественном производстве, в получении образования) и трансформация гендерных ролей в целом способствовали изменению жизненных стратегий и траекторий отдельных мужчин и женщин. В-пятых, рост индивидуалистических ценностей (карьера, образование и т. д.), личных прав и свобод (в противовес традиционной, религиозной идеологии), упадок родственных связей привели к свободе выбора демографического поведения и сделали бездетность (как и безбрачие, сожительство) социально приемлемой нормой.

Указанные процессы объективно способствовали переходу к малодетной семье и снижению рождаемости в целом, а в итоге — к свободе выбора между рождением детей и социально приемлемой добровольной бездетностью и жизнью в одиночестве. Эти объективные причины преломляются в каждом конкретном случае в личностные субъективные мотивы и установки отказа от рождения детей.

По результатам интервью основные цели в жизни информантов связаны с получением диплома, поиском работы, жилья и др. Большинство отмечали в системе жизненных приоритетов семью, отношения со второй половиной и друзьями. Но были и такие высказывания, как «свобода» («личная», «от ига семьи»), «независимость», «отдых, развлечения, хобби», «веселая жизнь», «жизнь для себя». Отношение к семье более гибкое, поскольку большинство живет гражданским браком, отмечая, что регистрация отношений им не нужна, в том числе по причине отсутствия ребенка.

В качестве главных причин выбора бездетности большинство информантов указали: отсутствие материнского и отцовского инстинкта, страх и боязнь рожать и воспитывать

детей, боязнь не суметь вырастить успешных детей, отсутствие материальных ресурсов, жестокость общества и мировые проблемы, оценку сегодняшних детей как негативное явление, с потерей ценностных ориентаций. Отмечалась ненависть к детям в целом. В меньшей степени это связано с болезнью, нетрадиционной сексуальной ориентацией, влиянием неуспешной семейной жизни родителей и т. д.

Единственным сильным фактором давления на чайлдфри выступают их родители, реже — друзья. Как правило, близкие подруги или парни поддерживают в таком выборе своих партнеров. Половина информантов отметила, что общается в кругу единомышленников, таких же чайлдфри. По данным нашего исследования, представители чайлдфри — это молодые люди от 18 до 27 лет, имеющие высшее образование или находящиеся в процессе его получения. В исследуемой группе было много представителей из неполных семей. Многие предполагают, что в будущем может быть и заходят детей, т. е. их позиция может измениться. Мужчины и женщины отмечают различные причины отказа от детей. Так, если для женщин это то, что дети мешают карьере и личной жизни (отнимают здоровье, время), то для мужчин на первом месте стоят финансовые проблемы.

Родительство должно быть осознанным. Недостаточно родить, гораздо сложнее воспитать и вырастить адекватных, счастливых людей. И если молодые люди к этому не готовы или пока не готовы, то это их личный выбор.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Veevers J.E. Childless by choice. Toronto: Butterworths, 1980. 220 p.
2. Donath O. Making a Choice: Being Childfree in Israel. Tel-Aviv: Miskal-Yedioth Ahronoth, 2011. 246 p.
3. Burkett E. The baby boon: how family-friendly America cheats the childless. N. Y.: Free Press, 2000. 272 p.
4. Kneale D., Joshi H. Postponement and childlessness: Evidence from two British cohorts // Demographic research. 2008. Vol. 19, Art. 58. Pp. 1935—1968. DOI: <https://doi.org/10.4054/demres.2008.19.58>
5. Антонова Ю.А. Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию childfree: на грани экстремизма // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 170—177. URL: <http://ores.ru/journals/politicheskaya-lingvistika/2013-nomer-2-44/a69371> (дата обращения: 13.03.2017).

Для цитирования: Дадаева Т.М. Семьи чайлдфри в регионе: миф или реальность? // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 456—471.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

T. M. DADAeva. CHILDFREE FAMILIES IN A REGION: MYTH OR REALITY?

Keywords: region; childfree; refusal to have children; voluntary childlessness; parental family; attitudes towards children; qualitative study

Introduction: childfree is a new social phenomenon that has emerged in the last two decades. It is represented by childless spouses who do not have problems with reproductive health, but do not want to have children. The emergence of childfree families is largely the result of prior structural changes in the society as a whole, as well as of transformation of the family and gender relations in particular. In the context of the demographic crisis in Russia, sociological analysis of this problem is highly relevant.

Materials and Methods: qualitative semi-structured interviews with child-free people (11 men and 4 women from 18 to 27 years old) in the Republic of Mordovia, married or being in a civil union, became the empirical base of this research. The selection was carried out using the snowball method (partly through the social network “VKontakte”). The interview guide included the following thematic blocks: “Parental family”, “Reasons and motives of refusal to have children”, “Attitude towards children, towards starting a family”, “Interaction of the childfree people with the immediate environment (parents, relatives and friends)” and “Value orientations.”

Results: the informants’ main purposes in life are associated with graduating, finding work, housing, etc. In the system of priorities in life, most of respondents mentioned family, relationships with their spouse and friends, as well as “freedom” (“personal”, “from the yoke of the family”), “independence”, “leisure, entertainment, hobby,” “fun life” and “life for oneself.” Most of them live in a de facto union, noting that they do not need registration of a relationship, in particular, because they do not have a child. As the main reasons for choosing childlessness, the majority of informants mentioned the lack of maternal and paternal instinct, fear to give birth and raise children, fear of failing to raise successful children, lack of material resources, cruelty of the society, global problems and perception of the contemporary children as a negative phenomenon. Hatred for children in general was also mentioned. To a lesser extent, this is due to illness, sexual orientation, influence of an unsuccessful family life, parents, etc. The only strong factor of pressure on the childfree people are their parents and, more rarely, friends. As a rule, close friends support their partners in such a choice. Half of the informants said that they socialize with like-minded people, who also chose to be childfree. The childfree are young people from 18 to 27 years of age with higher education or in the

process of receiving it. In the study group, there were many representatives from single-parent families. Many of them assume that in the future they may want to have children.

Discussion and Conclusions: currently, it is difficult to define what a childfree family is: a long-term trend that will develop in the future, or a temporary community for young people, who may soon change their attitude. There are objective macroeconomic factors of the occurrence of this phenomenon in the current social reality: 1) transition of the Western civilization to the industrial society, especially to the postindustrial one; 2) in the context of democratization and accessibility of higher education, children lose their economic value (children as workers) and are, rather, a dependant burden on the family during the long training which makes it profitable to have few children or no children at all; 3) a well-developed system of social security and services for the elderly people allows them to be economically independent of their children; 4) emancipation of women and transformation of gender roles in general; 5) the growth of individualistic values, personal rights and freedoms, the decline of kinship have led to the freedom of choice of demographic behavior and made childlessness a socially acceptable norm.

REFERENCES

1. Veevers J.E. Childless by choice. Toronto: Butterworths; 1980. 220 p.
2. Donath O. Making a Choice: Being Childfree in Israel. Tel-Aviv: Miskal-Yedioth Ahronoth; 2011. 246 p.
3. Burkett E. The baby boon: how family-friendly America cheats the childless. New York: Free Press; 2000. 272 p.
4. Kneale D., Joshi H. Postponement and childlessness: Evidence from two British cohorts. *Demographic research*. 2008; 58(19):1935—1968. DOI: <https://doi.org/10.4054/demres.2008.19.58>
5. Antonova Yu.A. [Communicative strategy for texts, representing the childfree ideology: on the edge of extremism]. *Politicheskaja lingvistika = Political linguistics*. 2013; 2:170—177. Available at: <http://ores.su/ru/journals/politicheskaya-lingvistika/2013-nomer-2-44/a69371> (accessed 13.03.2017). (In Russ.)

About the author: Tatiana M. Dadaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (e-mail: dadaeva13@mail.ru). ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9749-9244>

For citation: Dadaeva T.M. Childfree Families in a Region: Myth or Reality? *REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY*. 2017; 3(25):456—471.

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 28.04.2017.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах: сб. ст. / под ред. А. В. Дмитриева. М.: Новый Хронограф, 2016. 208 с.

В конце 2012 г. Указом Президента Российской Федерации «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. № 1666 утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Ее актуальные и значимые положения получили развитие, обоснование и конкретизацию в исследованиях российских ученых. Одним из таких исследований в рамках тематики стратегии является рецензируемый сборник работ, авторы которого представляют разные регионы полиэтнической России и не только. Сборник состоит из двух частей.

Первая часть содержит статьи, представляющие результаты научно-исследовательского проекта «Прогнозное моделирование межэтнических отношений в российских регионах (на основе анализа идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп)», финансируемого Российским научным фондом (проект № 15-18-00093). Эти стратегии анализируются на примере Тюменской и Нижегородской областей, Краснодарского края. Каждый из этих регионов обладает разным социально-экономическим потенциалом, особенностями истории формирования и этнокультурного состава населения, но эти государственно-территориальные образования одинаково значимы для изучения

развития крупных полиэтнических сообществ в аспекте реализации государственной задачи — национальной политики консолидации социального пространства полиэтнической страны.

Авторы сборника рассматривают разные аспекты указанной задачи. В. В. Воронов, анализируя социально-экономические позиции диаспорно-земляческих сообществ в регионах, приходит к выводу, что укрепление, развитие и защита интегрирующих интересов государства заключается в системном развитии всех секторов экономики, дифференцированной поддержке диаспор и землячеств, выравнивании социально-экономических условий развития регионов (с. 13—28). В. М. Пешкова обращается к вопросу о групповой самоидентификации этнических сообществ в российских регионах на примере западносибирского (включающего Тюменскую область с автономными округами), южно-российского (Краснодарский край и Республика Адыгея) и приволжского (Нижегородская область) макрорегионов. Она выделяет четыре уровня групповых самоидентификационных стратегий диаспор и землячеств: семья и соотечественники, принадлежность к местному сообществу в регионе, сопричастность с исторической (диаспоры) или малой (землячества) родиной, самоидентификация с большинством на основании российского гражданства (с. 29—40).

А. В. Дмитриев, анализируя дискуссию о конфликтогенности этнических стереотипов в регионах современной России, отмечает их живучесть и неоднозначный характер в процессе адаптации иноэтнических групп в местном сообществе (с. 41—52). А. В. Дмитриев и А. В. Роговая, обращаясь к проблеме нормативного правового статуса диаспор, землячеств, указывают на отсутствие унификации терминов «диаспора», «землячество» и приходят к выводу, что лишь национально-культурные общественные объединения и национально-культурные автономии являются регуляторами межэтнических отношений и важными институтами гражданского общества в России (с. 53—79). Н. М. Морозова на примере Нижегородской области раскрывает роль диаспор и этнических землячеств в адаптации и интеграции мигрантов. Она выделяет несколько направлений адаптации и интеграции мигрантов: воспитательную работу внутри этнических групп с молодыми мигрантами; сохранение и воспроизводство своих традиций и языка; преодоление отчуждения от местного сообщества через мероприятия праздников национальных культур; юридическую коммерческую поддержку новых мигрантов; правовую и неформальную помощь в разрешении и урегулировании конфликтных ситуаций (с. 80—93). Е. О. Кубякин и В. В. Плотников проанализировали на примере представителей адыгского, татарского, лезгинского и узбекского этносов особенности идентификационных стратегий различных диаспор и землячеств на территории Краснодарского края. Их общий вывод сводится к утверждению о

достаточно благоприятном характере межнациональных отношений на территории Краснодарского края, а существующие межнациональные противоречия могут быть сведены к двум проблемам: незнание и нежелание принимать культурные особенности других этнических групп (с. 94—109). Этот вывод получен уточнение в статье В. А. Юдашкина и А. В. Юдашкина об особенностях самоорганизации некоторых диаспорных (азербайджанской, украинской) и земляческих (дагестанской) групп в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области. Авторы считают, что стратегии этнических групп выстраиваются вокруг вопросов взаимодействия с властями при решении задач сохранения национальных традиций и обычаев, поддержки своих членов, поиска компромиссных решений в отношениях с местным населением. При этом этнические группы не стремятся себя позиционировать в сфере региональной или местной политики (с. 110—113).

Вторая часть сборника состоит из статей «внешних» по отношению к проекту авторов, принявших участие в дискуссиях о роли диаспорных и земляческих групп в жизни региональных социумов. География этих авторов широка: от Латвийской Республики до Дальнего Востока.

В. В. Волков рассматривает проблемы идентичностей этнических меньшинств в Латвии и констатирует неоднозначность ответа на вопрос «Является ли межэтническая напряженность в латвийском обществе результатом проводимой этнополитики или, наоборот, межэтническое отчуждение находит свое отражение и реализуется в этнополитике лат-

вийского государства?» (с. 137—153). В. Ю. Леденева поднимает значимый вопрос о месте и роли диаспор в Москве в интеграции мигрантов и формулирует положение о том, что диаспоры, содействуя адаптации мигрантов, не должны подменять собой государственное регулирование миграционных процессов в стране и ее регионах (с. 154—160). В. И. Дятлов рассматривает актуальный аспект межнациональных отношений, касающийся проблемы трансграничных мигрантов в городском пространстве Сибири. Системный анализ этой проблемы приводит автора к выводу о неоднозначной роли мигрантов из Китая и Центральной Азии, их воздействия на принимающее общество сибирских городов, при осознании неслучайности и долгосрочности этого явления (с. 161—187). Р. Х. Симонян и Т. М. Кочегарова развивают эту тему через методологические проблемы исследования китайской диаспоры на восточных границах России. Оценивая восприятие китайцев русскими и наоборот, развитие межэтнических связей, миграционную стратегию ки-

тайцев в отношении России, авторы приходят к выводу о необходимости укрепления добрососедства для сохранения мира и стабильности между этими странами в условиях растущей рискогенности, сопровождающей глобализацию (с. 188—199).

Материалы рецензируемого сборника дискуссионны, имеют разную глубину анализа. Вместе с тем они свидетельствуют об определенных достигнутых результатах в выявлении проблем, тенденций существующих идентификационных стратегий диаспорных и земляческих групп в российских регионах. Они создают определенный научный задел для дальнейших плодотворных усилий в формировании идентификационных стратегий этносообществ в общем контексте консолидации и интеграции полиэтнического пространства страны и ее регионов. Сборник может быть полезен ученым и представителям власти, а также всем интересующимся этносоциальными процессами в регионах.

К. В. Фофанова,
доктор социологических наук
(г. Саранск)

Для цитирования: Фофанова К.В. [Рецензия] // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2017. Т. 25, № 3. С. 472—474. — Рец. на кн.: Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах: сб. ст. / под ред. А.В. Дмитриева. М.: Новый Хронограф, 2016. 208 с.

For citation: Fofanova K.V. [Review]. REGIONOLOGIYA = REGIONOLOGY. 2017; 3(25):472—474. — Review of the book: The identification strategies of diaspora and fellow countrymen in Russian regions. Moscow: New Chronograph; 2016. 208 p.

СООБЩЕНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY»

Отзыв из печати статьи: Пулов В. Е. Роль физической культуры в социализации личности // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2014. № 4. С. 196—204.

Отзывается из печати с согласия издателя статья, опубликованная в журнале «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY» (2014. № 4. С. 196—204) под названием «Роль физической культуры в социализации личности», автором которой является Пулов Вячеслав Евгеньевич, аспирант кафедры педагогики Мордовского государственного педагогического института.

Изъятие (ретракция) публикации обусловлено выявлением плагиата в этой статье. Материал статьи был взят из кандидатской диссертации Дудорова Владимира Валентиновича «Формирование ценностных ориентаций в сфере физической культуры (социально-педагогический аспект)». Санкт-Петербург, 2000. 258 с.

Протокол заседания комиссии по публикационной этике журнала «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY» от 19 июня 2017 г.

ANNOUNCEMENT FROM THE EDITORIAL BOARD OF THE REGIONOLOGY JOURNAL

Retraction of the article: Pulov V.E. The Role of Physical Culture in Socialization. REGIONOLOGY. 2014; 4:196—204.

The article “The Role of Physical Culture in Socialization” published in the Regionology journal (2014; 4:196—204), the author of the article is Vyacheslav E. Pulov, a postgraduate at the Department of Pedagogics, Mordovian State Pedagogical Institute (Saransk, Russian Federation) is retracted with the consent of the publisher.

Withdrawal (retraction) of the paper is caused by the established fact of plagiarism in this article. The material of the article was taken from the dissertation by Vladimir V. Dudorov “Formation of Value Orientations in the Sphere of Physical Culture (the Socio-Pedagogical Aspect)”. St. Petersburg, 2000. 258 p.

The minutes of the meeting of the Committee on Publication Ethics of the journal REGIONOLOGY of 19 June 2017.

Редакторы *С. В. Денисова, А. А. Парамонов*
Редактор текста на английском языке *А. В. Пузаков*

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» — 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 08.09.2017. Дата выхода в свет 29.09.2017. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 9,8. Уч.-изд. л. 8,6. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура JournalCTT. Тираж 1 000 экз. I завод — 200 экз. Заказ № 1346. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, д. 39а (НИИ регионологии ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва»).
Тел.: (8342) 32-86-14. E-mail: redreg@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68

Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.